

ISSN 2782-2966

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SEMIOTIC STUDIES

Научный журнал

Том 3 • № 3 • 2023

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. SEMIOTIC STUDIES
SEMİOTİKESKİE İSSLEDOVANİJA. SEMİOTİK STUDIES

Том 3, № 3, 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Журнал включен ВАК РФ в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук с 31.05.2023 г. Журнал включен в библиографическую базу данных РИНЦ (НЭБ eLIBRARY.ru).

Печатное СМИ, журнал «Семиотические исследования. Semiotic studies» является периодическим научным изданием, освещающим вопросы общей семиотики и смежных дисциплин. Знак, знаковый процесс и его векторы, семантика, синтактика и прагматика как измерения семиозиса, материальное воплощение знака – это тематическое пространство публикуемых работ. Журнал ориентирован на междисциплинарный синтез теоретического и практического знания, осуществляемый в рамках философии, литературоведения и социологии.

Цель журнала – изучение, осуществление и популяризация семиотического подхода к исследованию реальности.

Задачи журнала – создание международного, междисциплинарного исследовательского пространства в терминах и моделях общей семиотики, актуализация классического наследия и апробация новых идей семиотической мысли, создание и применение семиотических схем анализа и интерпретации в философском, литературоведческом и социологическом знании.

Тематика журнала

5.7. Философия (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.7.1. Онтология и теория познания
- 5.7.6. Философия науки и техники
- 5.7.7. Социальная и политическая философия

5.9. Филология (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.3. Теория литературы

5.4. Социология (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7. Социология управления

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор

А.Ю. Нестеров, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

Л.Г. Тютелова, д-р филол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

Т.Ю. Децова, канд. пед. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1.
Тел. +7 (846) 3345406, **e-mail:** semiotic@ssau.ru
www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Издатель и учредитель: Самарский университет

Адрес издателя: 443086, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б, Центр периодических изданий Самарского университета.

СМИ зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер серии **ПИ № ФС77-79678** от 27.11.2020 г.

Издается с 2021 г. Выходит 4 раза в год.

Подписной индекс в Объединенном интернет-каталоге «Пресса России» 85744
ISSN 2782-2966

Корректурa – *И.В. Ахматова*

Компьютерная верстка, дизайн – *И.В. Ахматова*

Информация на английском языке – *В.Д. Шевченко, Л. Ахтамьянова*

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+, Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

В оформлении обложки использованы художественные работы Карла Аймермахера.

Подписано в печать 13.10.2023 Выход в свет 18.10.2023. Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 17. Тираж 200 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Прайм».

Адрес типографии: 443079, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, Байкальский переулок, 12. Тел. (846) 922-62-90, e-mail: prime.163@mail.ru

© Самарский университет, 2023

Редакционная коллегия

К. Аймермахер, д-р филол. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

В.И. Аршинов, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

П.Н. Барышников, д-р филос. наук, доц. (Пятигорский государственный университет, Пятигорск, РФ)

Т.В. Бернюкевич, д-р филос. наук, проф. (Московский государственный строительный университет, Москва, РФ)

В.Ю. Бочаров, канд. социол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Н. Вербер, д-р филол. наук, проф. (Зигенский университет, Зиген, Германия)

М.Н. Вольф, д-р филос. наук, доц. (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, РФ)

Н.В. Головкин, д-р филос. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, РФ)

И.В. Дёмин, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Д.И. Дубровский, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

Т.Н. Иванова, д-р социол. наук, доц. (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, РФ)

В.Е. Лепский, д-р психол. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

М.Н. Липовецкий, д-р филол. наук, проф. (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)

В. Лопичич, д-р филол. наук, проф. (Нишский университет, Ниш, Сербия)

Н.П. Малютина, д-р филол. наук, проф. (Университет Белостока, Белосток, Польша)

А.И. Мантарова, д-р социол. наук, проф. (Институт философии и социологии Болгарской Академии наук, София, Болгария)

И. Пёрцген, д-р филол. наук, проф. (Бременский университет, Бремен, Германия)

П. Ристхаус, д-р филол. наук, проф. (Хагенский заочный университет, Хаген, Германия)

Н.Т. Рымарь, д-р филол. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

С.А. Судьин, д-р социол. наук, доц. (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, РФ)

С. Томашчикова, д-р филос. наук, доц. (Университет им. Павла Йозефа Шафарика, Кошице, Словакия)

И.А. Христов, д-р по социологии, проф. (Университет Паисия Хилендарского, Пловдив, Болгария)

Г. Шольц, д-р филос. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

Н.П. Щукина, д-р социол. наук, проф. (Самарский государственный медицинский университет, Самара, РФ)

Н.А. Ястреб, д-р филос. наук, доц. (Вологодский государственный университет, Вологда, РФ)

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

ISSN 2782-2966

SAMARA
UNIVERSITY

Samara National
Research University

SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIIJA

SEMIOTIC STUDIES

Scientific journal

Vol. 3 • no. 3 • 2023

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. SEMIOTIC STUDIES
SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIJA. SEMIOTIC STUDIES
Vol. 3, no. 3, 2023

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation into the list of peer-reviewed scientific publications, where the main scientific results of theses for the Candidate of Sciences degree, for the Doctor of Sciences degree should be published starting 31.05.2023. The journal is included into the RSCI bibliographic database (eLIBRARY.ru Public Electronic Library).

The journal "Semiotic Studies" is a scientific periodical highlighting the issues of general semiotics and adjacent disciplines. The sign, sign process and its agenda, signification (semantics), syntactics and pragmatics as the measurements of semiosis, material realization of a sign – the research areas of the published papers. The journal is focused on the interdisciplinary synthesis of theoretical and practical knowledge implemented within the framework of philosophy, literature studies and sociology.

The aim of the journal is studying, implementing and promoting the semiotic approach to researching into the reality.

The objectives of the journal – developing the international, interdisciplinary research space in terms and models of general semiotics, maintaining the current state of the classical heritage and new ideas' testing of semiotic thought, developing and application of semiotic analysis and interpretation patterns in philosophical, literature and sociological knowledge.

Remit of the journal

5.7. Philosophy (Social sciences and humanities)

5.7.1. Ontology and theory of knowledge

5.7.6. Philosophy of science

5.7.7. Social and political philosophy

5.9. Philology (Social sciences and humanities)

5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.3. Literary theory

5.4. Sociology (Social sciences and humanities)

5.4.2. Economic sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7. Management sociology

All the articles undergo reviewing by the Antiplagiat program and double-blind peer-reviewing by the leading scientists in line with the remit and specialties of the journal.

Chief Editor

A.Yu. Nesterov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Deputy Chief Editor

L.G. Tyutelova, Dr. philol. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Executive Editor

T.Yu. Deptsova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Editorial office address:

1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Samara region, Russian Federation.

Tel. +7 (846) 3345406, e-mail: semiotic@ssau.ru

www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Publisher and Founder: Samara National Research University

Address of Publisher: Center of Periodical Publications of Samara National Research University, room 312B(Б), building 22A, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

The mass media registration certificate **III No. ФС77-79678** of **27.11.2020**. The mass media organization was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

ISSN 2782-2966

Journal is published since 2021. It is published quarterly.

Subscription index in the United internet-catalog «Press of Russia» 85744
ISSN 2782-2966

Proofreading – *I.V. Akhmatova*
Computer layout, design – *I.V. Akhmatova*
Information in English – *V.D. Shevchenko*,
L. Akhtamyanova

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge. 0+, free price.

The Authors' articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

The art works by Karl Eimermacher have been used while creating the cover design.

Passed for printing on 13.10.2023 The publication 18.10.2023. Format 60x84/8. Litho paper. Instant print. Print. sheet. 17. Circulation 200 copies. Order No.

Printed using the ready layout original at OOO (LLC) Pryme Printing house.

Printing house address: 12, Baikalskij pereulok, Samara, 443079, Samara region, Russian Federation. Tel. +7 (846) 922-62-90, e-mail: prime.163@mail.ru © Samara National Research University, 2023

Editorial board

- K. Eimermacher**, Dr. philol. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)
V.I. Arshinov, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
P.N. Baryshnikov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Pyati-gorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation)
T.V. Bernyukevich, Dr. phil. habil., Professor (Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation)
V.Yu. Bocharov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)
N. Werber, Dr. philol. habil., Professor (University of Siegen, Siegen, Germany)
M.N. Volf, Dr. phil. habil., Associate Professor (Institute for Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
N.V. Golovko, Dr. phil. habil., Associate Professor (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation)
I.V. Demin, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)
D.I. Dubrovsky, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T.N. Ivanova, Dr. soc. habil., Associate Professor (Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation)
V.E. Lepskiy, Dr. psych. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
M.N. Lipovetsky, Dr. philol. habil., Professor (Columbia University, New York, USA)
V. Lopichich, Dr. philol. habil., Professor (University of Nis, Nis, Serbia)
N.P. Maliutina, Dr. philol. habil., Professor (University of Białystok, Białystok, Poland)
A.I. Mantarova, Dr. soc. habil., Professor (Institute of Philosophy and Sociology at Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria)
Y. Pörzgen, Dr. philol. habil., Professor (University of Bremen, Bremen, Germany)
P. Risthaus, Dr. philol. habil., Professor (Open University of Hagen, Hagen, Germany)
N.T. Rymar, Dr. philol. habil., Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)
S.A. Sudin, Dr. soc. habil., Associate Professor (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation)
S. Tomashchikova, Dr. phil. habil., Associate Professor (University named after Pavel Yosef Shafaric, Košice, Slovakia)
I.A. Hristov, Dr. soc. habil., Professor (Plovdiv University “Paisii Hilendarski”, Plovdiv, Bulgaria)
G. Scholtz, Dr. phil. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)
N.P. Shukina, Dr. soc. habil., Professor (Samara State Medical University, Samara, Russian Federation)
N.A. Yastreb, Dr. phil. habil., Associate Professor (Vologda State University, Vologda, Russian Federation)

This is an open access content distributed in accordance with the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction via any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

СОДЕРЖАНИЕ

Философия

Чистанова С.С. «Логика» функционирования естественного языка в философии оксфордской школы	8
Сериков А.Е. Понимание правил языка в биосемантике Рут Гаррет Милликэн	13
Барабанова Н.В., Барабанов В.С. Когнитивный подход к знаковым системам в познании. Часть 1: Доалхимический и алхимический периоды	22
Атакуев М.Н. Онтология внутрителесных ощущений в фокусе фундаментальных и прикладных исследований	30
Шольц Г. Лирическая поэзия в информационном обществе	39

Литературоведение

Рымарь Н.Т. Художественный метанарратив модерна и структура романа XIX в.	45
Нечаева Е.А. Аутентичность высказывания и «работа знаков» в коммуникации «слепоглухонемой – зрячеслышащий» (на материале творчества О.И. Скороходовой)	59

Социология

Егорова С.В. Социальный контракт как тренд трансформации государственной социальной поддержки малоимущих граждан: тенденции и риски	67
Зернов Д.В., Шалютина Н.В. Отношение молодежи к фильмам о Великой Отечественной войне: ожидания от просмотра и жанровые предпочтения	77
Митрофанова С.Ю. Социальные идентичности и практики консолидации современной молодежи: опыт отечественных и зарубежных исследований	88
Сизова И.Л., Орлова Н.С., Елагина Е.Д. Цифровая компетентность сотрудников: современные реалии и запросы работодателей	96
Орлова Л.В., Моисеева А.А. Академическая мобильность казахстанских и российских студентов: теоретико-методологический анализ	107

Междисциплинарные исследования

Нечитайло А.А., Прядильникова Н.В., Депцова Т.Ю., Гнутова А.А., Нечитайло С.А. Медиа-индустрия в условиях информационного общества: векторы профессиональной самореализации.	115
---	-----

Информация. Новости. События

Гарбузинская Ю.Р., Иванова В.Н., Рымарь Н.Т. Региональный методологический теоретический семинар «Theoretical studies»: «Формальный метод в литературоведении и его критика»	123
<i>Требования к оформлению статей</i>	131

CONTENTS

Philosophy

Chistanova S.S. The "Logic" of the natural language functioning in the Oxford School philosophy	8
Serikov A.E. Understanding language rules in Ruth Garrett Millican's biosemantics	13
Barabanova N.V., Barabanov V.S. Cognitive approach to the learning sign systems Part 1: pre-alchemical and alchemical periods	22
Atakuev M.N. Ontology of inner-body sensations in the focus of fundamental and applied research	30
Scholtz G. Lyric poetry in the information society	39

Literature studies

Rymar N.T. The modernity artistic metanarrative and the 19th century novel structure	45
Nechaeva E.A. Statement authenticity and "sign functioning" in communication between "deaf-blind and regular persons" (based on O. Skorokhodova's works)	59

Sociology

Egorova S.V. The social contract as a trend of transforming the low-income state social support: trends and risks	67
Zernov D.V., Shalyutina N.V. Young people's attitudes towards films about the Great Patriotic War: viewing expectations and genre preferences.	77
Mitrofanova S.Yu. Social identities and consolidation practices of the modern youth: the experience of Russian and foreign studies	88
Sizova I.L., Orlova N.S., Elagina E.D. Digital competence of employees: modern realities and the requests of employers.	96
Orlova L.V., Moiseeva A.A. Academic mobility of Kazakh and Russian students: theoretical and methodological analysis	107

Interdisciplinary studies

Nechitaylo A.A., Pryadilnikova N.V., Deptsova T.Yu., Gnutova A.A., Nechitaylo S.A. Media industry in the information society: tracks of the professional self-realization	115
--	-----

Information. News. Events

Garbuzinskaya Yu.R., Ivanova V.N., Rymar N.T. Regional methodological theoretical seminar "Theoretical studies": "Formal method in literature studies and its criticism"	123
<i>Requirements to the design and layout of articles</i>	131

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-3-8-12

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 165:81

Дата поступления: 07.07.2023
рецензирования: 30.08.2023
принятия: 15.09.2023

С.С. Чистанова

Хакасский государственный университет
им. Н.Ф. Катанова,
г. Абакан, Российская Федерация
E-mail: chistanovass24-17@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1347-7302>

«Логика» функционирования естественного языка в философии оксфордской школы

Аннотация: статья посвящена лингвистической философии, конкретно теории речевых актов Джона Остина. Эта теория исследует акты речи в ситуации непосредственного общения. Автор теории делит речевые акты на три типа действия, вводит термины для их обозначения: локутивные, иллокутивные, перлокутивные акты. Сам Остин пытался выявить и классифицировать иллокутивные глаголы, но не дал их точного определения и признаков для классификации, он предлагал делить все глаголы по «классам употребления», при этом один и тот же глагол мог относиться к разным классам. Автор статьи анализирует направления развития теории речевых актов, в частности, исследования ученика Дж. Остина – Джона Роджерса Сёрля, который ввел такие термины, как иллокутивная цель, условия выполнимости, направление соответствия. Эти три понятия позволяют выделить пять разновидностей речевых актов: ассертивы, директивы, комиссивы, экспрессивы, декларативы. Философия языка Сёрля остается популярной среди лингвистов, которые пытаются найти структурные правила, создающие явление. В статье рассматриваются другие варианты развития идей Джона Остина, связанные с моделированием речевого общения и теорией дискурса. В заключении автор статьи приводит недостатки теории обыденного языка.

Ключевые слова: философия оксфордской школы; лингвистическая философия; теория речевых актов; «классы употребления»; философия языка Сёрля; теория дискурса.

Цитирование: Чистанова С.С. «Логика» функционирования естественного языка в философии оксфордской школы // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 3. С. 8–12. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-8-12>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Чистанова С.С., 2023 – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры зарубежной лингвистики и теории языка, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 655017, Российская Федерация, г. Абакан, пр. Ленина, д. 90.

SCIENTIFIC ARTICLE

S.S. Chistanova

Katanov State University of Khakassia,
Abakan, Russian Federation
E-mail: chistanovass24-17@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1347-7302>

The "Logic" of the natural language functioning in the Oxford School philosophy

Abstract: this article focuses on the linguistic philosophy, specifically on John Austin's theory of speech acts. This theory examines the speech acts in the situation of direct communication. The theory author divides the speech acts into three action types, and introduces terms for their designation: locutionary, illocutionary, perlocutionary acts. Austin tried to identify and classify illocutionary verbs, but he did not give a precise definition or criteria for classification; he proposed dividing all the verbs into 'classes of use', upon that, the same verb could belong to different classes. The article author analyzes the speech act theory development lines, particularly, the research of John Rogers Searle, who was a follower of J. Austin. He introduced such terms as illocutionary point, conditions of satisfaction, direction of fit. These three terms allow him to identify five varieties of speech acts: assertives, directives, commissives, expressives, declaratives. It is Searle's philosophy of language that remains popular among linguists who try to find the structural rules that create the phenomenon. The article discusses

other development variants of John Austin's ideas, related to the speech communication modelling and discourse theory. The author concludes by pointing out the weaknesses of the everyday language theory.

Key words: Oxford School philosophy; linguistic philosophy; speech act theory; 'classes of use'; Searle's philosophy of language; discourse theory.

Citation: Chistanova, S.S. (2023), The "Logic" of the natural language functioning in the Oxford School philosophy, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 3, no. 3, pp. 8–12, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-8-12>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Chistanova S.S., 2023 – Candidate of Culture Science, Associate Professor, Associate Professor of Department of Foreign Linguistics and Language Theory, Katanov State University of Khakassia, 90, Lenin Prospekt, Abakan, 655017, Russian Federation.

Введение

В жизни многих лингвистов наступает момент, когда они, досконально изучив формы глаголов и их суффиксы, установив и проанализировав все возможные синтаксические связи в предложениях, научившись работать с целыми текстами, переносят интересы на другие вопросы. По какой причине просьба или приказ в нашем исполнении получают ту или иную форму, чем руководствуется мозг человека, выбирая за доли секунды грамматическую форму и лексическое наполнение вопроса или повествования. А главное, почему собеседники не всегда друг друга понимают, несмотря на соблюдение всех стилистических и грамматических правил. Предполагается, что ответы на подобные вопросы может дать аналитическая философия, в данной статье мы обратимся к лингвистической философии, одной из разновидностей аналитической философии, которая появилась в Великобритании в середине прошлого века.

Аналитическая философия занимается преимущественно логическим анализом языка науки, цель лингвистической философии – анализ обыденного языка. И хотя, по мнению философов, лингвистическая философия как школа уже не существует, вряд ли сказано все, что касается обыденного языка, доказательством этому служит масса последователей идей лингвистической философии, развитие новых направлений в других науках, так, например, в лингвистике выделилась и сформировалась такая область исследований, как прагматика. Даже поверхностное знакомство с работами, заложившими основы проблематики лингвистической философии, позволяет предположить, что часть исследователей, скорее, критиковали идеи логического анализа, и только некоторые из представителей этого направления пытались создать и развить собственные концепции. Остановимся на одной из таких теорий, которая, как правило, пользуется популярностью у лингвистов – на теории речевых актов Джона Остина.

Источник фактического материала

Джон Лэнгшо Остин (1911–1960) – получил образование в Оксфорде и работал там всю свою

жизнь. В 1955 году Джон Остин читал в Гарварде курс лекций, в которых изложил свою теорию речевых актов, – «Как совершать действия при помощи слов» («How to do Things with Words»). Автор теории исследует акт речи, совершаемый при непосредственном общении со слушателем. Автор разделил все речевые акты на три типа действий: локутивные, иллюкутивные и перлокутивные. Ни в упомянутых гарвардских лекциях, ни позже в своих статьях Дж. Остин не дает четкого определения этих понятий, в лекциях он разъясняет их с помощью примеров:

Локуция: Он сказал мне: «Стреляй в нее!»

Иллюкуция: Он настоял (посоветовал или приказал) мне ее застрелить.

Перлокуция: Он убедил меня ее застрелить.

Действие: Он добился того, что она убита.

Таким образом, локутивный акт – непосредственно произнесение высказывания, иллюкутивный акт – выражение чего-либо, отношения к цели, к условиям осуществления акта, перлокутивный акт – достижение определенного эмоционального результата (Остин 1999).

Насколько мы понимаем, локуция является предметом исследований в семантике, перлокуцией занимается риторика, Остин и прагматика концентрируют свое внимание на иллюкуции. Сам автор теории речевых актов не считает возможным разграничить эти акты упомянутым способом. Иллюкуцию нельзя себе представить без перлокуции, а перлокуция абсолютно неотделима от локуции. Остин предпринял попытки определить, по каким признакам можно отличить иллюкутивный речевой акт. Без определения сделать это достаточно сложно. Он приводит примеры: вопрос, ответ, информирование, уверение, предупреждение, назначение, критика, констатация. По мнению Остина, для определения и классификации иллюкутивных речевых актов нужно просто выявить все глаголы, которые могут обозначать действие, которое производится при говорении. Эти глаголы можно использовать для разъяснения силы высказывания. Именно так Джон Остин определял иллюкутивные глаголы. При этом иллюкутивные глаголы, по мнению автора теории,

должны употребляться с первым лицом единственного числа настоящего времени активного залога. Это единственный признак иллокутивных глаголов, других признаков нет. Сам Дж. Остин предложил список глаголов, имеющих названный признак, состоящий из тысячи иллокутивных глаголов (вернее, «10 в 3 степени»), кроме этого, он предложил их примерную классификацию, а также высказал оптимистичное предположение, что более совершенная классификация когда-нибудь появится.

Именно эта часть теории речевых актов необычайно привлекательна для филологов, здесь понятен фронт работы, на первый взгляд, ясно, что надо делать и даже приблизительно как. Сам Дж. Остин, естественно, изучал английские иллокутивные глаголы, у него масса последователей в этом плане. Так, например Т. Баллмер и В. Бреннштуйль проанализировали глаголы английского языка и классифицировали 4800 иллокутивных глаголов, то есть увеличили список Остина почти в 5 раз, они даже предприняли попытку определить языковые средства, выражающие речевые акты (Ballmer, Brennenstuhl 1981). Или Анна Вежбицкая, которая не только составила и издала семантический словарь глаголов речевых актов английского языка, она также их классифицировала, предложив 37 групп.

Стоит отметить, что определения иллокутивных глаголов так и не появилось, для каждого языка выявляются признаки если глагол им соответствует, то он иллокутивный. Признаки в каждом языке различаются, так, если в английском достаточен «простейший тест», суть которого в том, чтобы поставить глагол в первое лицо единственного числа активного залога, то в русском языке вполне допустимо третье лицо единственного числа и пассивный залог. Правда, появляется дополнительный признак – несовершенная форма глагола (Гловинская 1993).

Несмотря на надежду, выраженную Дж. Остином, в появлении более свежей и точной классификации иллокутивных глаголов, наиболее популярной остается его собственная идея для классификации – он предлагал классифицировать иллокутивные глаголы в соответствии с их иллокутивной силой. Он называет глаголы «классами употреблений»:

1) вердиктивы, любые суждения, решения (полагать “make it”, понимать “understand”, описывать “describe”, анализировать “analyse”, характеризовать “characterize”, оценивать “rate”);

2) экзерситивы, выражение приказов, советов, влияния, проявление власти (назначать “appoint”, приказывать “order”, требовать “claim”, советовать “advise”, унижать “degrade”, называть “name”, давать “press”, выбирать “choose”, приговаривать “sentence”);

3) комиссивы, обещания, обязательства и намерения (обещать “promise”, поддерживать “espouse”, планировать “plan”, одобрять “favour”, брать на себя ответственность “undertake”, гарантировать “guarantee”, клясться “vow”, принимать “adopt”, побеждать “champion”, препятствовать “oppose”);

4) бехабитивы, установки социального поведения (извиняться “apologize”, благодарить “thank”, делать комплимент “compliment”, поздравлять “congratulate”, приветствовать “welcome”, хотеть “wish”, протестовать “protest”, оспаривать “challenge”);

5) экспозитивы, результаты обсуждений, доказательств, прояснение причин (замечать “remark”, упоминать “mention”, информировать “inform”, спрашивать “ask”, докладывать “report”) (Остин 1999).

Это, конечно, трудно назвать классификацией, тем более, сам автор часто определял место глагола в ней интуитивно. Один и тот же иллокутивный глагол может относиться к одному, а может к нескольким классам.

Ход исследования

Чуть позже ученик Джона Остина – Джон Роджерс Сёрл, американский философ (Сёрл вел научную работу в Оксфорде в 1955–1960 гг. под руководством Остина), развивает теорию Остина и предлагает взять за основание классификации такое понятие, как «иллокутивная цель» (point), а также вводит термины «conditions of satisfaction» (условия выполнимости) и «direction of fit» (направление соответствия) (Searle 1979).

Условия выполнимости заменяют условия истинности, которые, согласно Остину, неприменимы к речевым актам. Остин, в целом, избегал категории «истинность», заменяя ее категорией «достоверность». Направление соответствия показывает, в каком направлении осуществляется действие при появлении речевого акта, варианта здесь два: от мира к словам (world-to-word) и от слов к миру (word-to-world).

Понятие «иллокутивная цель» (illocutionary point) отражает иллокутивную функцию речевого акта, является главным компонентом иллокутивной силы, но не тождественна ей. У команды и просьбы одинаковая иллокутивная цель, но разная иллокутивная сила (Searle 1979).

Эти три понятия, примененные Дж. Сёрлем, позволяют выделить пять разновидностей речевых актов:

1. Ассертивы (assertives), утверждения, заявления, уверения; отражают положение дел в мире (states of affaires). Пример: «В комнате открыты все окна».

2. Директивы (directives), приказы, просьбы; выражают стремление человека воздействовать на

мир, побудив другого человека к определенному действию. Пример: «Откройте все окна в комнате».

3. Комиссивы (*comissives*), обещания, клятвы; отражают готовность и обещание человека взять на себя определенные обязательства. Пример: «Я открою все окна в комнате».

4. Экспрессивы (*expressives*), извинения, благодарности; выражают эмоциональное состояние человека. Пример: «Мне душно в комнате с закрытыми окнами».

5. Декларативы (*declaratives*), объявления войны, согласие вступить в брак; осуществляют определенное действие в силу продуцирования самого речевого акта, причем положение дел меняется в соответствии с содержанием декларации в момент ее произнесения. Пример: «Отказываюсь открывать окна в комнате».

Последнюю, пятую, разновидность речевого акта Дж. Остин называл «перформативным предложением», утверждая, что подобные фразы не истинны, не ложны, но и не являются «констативами». Констативом Дж. Остин называет способ употребления высказывания вообще.

Ассертивы (*assertives*) имеют направление от слов к миру (*word-to-world*). Директивы (*directives*) и комиссивы (*comissives*) имеют направление от мира к словам (*world-to-word*). Экспрессивы (*expressives*) не имеют направления совсем (*null direction of fit*). Декларативы (*declaratives*) имеют двойное направление, от мира к словам и от слов к миру.

Классификация Сёрля тоже несовершенна, встречаются речевые акты, которые можно отнести к нескольким разновидностям. Например, жалоба (мэру города на плохое отопление) может быть одновременно ассертивом, т.к. информирует о положении дел (в каком конкретно месте не включили отопление), и одновременно директивом, т.к. побуждает другого человека (мэра) к действиям (наказать обидчика – руководителя ЖКХ, пожалеть жалобщика – собственника жилья), а может также быть экспрессивом, т.к. жалобщик высказывает недовольство положением дел.

В это же время в других работах Дж. Сёрля появится идея фона (*Background*), она усложнится, эволюционирует и станет основой философии сознания Дж. Сёрля, т.е. он оставит спокойную сферу философии языка. Но философия языка Сёрля остается популярной среди лингвистов, он сам объясняет различие между своим методом и методами, используемыми лингвистами. Дело в том, что философ, объясняя явление, ищет условия, а лингвист ищет структурные правила, создающие явление (Белянин 2016).

Возможно, этим можно объяснить тот факт, что в среде философов теории речевых актов Дж. Остина и его ученика не находят такого отклика,

как в среде лингвистов. Аналитические философы рассматривают идеальный язык логики и не хотят видеть, что идеальное значение в идеальных условиях искусственно сконструированной теории, какой бы сложной она ни была, не отражает действительного положения дел. Конечно, идеальный искусственный язык может предусмотреть наличие экстраординарных ситуаций, в которых этот язык продолжает функционировать, в то время как обыденный язык создаст еще одно условие своего существования, еще одну языковую игру. Именно это привлекает лингвистов, можно создавать правила, по которым обыденный язык всегда можно уточнить, исправить, улучшить, тем самым приблизив его к компромиссу с языком логики. В настоящее время (насколько известно автору статьи) говорить о компромиссе не приходится, а значит, у исследователей-последователей лингвистической философии впереди множество открытий в разных направлениях. Об оригинальных классификациях речевых актов уже упоминалось в данной статье.

Кроме описанных в данной статье вариантов развития идеи теории речевых актов, стоит выделить исследователей, которые предлагают формализовать теорию и основывают иллюкутивную логику (Дж. Сёрл и Д. Вандервекен). Иллюкутивная логика выявляет правила употребления выражений. Хотя одна из идей последователей Джона Остина состоит в том, что таких правил не существует. Но для современных исследователей это значит, что дискуссия продолжается (Searle 1986).

Заключение

Еще одно продуктивное направление развития идеи теории речевых актов – создание моделей речевых актов. Причем развитие образовательных технологий приводит к популяризации данного направления. Наибольшее влияние теория Дж. Остина оказала на теорию дискурса. В теории дискурса разделяют текст и дискурс, а под дискурсом понимают сам текст, но со всеми экстралингвистическими факторами (психологическими, прагматическими, социальными и др.). Иными словами, дискурс – это социальное действие, цель которого – участие во взаимодействии людей и механизмах сознания (Языкознание 2000).

Безусловно, автор статьи не считает теорию обыденного языка единственно возможной и лишенной недостатков. Один, на наш взгляд, основной недостаток подобных теорий мы рассмотрели. Это тот факт, что для каждого конкретного языка приходится разрабатывать свою систему правил, признаков и условий. Другой очевидный недостаток лингвистических теорий в философии – их крайне редко применяют к анализу реального текста. В некоторых современных теориях обыденного языка речь идет уже не о тексте, а о «разговоре» (Д. Хилтон) (Никоненко 2007).

Библиографический список

Searle, J.R. (1979), *Expression and meaning*, Cambridge University Press.

Баллмер Т., Бренненштуль В. «Классификация речевых актов» [Электронный ресурс]. <https://www.cambridge.org/core/journals/language-in-society/article/div-classtitleballmerth-and-brennenstuhlw-speech-act-classification-a-study-in-the-lexical-analysis-of-english-speech-activity-verbs-berlin-springer-verlag-1981-pp-x-274div/6AC576FBD016ECBA1D5BB5399021142A> (дата обращения 31.01.2020).

Беянин Михаил. От Остина к Сёрлу. [Электронный ресурс] <http://proza.ru/2016/11/19/805> (дата обращения 16.09.2017).

Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. Москва, 1993. С. 158–218.

Никоненко С.В. Аналитическая философия: основные концепции. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 546 с.

Остин Джон. Избранное / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 332 с. С.13–135.

Сёрл Дж. Р. Что такое речевой акт?; Косвенные речевые акты; Классификация речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Москва, 1986. С. 151–222.

Чистанов, М.Н. Лингвистический поворот как отражение кризиса онтологии // Философия науки. 2008. № 2 (37). С. 33–43.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. Москва: Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с.

References

Searle, J.R. (1979), *Expression and meaning*, Cambridge University Press.

Ballmer, T. and Brennenstuhl, W. (1981), *Classification of speech acts*, [Online], available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/language-in-society/article/div-classtitleballmerth-and-brennenstuhlw-speech-act-classification-a-study-in-the-lexical-analysis-of-english-speech-activity-verbs-berlin-springer-verlag-1981-pp-x-274div/6AC576FBD016ECBA1D5BB5399021142A> (Accessed 31 Jan 2020).

Belyanin, M. (2016), *From Austin to Searle*, [Online] available at: <http://proza.ru/2016/11/19/805> (Accessed 16 Sept 2017).

Glowinskaia, M.J. (1993), Semantics of speech verbs from the perspective of speech act theory, *The Russian language in its functioning: A communicative and pragmatic aspect*, pp. 158–218.

Nikonenko, S.V. (2007), *Analytical philosophy: basic concepts*, St. Petersburg University Press, St. Petersburg, Russia.

Austin, J. (1999), *Selected*, Translation from English by Makieva L. B., Rudnev V. P. B., Rudnev V.P., Idea Press, House of Intellectual Books, Moscow, Russia.

Searle, J.R. (1986), What is a speech act?; Indirect speech acts; Classification of speech acts, *New Things in Foreign Linguistics*, vol. XVII, pp. 151–222.

Chistanov, M.N. (2008), The linguistic turn as a reflection of the ontological crisis, *Philosophy of science*, no. 2(37), pp 33–43.

Linguistics. The Great Encyclopaedic Dictionary (2000), in Yartseva, V.N., 2nd edition, The Great Russian Encyclopaedia, Moscow, Russia.

Submitted: 07.07.2023

Revised: 30.08.2023

Accepted: 15.09.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 165 + 81'3

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-3-13-21

Дата поступления: 07.07.2023
рецензирования: 30.08.2023
принятия: 15.09.2023

А.Е. Сериков

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: serikov.ae@ssau.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4213-8089>

Понимание правил языка в биосемантике Рут Гаррет Милликэн

Аннотация: цель данного исследования – прояснение того, как в рамках биосемантики Рут Гаррет Милликэн понимаются правила языка. Специфика биосемантической программы исследования языка состоит в том, что функции и нормы языка определяются по аналогии с биологическими. Функция нормального употребления языковых конструкций состоит в их стабилизации и сохранении текущего узуса. Философским основанием биосемантики Милликэн является натуралистический реализм, включающий убеждение в существовании независимых от теории реальных видов и реальных категорий. У каждого человека есть способности распознавать и отслеживать одну и ту же вещь в её разных проявлениях – унитрекеры, а также уникальные индивидуальные взаимосвязи различных аспектов информации об одних и тех же вещах – уницепты. Кроме того, философия языка Милликэн основана на понимании языковых знаков как естественных конвенций; на основанных на узусе теоретических подходах в лингвистике; на классической корреспондентской теории истины и связанном с ней понимании значения как основанного на условиях истинности или обоснованности. Если под правилами понимать однозначные алгоритмы или соблюдаемые абсолютным большинством предписания, нарушение которых в обязательном порядке влечёт применение санкций, то тогда языковые конвенции в понимании Милликэн – это не правила. Но закономерности отображения знака на означаемую им реальность являются правилами в том смысле, что условия истинности или обоснованности применения знака могут быть или соблюдены, или нет, а высказывание с использованием данного знака исполнит свою стабилизирующую функцию только в первом случае.

Ключевые слова: язык; правила; конвенции; биосемантика; телеосемантика; реализм; натурализм.

Цитирование: Сериков А.Е. Понимание правил языка в биосемантике Рут Гаррет Милликэн // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 3. С. 13–21. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-13-21>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сериков А.Е., 2023 – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.E. Serikov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: serikov.ae@ssau.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4213-8089>

Understanding language rules in Ruth Garrett Millikan's biosemantics

Abstract: the purpose of this study is to clarify how the rules of language are understood in Ruth Garrett Millikan's biosemantics. The specificity of the biosemantic language research program is that the language functions and norms are defined by analogy with biological ones. The function of the normal using language structures is to stabilize them and preserve the current usage. The philosophical foundation of Millikan's biosemantics is naturalistic realism, which includes the belief in the existence of real types and real categories independent of theory. Every person has abilities to recognize and track the same things at their variety– unitrackers, as well as unique individual interconnections of various aspects of information about the same things – unicepts. Moreover, Millikan's philosophy of language is based on the understanding linguistic signs as natural

conventions; on usage-based theoretical approaches in linguistics; on the classical correspondence theory of truth and the related understanding of meaning as based on conditions of truth or justification. If rules are understood as unambiguous algorithms or prescriptions observed by the absolute majority, the violation of which necessarily entails the application of sanctions, then, for Millikan, the language conventions are not rules. But the patterns of the sign presenting onto the reality it signifies are rules in that the truth or justification conditions for the sign use can either be met or not, and an utterance using this sign fulfills its stabilizing function only in the first case.

Key words: language; rules; conventions; biosemantics; teleosemantics; realism; naturalism.

Citation: Serikov, A.E. (2023), Understanding language rules in Ruth Garrett Millikan's biosemantics, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 3, no. 3, pp. 13–21, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-13-21>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Serikov A.E., 2023 – Candidate of Philosophic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (st.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Биосемантика американской исследовательницы Рут Гаррет Милликэн (Милликэн) – это относительно новый, интенсивно развивающийся и перспективный подход в области философии языка, онтологии и теории познания. Философия не может не принимать во внимание эмпирические открытия и теоретические идеи современных когнитивных наук. В частности, в нейронауке накапливаются данные о распределенном кодировании индивидуальных концептов сетями нейронов человеческого мозга (Single Neuron Studies of the Human Brain 2014; Анохин 2022a, 2022b), а в когнитивной лингвистике подтверждаются идеи о важной роли экземпляров в категоризации (First Language 2020). Эти факты и гипотезы плохо соотносятся с традиционными представлениями о фрегеанском смысле понятий (концептов), но очень хорошо соотносятся с концепцией уницептов, предлагаемой Милликэн в рамках биосемантики. Концепция Милликэн также работает при объяснении эмпирических данных о решении детьми задач на понимание ложных убеждений – данных, кажущихся противоречивыми с точки зрения более традиционных подходов (Michael 2017). Идеи Милликэн успешно применяются для обоснования реалистических теорий в социальных науках, т.е. таких, которые нацелены на вычленение, классификацию и объяснение реальных видов, а не просто на описание артефактов социальных исследований (Vach 2022). Если же говорить не об отдельных проблемах, а о теории познания в целом, в философской литературе высказывалась точка зрения, что биосемантические теории имеют явные преимущества по сравнению с другими теориями ментальных репрезентаций (L'Hôte 2010).

Многие отечественные философы знакомы и с идеями Милликэн, и с ней самой, так как в 1993 г. она принимала участие в работе XIX Всемирного философского конгресса в Москве (Корсаков

2009). Однако её работы анализируются на русском языке крайне редко. Так, поисковик научной электронной библиотеки elibrary.ru находит лишь две публикации, явным образом (на уровне названия) посвященные философии Милликэн (Вострикова 2006; Каримов 2012). В этом контексте общий анализ идей Милликэн сам по себе является актуальным, и это – одна из задач данной статьи. Её решение служит достижению основной цели исследования, а именно, *прояснению того, как в рамках биосемантики Милликэн понимают правила языка*. Обычно Милликэн излагает свои идеи очень подробно, но она постоянно их дорабатывает и видоизменяет, что затрудняет их целостное понимание. Так, в предисловии к книге «Язык: Биологическая модель» (2005) Милликэн пишет, что «язык характеризуется не правилами, но (в широком смысле) биологическими нормами, относящимися к условиям обоснованности и к функции» (Millikan 2005, p. vii). А в главе 2 её недавней книги «За пределами понятий: уницепты, язык и естественная информация» (2017) она высказывает предположение, что «не существует таких вещей, как определенные "правила языка"» (Millikan 2017, p. 31). Это можно было бы понять как отрицание значимости или даже самого существования языковых правил, если бы в других местах Милликэн не писала о важности понимания правил. Например, в главе 10 той же книги она задаёт вопросы об отношении информационного знака к обозначаемому им состоянию дел: первый вопрос касается «правил соответствия для инфознака. Это вопрос о том, какое правило соответствия отображает знак на означаемое, как означаемое определяется формой знака согласно проективному правилу. <...> Второй вопрос <...> о том, что делает правила соответствия правилами соответствия, то есть что делает одно состояние дел инфознаком другого состояния дел» (Millikan 2017, p. 124). Поскольку идеи Милликэн могут играть важную роль в решении ряда научных и

философских вопросов, уточнение её представлений о правилах языка представляется довольно актуальным, так как большинство современных дискуссий о связи языка, мышления и поведения ведутся именно в терминах правил.

Биосемантика, телеосемантика и биосемиотика

Термин «биосемантика» употребляется для обозначения философии Милликэн как минимум с 1989 г., когда вышла её статья с соответствующим названием (Millikan 1989). В ней Милликэн пишет, что ряд авторов – Джерри Фодор, Деннис Стэмп, Фред Дрекке, Мохан Мэттен – решают проблемы семантики на основе обращения «к телеологии, особенно к условиям нормальной функции или хорошего функционирования систем, производящих внутренние репрезентации» (Millikan 1989, p. 281). В целом Милликэн разделяет такой подход, но в отличие от упомянутых авторов, в понимании нормальной функции делает акцент не на производстве репрезентаций, а на их употреблении. «Именно механизмы, которые *используют* репрезентации, делают их репрезентациями и в то же время <...> определяют их содержание» (Millikan 1989, p. 283–284). Должно быть что-то в самом потребителе информации, что конституирует его понимание знаков определённым образом, и если предположить, что понимание знаков систематически связано с их структурой, можно построить семантику языка потребителя. Соответственно, функция производителя знаков может быть понята как производство таких знаков, которые понимаются потребителем как истинные. Примерно так можно предварительно понять специфику биосемантической программы исследования языка.

В 1995 г. Милликэн называет общий для неё и Дрекке подход *телеосемантикой*, выражая благодарность Стивену Вагнеру за этот неологизм. «Под "телеосемантикой" понимается телеофункциональное объяснение того, что определяет содержание внутренних репрезентаций» (Millikan 1993, p. 124). Этот термин прижился и используется многими авторами, сегодня существуют разные направления в рамках телеосемантики. «Общим для всех телеосемантических теорий, – считает Карен Неандер, – является использование ими определённого понятия функции и утверждение, что семантические нормы в своей фундаментальной основе, помимо прочего, производны (*supervene*) от связанных с ними норм действия собственных функций (*proper functioning*)» (Neander 2017, p. 19–20). Джастин Гарсон и Дэвид Папино характеризуют господствующее (*mainstream*) направление в телеосемантике как точку зрения, «согласно которой ментальное представление следует понимать в терминах биологических функций, которые, в свою очередь, следует понимать в терминах

процессов отбора» (Garson and Papineau 2019, p. 36). В целом получается, что телеосемантика – это более широкое направление, представленное большим количеством авторов, чем биосемантика. Сама Милликэн пишет, что биосемантика – это «форма телеосемантики» (Millikan 2017, p. 221), и в последнее время предпочитает называть свой подход именно *биосемантикой* (Millikan 2018). Поэтому, когда отечественные авторы обозначают подход Милликэн как «телеосемантику» (Вострикова 2006) или «телеологическую семантику» (Барышников 2016), это в целом верно, но не совсем точно.

Поскольку семантика в целом традиционно понимается как один из разделов семиотики, существует соблазн понять биосемантику Милликэн как раздел *биосемиотики* – научной дисциплины, ведущей своё происхождение от работ Якоба фон Икскюля первой половины 20 в., и название для которого придумал в начале 1960-х Фридрих Солломон Ротшильд. Согласно Марчелло Барбиери, «биосемиотика представляет собой синтез биологии и семиотики, и её основная цель состоит в том, чтобы показать, что семиозис является фундаментальным компонентом жизни, т.е. что знаки и значения существуют во всех живых системах» (Barbieri 2009, p. 221). С одной стороны, проект Милликэн основан на биологической интерпретации семиозиса, и поэтому он действительно может быть рассмотрен как часть биосемиотики в широком смысле слова. Но с институциональной точки зрения, проект Милликэн не имеет отношения к традиционной биосемиотике, поскольку её работы не упоминаются в статьях по истории биосемиотики (Barbieri 2009), не цитируются авторами журнала "Biosemiotics" и не включаются в антологии по биосемиотике (Favareau 2009). Возможно, это связано с тем, что большинство исследователей в биосемиотике применяют традиционные семиотические понятия и инструменты для анализа процессов в живой природе, в то время как Милликэн, наоборот, использует биологические идеи для того, чтобы пересмотреть фундаментальные семиотические представления.

Реализм как основание биосемантики Милликэн

Известный представитель современного научного реализма Анжан Чакраварти пишет о трёх аспектах реализма как философской позиции: *онтологическом*, т.е. убеждении в независимом от ума существовании мира; *семантическом*, т.е. убеждении в том, что теоретические утверждения о мире имеют истинностное измерение; *эпистемологическом*, т.е. убеждении в том, что наши лучшие научные теории являются истинными и приблизительно описывают реальность такой, какова она на самом деле. Согласно Чакраварти,

различные варианты антиреализма – идеализм, инструментализм, логический позитивизм, скептицизм, конструктивизм – отрицают какие-либо из указанных убеждений (Chakravartty 2007, p. 9–10). Например, инструменталисты убеждены в реальном существовании мира и истинности теоретических высказываний о наблюдаемых сущностях, но сомневаются в возможности истинных высказываний о том, что ненаблюдаемо. В этом контексте интересна недавняя идея Альберто Корти о независимости эпистемологического и онтологического измерений реализма. Убеждение в реальности постулируемых научными теориями сущностей, включая ненаблюдаемые, Корти называет *научным реализмом*, а онтологический постулат о независимой от ума реальности мира – *метафизическим реализмом*. Согласно Корти, научный реализм совсем не обязательно предполагает метафизический. Например, можно быть солипсистом и научно изучать реальность, полагаемую субъективной (Corti 2023).

Эта терминология не совсем совпадает с той, которая применялась в конце XX века. Позиция Милликэн является реалистической во всех вышеперечисленных значениях, но Милликэн не стала бы называть себя метафизическим реалистом, поскольку выступала против предложенного в 1976 г. Хилари Патнэмом различия между *внутренним реализмом* (internal realism) и *метафизическим реализмом* (Putnam 1978, p. 123–140), которые в его книге «Разум, истина и история» (1981) описаны как *интерналистская* и *экстерналистская* перспективы. Сам Патнэм придерживается первой перспективы, согласно которой «"Истина" представляет собой своего рода разновидность (идеализированной) рациональной приемлемости, т.е. некую разновидность идеальной согласованности (coherence) наших убеждений друг с другом и данными нашего опыта, в той степени, в какой эти данные репрезентированы в нашей системе убеждений, а отнюдь не соответствие независимым от сознания или речи "положениям дел"» (Патнэм 2002, с. 71). Вторую перспективу, согласно которой реально существуют независимые от теории объекты, Патнэм критикует в качестве метафизического постулата, не основанного на эмпирических данных, в качестве мифологической Божественной точки зрения, недостижимой для человека.

Милликэн убеждена в том, что независимые от теории объекты реально существуют, но не считает это убеждение метафизическим в смысле противопоставления метафизики эмпирическому знанию. Свою позицию она называет натуралистической и считает, что натурализм подтверждается эмпирически. Различение Патнэма между внутренним и метафизическим реализмом она характеризует как трансценденталистское и отвер-

гает его. «Натурализм отрицает возможность конструирования эпистемологии, предшествующей остальной части чьей-либо теории мира. Согласно натурализму, мыслители находятся прямо посреди единственного существующего мира» (Millikan 1986, p. 423).

Эту точку зрения *натуралистического реализма*, противопоставляемого трансцендентализму, Милликэн сохраняет и в своей недавней книге «За пределами понятий». Начиная с кантианского вопроса о возможности познания, она пишет, что «в отличие от Канта, мы должны начать с приблизительного понимания того, на что похож мир до познания, и только позже развивать теории о природе познания в этом мире и о том, как ему удастся отражать остальную природу» (Millikan 2017, p. 3). Исходя из практического в своей основе целостного знания о мире, можно делать предположения о том, что из себя представляют его отдельные части, такие как человек, человеческий язык и т. п. Философия, с одной стороны, создает предпосылки, идеи для развития науки и научной картины мира, но с другой стороны, не может не опираться на научные данные, факты, открытия. «Там, где доступны современные научные данные, их следует использовать добросовестно» (Millikan 2017, p. 9).

Реализм Милликэн во многом основан на её убеждении, что животные и люди могут воспринимать какие-то объекты нашего мира и их свойства, независимо от наличия связанных с ними каких-либо осознанных представлений, понятий, языковых знаков. Животные справляются с повседневными задачами, не имея языка, подобного человеческому. Маленький ребёнок может воспринять и распознать банан и без того, чтобы знать слова, обозначающие его цвет, форму и вкус. Не только дети, но и большинство взрослых людей успешно используют фонемы родного языка в повседневной речи, не имея о них какого-либо понятия и не сопоставляя их с какими-либо специальными языковыми знаками.

Согласно Милликэн, мы живём в мире, о котором с самого начала знаем, что он состоит из отдельных имеющих различные свойства вещей, групп вещей в физическом пространстве и промежутков между ними. Если физические объекты представить в виде точек в многомерном пространстве свойств, они также будут объединяться в кластеры с размытыми, но примерно определяемыми границами и пустотами между ними. И здравый смысл, и наука говорят о том, что мир состоит из сгущений, комков (clumps). Разные живые существа могут уделять разное внимание тем или иным свойствам физических объектов и основанным на этих свойствах границам между ними. Но если восприятие каких-либо свойств и границ помогает выживать и развиваться, есть по-

вод думать, что и свойства, и границы, и объекты реальны. Кластеры в многомерном пространстве свойств, существующие не случайно, но в силу некой определённой причины, Милликэн называет *реальными видами* (kinds). По аналогии с реальными видами, она также пишет о *реальных категориях*, которые характеризует как «виды видов, а не виды индивидов» (Millikan 2017, p. 24). Реальные виды и категории отличаются от логических классов тем, что являются не просто результатом определений, а реально существуют, несмотря на то, что строго определить их порой невозможно, так как всегда находятся экземпляры, выпадающие за рамки определений. Границы между реальными видами являются зыбкими и нечеткими, приблизительными. Искусственная (логическая) классификация часто стремится провести четкие границы между вещами, но это может препятствовать дальнейшему познанию. Нужно не столько определять и классифицировать понятия, сколько распознавать реальные виды.

Различие между реальными видами и реальными категориями лучше всего интерпретировать в терминах отношения между *определяющими* (determinates) и *определяемыми* (determinables). Милликэн предлагает представить «пространство противоположностей» как пространство свойств, в котором каждая отдельная вещь в данный момент может обладать только одним свойством, а не другим. Например, цвет формирует такое пространство, потому что каждая конкретная вещь в данный момент времени имеет один цвет, а не другой. «Некоторое пространство противоположностей соответствует определяемому. Цвет, форма и масса – это определяемые. Индивидуальные противоположности внутри пространства противоположностей – это определяющие. Специфические цвета, формы и массы являются определяющими этих определяемых» (Millikan 2017, p. 24). На более привычном языке я бы выразил это в терминах переменных (определяемых), имеющих различные конкретные значения (определяющие). Так вот, реальные категории – это определяемые либо их совокупности (переменные), а реальные виды – это определяющие (индивиды с близкими значениями переменных). «Таким образом, в то время как реальные виды определяют вероятное множество ответов о различных свойствах каждого из их представителей, реальные категории определяют только множество вопросов о каждом из их представителей, на которые могут быть даны определённые ответы» (Millikan 2017, p. 25). При этом различие между реальными видами и категориями не является абсолютным, поскольку значения переменных могут в разной степени варьироваться между приблизительными и точными. Приблизительные значения могут рассматриваться как переменные. Например, *красный цвет* –

это значение переменной *цвет*, но внутри категории *красный цвет* может быть множество более точных значений, таких как *малиновый* или *цвет 3027 по стандарту RAL*.

Восприятие и распознавание одного и того же реального вида разными живыми существами и в разных ситуациях может быть основано на разных признаках или их комбинациях. В какой-то момент мы узнаём вещь по её форме, в другие моменты – по её цвету, звуку, типу движения и т. д. Способность распознавать и отслеживать одну и ту же вещь в её разных проявлениях Милликэн называет *унитрекером*, а связь различных аспектов информации об одной и той же вещи, отражаемую во взаимодействии с ней или представлениях о ней – *уницептом*. С одной стороны, существуют унитрекеры и уницепты *возможностей действия* (affording unitrackers and unicepts), с другой – *фактические* (factic) унитрекеры и уницепты. Уницепт возможностей не требует обязательного наличия связанного с ним слова или словосочетания, некоего обозначающего его термина, он может выражаться, особенно у животных, просто в predisposedности к определенным действиям с данным предметом или видом, в данной ситуации. Фактические уницепты привязаны к языковым обозначениям и, с этой точки зрения, напоминают концепты (понятия) традиционной философии (Millikan 2017, p. 62–68). Разница в том, что уницепты каждого человека *уникальны*, а если под концептами понимать некоторые *всеобщие* для данной культуры или языка истолкования слов и словосочетаний (фрегеанские смыслы), то по мнению Милликэн, их *не существует*. То, что обычно называют концептами, – это всего лишь *конвенции*, и разделяются они далеко не всеми носителями языка и представителями культуры, а только теми, которые данным конвенциям следуют.

Языковые конвенции и правила соответствия

Помимо реализма, наиболее важными основаниями философии языка Милликэн являются, во-первых, понимание языковых знаков как конвенций; во-вторых, основанные на узусе (usage-based) теоретические подходы в лингвистике, такие как когнитивная грамматика и грамматика конструкций; в-третьих, классическая корреспондентская теория истины и связанное с ней понимание значения как основанного на условиях истинности или обоснованности.

В понимании конвенций Милликэн отталкивается от концепции Дэвида Льюиса, изложенной в книге «Конвенция: Философское исследование» (Lewis 1969) и доработанной в статье «Языки и язык» (Lewis 1969). Милликэн опирается на идею Льюиса о том, что языковую конвенцию можно понять как одно из существующих альтернативных решений проблем координации во время

коммуникации, когда говорящие и слушающие взаимно заинтересованы в том, чтобы правильно понимать друг друга. Однако она критически относится к предположениям Льюиса о том, что конвенции основаны на почти всеобщей правдивости говорящих и доверии слушающих, а также на существовании регулярных форм действий, убеждений и предпочтений, соблюдаемых почти всеми членами некой популяции. Согласно Милликэн, для существования конвенции достаточно, чтобы некоторые языковые конструкции воспроизводились путём копирования и чтобы основанием этого воспроизводства была значимость их прецедентов. Такие «простые» (made simple) конвенции Милликэн называет *естественными* (Millikan 1998).

Единственно возможные или единственные известные решения каких-либо проблем не могут считаться конвенциональными, если они появляются и применяются вновь и вновь из-за отсутствия альтернатив. Если же альтернативы известны и копирование одной из них приводит время от времени к успешному решению проблемы координации, т.е. если коммуниканты понимают друг друга достаточно правильно для дальнейшего успешного взаимодействия, то такая форма сохраняется и распространяется в качестве конвенции. При этом не является необходимым, чтобы ей следовало абсолютное большинство носителей языка или чтобы у тех, кто ей следует, были какие-то эксплицитные представления и предпочтения о представлениях и предпочтениях других участников конвенции. Не требуется и обязательного существования общих для всех концептов, связанных с теми или иными лексическими единицами, используемыми в конвенции.

Чтобы лучше понять Милликэн, следует иметь в виду, что она противопоставляет свой взгляд на сущность языка подходу Ноама Хомского и его последователей, господствующему в американском языкознании. О том, как Милликэн оценивает это доминирование, можно судить по примечанию к её исследованию «Имеющее некоторое значение различие между конвенциями и правилами» (2008): «Это эссе было написано с точки зрения американского Северо-Востока, где единственной ясно различимой традицией является генеративная грамматика» (Millikan 2008, p. 87). В хомскианском генеративизме предполагается, что человек понимает предложения родного языка на основе алгоритмических правил, почти не оставляющих шанса для различных толкований одних и тех же языковых структур. Милликэн же отдаёт предпочтение грамматике конструкций, когнитивной грамматике и другим основанным на узусе подходам в лингвистике. В частности, важным для неё является отрицание жёсткого различия между лексиконом и синтаксисом, а также связанная с

этим отрицанием идея *языковой конструкции* как единства формы и значения, существующего в некоем континууме между лексиконом и синтаксисом, обладающего в различной мере свойствами и того, и другого. Для объяснения сущности языка необходимо понять, как именно люди воспринимают сходство копируемых конвенциональных форм, и в этом контексте важно, что «анalogии, воспринимаемые при использовании языка, проецируются не просто от синтаксической формы к синтаксической форме, но скорее от целых конструкций вместе с их значениями к новым целым конструкциям вместе с новыми значениями» (Millikan 2008, p. 91).

Сравнивая естественные языковые конвенции с традиционным представлением о языковых правилах, Милликэн выдвигает три гипотезы:

1) Лингвистические конвенции – это не правила, в том смысле, что существующие хорошо известные языковые прецеденты и способы их понимания не создают барьеров для создания новых форм, если какое-то их понимание имеет место. Правильное и неправильное использование языковых конструкций не определено однозначно. Отклонения от распространённых конвенций сами могут со временем стать конвенциональными.

2) Языковые конвенции переплетаются с более широкими культурными конвенциями. Нет чёткого различия между языковыми правилами в узком смысле этого слова и более широкими конвенциями об использовании языка в различных ситуациях. Полный конвенциональный знак может состоять частично из высказывания, а частично из его контекста или некоторых аспектов контекста.

3) Не существует чётких границ между независимыми от контекста семантическими значениями высказываний, с одной стороны, и зависимыми от контекста прагматическими значениями, с другой. Различение между семантикой и прагматикой нуждается в переосмыслении (Millikan 2008, p. 91).

Если функцию конвенции определить по аналогии с понятием биологической функции, то «функции конвенционального паттерна – это те его следствия, которые способствуют его продолжающейся репродукции» (Millikan 2005, p. 39). Репродуцируются только те языковые конвенции, которые хотя бы иногда помогают в координации, а для этого они должны время от времени эффективно выполнять функции коммуникации. Это возможно лишь при условии, что значения конвенциональных языковых форм основаны на соответствии условиям истинности или обоснованности, т.е. реальным положениям дел. С этой точки зрения, можно говорить о *правилах соответствия*, но это не те правила, которые человек, употребляющий предложения, держит в голове и осознанно применяет.

«Соответствие – это сама природа истины и, конечно, включается в само значение "истинного". <...> Грубо говоря, значение предложения – это его специальные функции отображения, те, в соответствии с которыми оно "должно" или "предположительно должно" отображаться на мир. (Предполагается, что предложения истинны, разве не так?) Но мы отвергаем соответствие в качестве проверки истины на любом из уровней. Поэтому эти функции отображения не могут быть правилами, которые *пользователь* предложения как-то держит в своей голове и применяет. Пользователь не может быть тем, кто "предполагает", что его предложения так отображаются. Похожим образом, выражение "предположительно должно", которое определяет значение, нужно отличать от того, в котором "предполагается", что человек в соответствии с ожиданиями других подчиняется определённым правилам, когда обосновывает применение или применяет некоторое предложение» (Millikan 1984, p. 9–10).

Милликэн называет *Нормальным* (с заглавной буквы *H*) «такой вид использования языковой формы, который в данный момент помогает стабилизировать и сохранять её текущий узус» (Millikan 2018, p. 2). Другими словами, при Нормальном использовании языковых форм реализуется их стабилизирующая функция, заключающаяся в том, чтобы люди и далее были склонны употреблять данные формы для выражения данных значений. Так, стабилизирующая функция индикативных конструкций состоит в создании и поддержании у слушателей истинных убеждений, а функция императивных конструкций – в том, чтобы слушатель исполнял обозначенные этими конструкциями действия. Это возможно лишь тогда, когда выполняются условия истинности или обоснованности. Если языковая форма в достаточном количестве случаев используется Нормально, то она может использоваться в прежнем значении и дальше, образуя «репродуктивно сложившуюся семью» (*reproductively established family* – REF), сеть переплетённых линиджей, состоящих из копий, копирующих копии, копирующих копии» (Millikan 2017, p. 156). Используемая конвенционально языковая конструкция – это не отдельный употребляемый кем-то экземпляр языкового знака, но целая наследственная линия знаков, «линидж конкретных единичных экземпляров, похожих друг на друга, потому что они (1) были скопированы друг с друга (2) для повторных решений одной и той же задачи» (Millikan 2018, p. 2).

Заключение

Являются ли языковые и культурные конвенции правилами или нет? Ответ зависит от того, как определить термин «правило». Некоторые учёные применяют этот термин к типичным формам пове-

дения, настаивая на том, чтобы эти формы были единственно возможными или соблюдаемыми абсолютным большинством. Например, Кейт Фокс формулирует свою научную задачу как описание имплицитных правил поведения английской культуры, которые прямо сопоставляет с правилами языка, говоря о грамматике поведения или грамматике культуры. Под правилами она понимает «нормальное и обычное» поведение, которое является «достаточно общим» для того, чтобы быть заметным и имеющим значение. «Действительно, фундаментальное требование социального правила – как бы оно ни было определено – это то, что оно может быть нарушено. Правила поведения (стандарты, принципы) этого вида не таковы, как естественнонаучные или математические законы, являющиеся утверждениями о необходимых положениях дел; они контингентны по определению» (Fox 2014, p. 15).

Если же под правилами понимать однозначные алгоритмы, почти не знающие сбоев, или соблюдаемые абсолютным большинством предписания, нарушение которых в обязательном порядке влечёт применение санкций, то тогда языковые конвенции в понимании Милликэн – это не правила. Конвенции никого не обязывают им следовать. Кроме того, конвенции не требуют доводить до конца начатые действия, воспроизводить конвенциональные действия целиком. Но Милликэн называет правилами закономерности отображения знака на означаемую им реальность в том смысле, что условия истинности или обоснованности применения знака могут быть или соблюдены, или нет, а высказывание с использованием данного знака исполнит свою стабилизирующую функцию только в первом случае.

Библиографический список

- Bach, T. (2022), Same-tracking real kinds in the social sciences, *Synthese*, vol. 200, Art. 118, DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-022-03521-4>.
- Barbieri, M. (2009), A short history of biosemiotics, *Biosemiotics*, vol. 2, pp. 221–245, DOI: <https://doi.org/10.1007/s12304-009-9042-8>.
- Chakravartty, A. (2007), *A metaphysics for scientific realism: knowing the unobservable*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511487354>.
- Corti, A. (2023), Scientific realism without reality? What happens when metaphysics is left out, *Foundations of Science*, vol. 28, pp. 455–475, DOI: <https://doi.org/10.1007/s10699-020-09705-w>.
- Favareau, D. (2009), *Essential readings in biosemiotics: anthology and commentary*, Springer, Dordrecht, DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-4020-9650-1>.
- First Language, (2020), *Special issue: Against stored abstractions: A radical exemplar model of lan-*

guage acquisition, vol. 40, Issue 5-6, [Online], available at: <https://journals.sagepub.com/toc/fla/40/5-6> (Accessed 10 June 23).

Fox, K. (2014), *Watching the english: the hidden rules of english behaviour* (2nd ed.), Hodder, London, UK.

Garson, J. and Papineau, D. (2019), Teleosemantics, selection and novel contents, *Biology & Philosophy*, vol. 34, Art. 36, DOI: <https://doi.org/10.1007/s10539-019-9689-8>.

L'Hôte, C. (2010), Biosemantics: an evolutionary theory of thought, *Evolution: Education and Outreach*, vol. 3, pp. 265–274, DOI: <https://doi.org/10.1007/s12052-009-0168-6>.

Michael, J. (2017), Putting unicepts to work: a teleosemantic perspective on the infant mindreading puzzle, *Synthese*, vol. 194, no. 11, pp. 4365–4388, DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-015-0850-x>.

Millikan, R.G. (2008), A difference of some consequence between conventions and rules, *Topoi*, vol. 27, pp. 87–99, DOI: <https://doi.org/10.1007/s11245-008-9026-3>.

Millikan, R.G. (2017), *Beyond concepts: unicepts, language, and natural information*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Millikan, R.G. (1989), Biosemantics, *Journal of Philosophy*, vol. 86, no. 6, pp. 281–297.

Millikan, R.G. (2018), Biosemantics and words that don't represent, *Theoria*, vol. 84, no. 3, pp. 229–241, DOI: <https://doi.org/10.1111/theo.12146>.

Millikan, R.G. (1984), *Language, Thought, and other biological categories: new foundations for realism*, MA: MIT Press, Cambridge, UK.

Millikan, R.G. (2005), *Language: a biological model*, Oxford University Press, N.Y., USA, DOI: <https://doi.org/10.1093/0199284768.001.0001>.

Millikan, R.G. (1986), Metaphysical anti-realism?, *Mind*, vol. 95, no. 380, pp. 417–431, [Online], available at: <http://www.jstor.org/stable/2254151> (Accessed 10 June 23).

Millikan, R.G. (1993), *White queen psychology and other essays for Alice*, MIT Press, Cambridge, UK.

Neander, K. (2017), *A mark of the mental: in defense of Informational teleosemantics*, MIT Press, Cambridge, UK.

Putnam, H. (1978), *Meaning and the moral sciences*, Routledge & Kegan Paul, London, UK.

Fried, I., Rutishauser, U., Cerf, M. and Kreiman, G. (Eds.) (2014), *Single neuron studies of the human brain: probing cognition*, MIT Press, Cambridge, MA.

Анохин К.В. Гиперсетевой мозг: новое решение mind-brain problem. Доклад на междисциплинарном семинаре факультета психологии МГУ им. М.В.Ломоносова «Время. Субъект. Сознание. Деятельность» 11.05.22. 2022а. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=k8IIRyqKu4> (дата обращения: 10.06.23).

Анохин К.В. Когнитом: гиперсетевая теория мозга. Доклад на Петербургском семинаре по когнитив-

ным исследованиям. Факультет свободных искусств и наук 20.12.22. 2022б. URL: <https://artesliberales.spbu.ru/ru/calendar/gipersetevaya-teoriya-mozga> (дата обращения: 10.06.23).

Барышников П.Н. Между телом и значением: методологические преимущества телеологической семантики // Когнитивные исследования языка. 2016. № 27. С. 709–715. DOI: <https://doi.org/10.20916/2071-9639-2016-27-709-715>.

Вострикова Е.В. О книге Рут Гаррет Милликэн «Язык: биологическая модель» // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 10. № 4. С. 238–244.

Каримов А.Р. Р. Милликэн о теории значения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 10 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 69–73.

Корсаков С.Н. XIX Всемирный философский конгресс (Москва, 1993) в истории отечественной философии // Философские науки. 2009. № 8. С. 127–140.

Патнэм Х. Разум, истина и история / Пер. с англ. Т.А. Дмитриева и М.В. Лебедева. Москва: Практис, 2002. 296 с.

References

Bach, T. (2022), Same-tracking real kinds in the social sciences, *Synthese*, vol. 200, Art. 118, DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-022-03521-4>.

Barbieri, M. (2009), A short history of biosemiotics, *Biosemiotics*, vol. 2, pp. 221–245, DOI: <https://doi.org/10.1007/s12304-009-9042-8>.

Chakravartty, A. (2007), *A metaphysics for scientific realism: knowing the unobservable*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511487354>.

Corti, A. (2023), Scientific realism without reality? What happens when metaphysics is left out, *Foundations of Science*, vol. 28, pp. 455–475, DOI: <https://doi.org/10.1007/s10699-020-09705-w>.

Favareau, D. (2009), *Essential readings in biosemiotics: anthology and commentary*, Springer, Dordrecht, DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-4020-9650-1>.

First Language, (2020), *Special issue: Against stored abstractions: A radical exemplar model of language acquisition*, vol. 40, Issue 5-6, [Online], available at: <https://journals.sagepub.com/toc/fla/40/5-6> (Accessed 10 June 23).

Fox, K. (2014), *Watching the english: the hidden rules of english behaviour* (2nd ed.), Hodder, London, UK.

Garson, J. and Papineau, D. (2019), Teleosemantics, selection and novel contents, *Biology & Philosophy*, vol. 34, Art. 36, DOI: <https://doi.org/10.1007/s10539-019-9689-8>.

L'Hôte, C. (2010), Biosemantics: an evolutionary theory of thought, *Evolution: Education and Outreach*,

vol. 3, pp. 265–274, DOI: <https://doi.org/10.1007/s12052-009-0168-6>.

Michael, J. (2017), Putting unicepts to work: a teleosemantic perspective on the infant mindreading puzzle, *Synthese*, vol. 194, no. 11, pp. 4365–4388, DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-015-0850-x>.

Millikan, R.G. (2008), A difference of some consequence between conventions and rules, *Topoi*, vol. 27, pp. 87–99, DOI: <https://doi.org/10.1007/s11245-008-9026-3>.

Millikan, R.G. (2017), *Beyond concepts: unicepts, language, and natural information*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Millikan, R.G. (1989), Biosemantics, *Journal of Philosophy*, vol. 86, no. 6, pp. 281–297.

Millikan, R.G. (2018), Biosemantics and words that don't represent, *Theoria*, vol. 84, no. 3, pp. 229–241, DOI: <https://doi.org/10.1111/theo.12146>.

Millikan, R.G. (1984), *Language, Thought, and other biological categories: new foundations for realism*, MA: MIT Press, Cambridge, UK.

Millikan, R.G. (2005), *Language: a biological model*, Oxford University Press, N.Y., USA, DOI: <https://doi.org/10.1093/0199284768.001.0001>.

Millikan, R.G. (1986), Metaphysical anti-realism?, *Mind*, vol. 95, no. 380, pp. 417–431, [Online], available at: <http://www.jstor.org/stable/2254151> (Accessed 10 June 23).

Millikan, R.G. (1993), *White queen psychology and other essays for Alice*, MIT Press, Cambridge, UK.

Neander, K. (2017), *A mark of the mental: in defense of Informational teleosemantics*, MIT Press, Cambridge, UK.

Putnam, H. (1978), *Meaning and the moral sciences*, Routledge & Kegan Paul, London, UK.

Fried, I., Rutishauser, U., Cerf, M. and Kreiman, G. (Eds.) (2014), *Single neuron studies of the human brain: probing cognition*, MIT Press, Cambridge, MA.

Anokhin, K.V. (2022a), *Hypernetwork brain: a new solution to the mind-brain problem*, Report at the interdisciplinary seminar of the faculty of psychology of Lomonosov Moscow State University “Time. Subject. Consciousness. Activities” 11.05.22, [Online], available at: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=k8IIRydqKu4> (Accessed 10 June 2023).

Anokhin, K.V. (2022b), *Cognitome: hypernetwork theory of the brain*, Report at the St. Petersburg seminar on cognitive research. Faculty of Liberal Arts and Sciences. 12/20/22, [Online], available at: URL: <https://artesliberales.spbu.ru/ru/calendar/gipersetevaya-teoriya-mozga> (Accessed 10 June 2023).

Baryshnikov, P.N. (2016), Between body and meaning: methodological benefits of teleological semantics, *Cognitive Studies of Language*, no. 27, pp. 709–715, DOI: <https://doi.org/10.20916/2071-9639-2016-27-709-715>.

Vostrikova, E.V. (2006), About Ruth Garret Millikan's Book "Language: A Biological Model", *Epistemology & Philosophy of Science*, vol. 10, no. 4, pp. 238–244.

Karimov, A.R. (2012), R. Millikan about Theory of Meaning, *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art*, Issues of Theory and Practice, vol. 10–2, no. 24, pp. 69–73.

Korsakov, S.N. (2009), XIX World Philosophical Congress (Moscow, 1993) in the History of Russian Philosophy, *Russian Journal of Philosophical Sciences*, no. 8, pp. 127–140.

Putnam, H. (2002), *Reason, Truth and History* (trans. by Dmitriev T.A. and Lebedev M.V.), Praktis, Moscow, Russia.

Submitted: 07.07.2023

Revised: 30.08.2023

Accepted: 15.09.2023

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-3-22-29

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 16Дата поступления: 07.07.2023
рецензирования: 30.08.2023
принятия: 15.09.2023**Н.В. Барабанова**Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: trommel@list.ru**В.С. Барабанов**Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: wladimir-b@list.ru**Когнитивный подход к знаковым системам в познании
Часть 1: Доалхимический и алхимический периоды**

Аннотация: зависимость процесса познания и понимания в любой сфере знаний от качества семиотизации, детальной названности объектов познания всегда была когнитивной проблемой, хотя и не всегда осознаваемой. Цель работы состоит в том, чтобы рассмотреть взаимосвязи между развитием семиотической системы и процессом познания в одной из естественнонаучных сфер, а именно, в химии. В качестве рабочей гипотезы предполагается наличие прямой зависимости между процессами познания действительности с точки зрения химии и реализацией семиотического кодирования знаний о взаимодействии веществ. Процессы познания и способы кодирования информации, понимаемой в качестве результата когнитивного процесса, взаимно влияют друг на друга. Развитие семиотической системы, отражающей уровень знания, определяется работой над объектами познания, но вместе с тем и сам способ кодирования знания подталкивает к новым гипотезам или даже к выводам относительно объекта исследования в химии. В первой части данной статьи мы рассматриваем особенности отражения в знаках результатов познания в области химии в раннее время, включая алхимический период. Метод исследования – диахронный семиотический анализ представлений о языках и знаках химии от Античности до Нового времени. Результаты исследования подтверждают выдвинутую гипотезу.

Ключевые слова: семиотика; когнитивные процессы; познание; химия; доалхимический период; алхимия; знаковая система.

Цитирование: Барабанова Н.В., Барабанов В.С. Когнитивный подход к знаковым системам в познании. Часть 1: Доалхимический и алхимический периоды // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 3. С. 22–29. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-22-29>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Барабанова Н.В., 2023** – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© **Барабанов В.С., 2023** – аспирант кафедры конструирования и технологии электронных систем и устройств, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

N.V. BarabanovaSamara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: trommel@list.ru**V.S. Barabanov**Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: wladimir-b@list.ru

Cognitive approach to the learning sign systems Part 1: pre-alchemical and alchemical periods

Abstract: the dependence of the process of cognition and understanding in any field of knowledge on the quality of semiotization, the detailed naming of cognition objects has always been a cognitive problem, although not always a realized one. The purpose of this work is to consider the relationship between the the semiotic system development and the cognition process in one of the natural sciences, namely, in chemistry. As a working hypothesis, we assume that there is a direct relationship between the processes of cognition and the study of reality from in terms of chemistry and semiotic coding of knowledge about the interaction of substances. At the same time, the processes of cognition and the ways of encoding information, resulted from the cognitive process, mutually affect each other. The semiotic system development, reflecting the knowledge level, is determined by the work on cognition objects, and also the way of coding knowledge stimulates new hypotheses or even conclusions about the object of research in chemistry. In the first part of this article, we consider the features of reflection in the signs of chemistry knowledge in the earlier times, including the alchemical period. The research method consists of the diachronic semiotic analyzing the concepts of chemistry language and signs from the Ancient till the New time. The study results confirm the hypothesis put forward.

Key words: semiotics; cognitive processes; knowledge; chemistry; pre-alchemical period; alchemy; coding; cognitive science; sign system.

Citation: Barabanova, N.V. and Barabanov, V.S (2023), Cognitive approach to the learning sign systems. Part 1: pre-alchemical and alchemical periods, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 3, pp. 22–29, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-22-29>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Barabanova N.V., 2023** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Barabanov V.S., 2023** – Post-graduate student of the Department of Design and Technology of Electronic Systems and Equipment, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Семиотика как наука, занимающаяся изучением вопросов о хранении, передаче и переработке информации, не может исходить из предметного посыла понятий «хранение», «передача» и «переработка» информации, так как сама информация выходит за пределы предметности. Хранение и передача информации в рамках семиотических процессов являются взаимодополняющими процедурами. Хранение информации и ее знакового выражения осуществляется путем ее передачи. Передача информации и есть ее сохранение. Немаловажным аспектом является вопрос о специфике самой информации, ибо она влияет как на способ ее кодирования, так и на саму сферу познания в области обработки, то есть увеличения количества, скорости и качества обработки этой информации. Когнитивные процессы, как мы убеждаемся, напрямую увязываются со знаковой представленностью знаний в той или иной сфере жизнедеятельности. В данной работе осуществляется попытка осмысления взаимосвязи между развитием знаковой системы и процессов познания в одной из сфер естественнонаучных исследований, а именно, в химии.

Непрерывность передачи информации важна для качества ее сохранности. Однако истинных га-

рантий сохранности информации не существует, так как ее сохранность реализуется в способе и качестве, а также в частотности ее извлечения, то есть использования и обработки. И эта реализация осуществляется не только машинным путем, при гарантии стабильности ее использования и коннотации, но чаще субъективным сознанием конкретного индивида, на фоне его не повторяющихся во времени, нестабильных актов интерпретации тех или иных знаков в их системной взаимозависимости. Если накопление и передача знаний самих по себе исконно сопровождает человека и позволила ему тем самым выделиться на фоне других живых существ, то размышления о способе кодификации, хранения, передачи и декодирования знаний, то есть всё, что касается сферы знакового сопровождения процессов познания, – это весьма молодой предмет размышления. Можно ли при этом считать, что люди издревле пользовались знаками, не отдавая себе отчета в том, почему для кодирования тех или иных гностических и когнитивных процессов используются именно определенные, а не какие-то иные способы их закрепления в знаковой системе? Как способ кодирования информации о предмете отражает специфику и глубину понимания предмета познания? Или выбор способа кодирования является чисто случайным? Вопросы

такого рода требуют вдумчивого подхода, связанного со сбором очень разноплановой информации в области знакового кодирования и способа передачи информации самого разнообразного толка из различных сфер практической жизни. Они всегда будут касаться процессов обучения и истории обучения, а вместе с тем и биологии обучения. Знаки в области химии представляют для нас с этой точки зрения особенный интерес, так как мы можем попытаться проследить историю их развития с момента зарождения и до состояния современной строгой системы, овладение которой является необходимым условием понимания сути предмета химии.

Проблематичность знака в научном познании

Знаки в химии, такие, как мы их знаем теперь, существовали не всегда. Они предполагают однородность самой структуры обозначаемого – равнозначность денотатов. Особая проблема в сфере знаков связана с их визуальной или произносительной омонимией в разных сферах познания.

Любой семиотический знак многолик и может относиться к бесконечному числу различных семиотических систем и подсистем и к языкам различных областей информации. Так, знак «V» в немецком языке означает один звук, в английском – другой; как буква немецкого языка он может воспроизводиться и как фонема [в], и как звук [ф], в зависимости от того, к какой морфеме он принадлежит и к какому языку восходит эта морфема. В текстах он может значить число «5», на языке физики он обозначает такие явления, как «скорость» либо «вольты», а на языке математики – «объем». В любой семиотической системе знак обретает однозначность с момента определения поля данной семиотической системы. Все современные науки, пользующиеся разными семиотическими системами, ставят сложную задачу проведения границы между их семиотиками, а также семиотикой вообще и не-семиотикой. Семиотика помогает осуществить перевод чувственных представлений и практических операций, формируемых прежде во времени, в знаковую реальность для возможности воспроизведения через какой-то промежуток времени. Знаковая система предполагает, таким образом, наличие у оперирующего этой системой субъекта чувственного опыта и практических представлений и знаний, заархивированных в данной семиотической системе.

То есть семиотическая система зиждется на уровне наблюдения, но позволяет превзойти его. Наблюдательные химия и физика закончились, когда мы перешли на уровень теоретических знаковых построений в виде формул. Законы, которые управляют этим невидимым миром, являются фундаментальными и управляют остальными законами вселенной. Знаковая система позволяет

зафиксировать эти законы, описать их, а также пролонгировать их, вывести их на объяснение тех уровней, которые мы не можем наблюдать ни непосредственно, ни опосредованно. Эта некая оторванность знака от чувственного опыта, как и его необходимая причастность к нему, удваивают проблематичность знака в современных естественных науках, и в частности, в химии.

В сфере естественных наук идет борьба за выработку однозначности знака. Любая многозначность мешает работе со знаком уже на уровне его восприятия. Поэтому отсутствие многозначности знака в области естественных наук в каждой отдельно взятой сфере является целевой установкой, к которой стремятся и гуманитарные науки, каждый раз «договариваясь» о терминологии и проясняя новые и ставшие традиционными понятия. Выше мы говорили, что в естественных науках один и тот же знак может означать разные понятия, но эта общность будет случайной, будет исходить из случайного совпадения первых букв двух различных понятий на изначальном языке, понятия из которого вошли в систему науки. Многозначность таких знаков не выводится из некоего общего первоначального значения. Несмотря на разветвленную систему каждой отрасли знаний, – например, сегодня существует не просто химия, а органическая химия, неорганическая химия, химия пищевых продуктов, фармацевтическая химия, биохимия, агрохимия, геохимия, физическая химия, – весь спектр этих наук, которые приобрели сегодня признаки независимых, использует одни и те же знаки. Аналогично и в физике: гидростатика, оптика, физика твердого тела, ядерная физика, квантовая физика пользуются одними и теми же знаками, обогащая систему по мере усложнения знаний о мире.

Задачи химии в древнее время

Ранее учеными ставился вопрос о том, является химия наукой или искусством. До эпохи позднего средневековья включительно речь шла об искусстве химии или химическом ремесле. Этот факт указывает на функции и задачи, которые отводились тем, кто занимался химией: основная задача «химиков» состояла в том, чтобы найти способ превращать иные металлы в золото или серебро и создавать сплавы из этих драгоценных металлов. Химики опирались на принцип «субституции», то есть замещения на основе общего признака. Цель была изначально практической, и связана она была с обогащением, а знания должны были считаться «священными» и передаваться лишь посвященным. Несмотря на изначальную «священность» научных знаний, все науки выросли из практической необходимости решать определенные задачи. Так, считается, что геометрия возникла в Древнем Египте благодаря необходимости промерять зе-

мельные участки, и эта необходимость была связана с разливами Нила.

Техническое совершенствование в Древней Греции и у персов, ведущих захватнические войны, свидетельствует о больших познаниях в области практического применения химии. Еще больше успехов в области химических знаний, по-видимому, было в Древнем Китае и Индии. Изобретение и производство в Древнем Китае бумажных денег, процессы окрашивания и печатания на бумаге и тканях, изготовление фарфоровой посуды и глазурей, сохраняющих цвета при обжиге, использование пороха в мирных целях, – всё это отделяет развитие химии в Китае от уровня развития этой сферы знаний в европейском пространстве на многие века.

Виды знания в Древнем мире

Познание в естественной сфере наук, близкой к химии, в Древнем Египте, а позднее и в Древней Греции можно разделить на две составляющие: ремесленные знания и теоретические философские школы в области атомистических учений. Подобное разделение знания на «деятельностное» или «вещественное» и философско-теоретическое рассматривает в своей работе А. Нордманн (Нордманн 2022). В древнем мире эти две составляющие не влияли друг на друга, т.к. мало соприкасались между собой. Ремесленные знания касались решения практических задач, военно-инженерных целей, строительства или обработки пищевых продуктов, сбраживания вина, выделки кож, работы с глиной, обработки металлов, отбеливания и окраски тканей. Передача знаний такого типа и сегодня не требует развернутой знаковой системы и осуществляется в ходе практической деятельности, в основном с помощью практических навыков. Некоторые специфические области знаний, такие, например, как мумификация тел, использовались узкой кастой жрецов и охранялись от распространения. В целом шумерская и ассирийская письменность, так же, как и египетская и более поздняя греческая, не нуждались в особой системе знаков для сохранения и передачи информации по отдельным сферам практических знаний. Атомистические философские школы древней Греции имели философскую и теоретическую направленность и не повлияли существенно на развитие химии или физики, так как, в первую очередь, по-разному трактовали сущее как сущее, но не анализировали познание. Поэтому понятие «атома» в древнегреческих учениях не имеет прямого отношения к современному понятию атома в физике и химии, например, в русской химической школе до конца XIX века использовалось слово «пай» для обозначения того, что понимается сегодня под «атомом» (Бутлеров 1953). Более поздние ученые исполь-

зовали в своих работах термин, порожденный и используемый в Античности.

Итак, разделение знаний на чисто ремесленную и теоретическую составляющую возникло достаточно рано и имело разные функции. Первое позволяло накапливать опыт и использовать познания химии в ходе жизнедеятельности. Второе пыталось найти внутренние закономерности в этих процессах и постепенно, на протяжении многих веков, шло от самых общих идей к их детализированному доказательству.

Формирование подходов к химии в античной философии

Основные постулаты атомизма древнегреческой философии сводятся к признанию существования пустоты, множественности сущего, существования движения и возможности изменения, обусловленности результатов причинами. Так, Лукреций в своей философской поэме «О природе вещей» излагает взгляды Эпикура на материю и Вселенную. С их точки зрения, атом сам по себе лежит в основе каждой вещи, по особому вечному закону он не подвержен никакому действию времени, не уничтожается, недоступен чувствам, а потому не обладает ни одним известным свойством материи, проявляемым в телах; он постоянно в движении, постоянно побуждаем скрытой возможностью, которая высвобождается из недр и удерживает его в механических группах (Лукреций 1983, стихи 329-634, с.35-43). Демокрит считал, что все атомы подобны, неделимы, несжимаемы, не имеют начала и конца (Лурье 1970). С его точки зрения, нет указаний на природу соединения веществ между собой. Все изменения сужаются у Демокрита до понятия превращения. Он последовательно отстаивает обусловленность результатов причинностью. Другой античный философ, создававший предпосылки для развития естественных наук, – Анаксагор из Клазомен, так же, как и его предшественники, не имеет нужды использовать специальную знаковую систему, помимо естественного языка, для изложения своей теории. По Анаксагору, материя находится в состоянии покоя, на ее движение влияет разумное начало – «нус», «ум», свободный от материальной основы и сближаемый с понятием «духа» (Рожанский 1983). Не прибегая еще к использованию знаков вторичной системы, Анаксагор предвосхитил проблему соотношения непрерывного и дискретного, вопросы, связанные с бесконечной делимостью вещества, а его формулировка бесконечно малого была уточнена лишь учеными XIX века. Он описывал идею первичного толчка и расширяющейся вселенной, зависимость импульса силы от скорости и стремился объяснить эти явления, включая движение небесных светил, максимально рационально (Рожанский 1983, с. 27–28). Однако пока дело не

касается исчислений, естественнонаучное знание Древней Греции закладывает основы будущих наук, но не нуждается в специальной знаковой системе для проведения своей доказательной аргументации и развития мысли.

Еще один сторонник теории элементов, внесший вклад в становление будущих наук, – Эмпедокл из Агригена – принимал существование четырех основных элементов: воды, земли, воздуха и огня. В зависимости от их различия в соотношении определяется разнообразие форм материи. При этом во всех процессах соединения и разложения принимают участие еще две силы – любовь и вражда, которые действуют как соединяющее и разделяющее начало (Семущкин 1985). То есть у Эмпедокла наличествует всего шесть элементов, два из которых – любовь и вражда – он помещает порой среди них, как среду, порой между ними, как отдельные элементы (Семущкин 1985, с. 86–89). Платон, а за ним и Аристотель принимают учение о четырех элементах (Аристотель 2002, с. 37–40). Аристотель обогащает эту систему идеей трансмутации, или «превращения» благородных металлов в благородные и идеей «пятой сущности», или «квинтэссенции», получившей развитие в период алхимии. Ни Аристотель, ни Платон, ни Эмпедокл еще не пользуются в своих рассуждениях языком математики. Аристотель сетует при этом на «неизмеримость» диагонали, которой следует «изумляться» (Аристотель 2002, с. 36.), хотя пифагорейская школа к этому моменту пережила свой расцвет, но труд Аристотеля о деятельности этой школы, к сожалению, был утрачен. Аристотель ссылается на Эмпедокла и Левкиппа как родоначальников атомического представления о материи (Аристотель 2002, с. 43). Теодор Гомперц подчеркивает большой вклад в развитие атомистических представлений о материи, сделанный Левкиппом, Аристотелем и Феракидом, следствием которого более двух тысячелетий спустя стали семьдесят химических элементов, уже известных современникам Гомперца в XIX веке (Гомперц 1999, с. 47–49). Однако в период Античности мыслители еще не нуждались в специальных знаках для обозначения выделенных ими четырех элементов: воды, воздуха, земли и огня и сил, связующих либо разъединяющих их. Это количество элементов и операции с ними вполне можно описать, оперируя лишь естественным языком, тем более что познание человека было направлено на то, чтобы осознать общие принципы взаимодействия вещей в природе, а не детали в осуществлении этого взаимодействия. И в данной связи вполне можно сослаться на труд уже нашего современника Джорджа Миллера «Магическое число семь, плюс-минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию» (Миллер 1956), в котором он рассуждает о пределах симультанно обра-

батываемой и передаваемой информации. В ходе ряда проведенных экспериментов он приходит к выводу, что это количество колеблется около числа семь. Джорджа Миллера подправили в сторону уменьшения магического числа семь до четырех плюс-минус два не только его последователи, но и предшественники, например, в лице Владимира Бехтерева, изучавшего следующие друг за другом с различными временными отрывами звуковые впечатления для определения объема сознания. Как и критики Миллера гораздо позднее, Бехтерев намного раньше них, ещё в конце XIX века, экспериментально доказал, что группа звуковых впечатлений, состоящая из более чем четырех элементов, предъявляемых с одинаковыми короткими интервалами, расчленяется нашим сознанием на подгруппы, состоящие из четырех и менее элементов, иначе их детальное количественно осознаваемое восприятие невозможно (Бехтерев 2022, с. 28–47). То же действительно и для зрительного восприятия предметных объектов, замещать количественное измерение которых призваны математические знаки.

Предпосылки, необходимые для выработки системы знаков

Всё вышесказанное свидетельствует о том, что для творческой разработки семиотических знаков необходимы предпосылки, связанные с потребностью в обработке, хранении и передаче информации, однородное, не иерархизированное количество которой будет явно превышать шесть элементов (четыре плюс два). Это свершилось в древней Месопотамии с единицами счета, когда появилась система десятичного счисления для хранения и передачи информации о количестве голов скота и в иных хозяйственных целях для подсчета количества сельскохозяйственной продукции, и это количество было необходимо зафиксировать для дальнейшего использования через любые промежутки времени. Мышление древних греков в эпоху Античности, судя по всему, еще не нуждалось в подобных знаках, идущих далее математической и физико-механической составляющей познания, хотя нет никаких сомнений в том, что практические знания, используемые в самых разных областях применения, охватывали обширные сферы, отразившиеся не только в процветании сельского хозяйства, но прежде всего в ремесленном и строительном деле, в музыкальном и художественно-изобразительном искусстве. Однако для передачи этих ремесленных познаний, очевидно, достаточно было уже выработанных математических знаков и слов естественного языка. Кроме этого, ни перед кем не стояла задача прямой и обширной передачи знания, а наоборот, скорее, стояло требование сокрытия технологических секретов мастера-одиночки и сохранности их

в стенах отдельной мастерской. Из чего становится видно, что система, будь то знаковая, или любая иная, ограниченная сама в себе, ограничена в возможностях своего развития. Следует еще раз подчеркнуть, что в глубинах античной философии возникли фундаментальные понятия и естественных наук в общем, и химии в частности: элемент, атом, структура, соединение. Однако вследствие того, что атом мыслился как вечный и неизменный, античная наука не могла шагнуть дальше и работать над проблемой соединения и вычленения отдельных атомов. Представление о неизменности атома противоречило тому факту, что атом может менять свойства по мере соединения с тем или иным атомом. Это не позволило развиваться химии далее в парадигме античных представлений о мире. Химический элемент можно сравнить с фразеологизмом в языке. Его свойства не вытекают из суммы свойств его частей, рассматриваемых по отдельности. Умозрительная работа Аристотеля в области натурфилософии продержалась более пятнадцати веков и в целом дала теоретическую опору алхимикам периода средневековья и Возрождения вплоть до XVII–XVIII веков. Взгляды Аристотеля, изложенные в «Метеорологии», оказали огромное влияние на культуру древней Греции и Рима, а также на культуру арабского и европейского Средневековья и Возрождения (Соловьев 1983, с. 10). Ремесленники же, обладавшие богатыми познаниями и разнообразными техниками в области изготовления разноцветного стекла, глазурей, керамики, фаянса, мумификации, фармации, начиная с III тысячелетия до н.э. сначала в Месопотамии, затем в Египте еще Древнего царства, и далее после обогащения этих техник древнегреческой культурой после завоеваний Александра Македонского, в сохранившихся рецептурах на папирусах пользовались либо обычными названиями соответствующих ингредиентов и техник, либо псевдонимами для посвященных, скрывавшими истинные названия тех или иных веществ и растений, о чем свидетельствуют знаменитые так называемые «Лейденский» и «Стокгольмский папирус» (Соловьев 1983, с. 24–25). Кодовые названия некоторых подобных псевдонимов растений из ранних текстов по фармации сохранились в современных германских языках: „Löwenzahn“ – «львиный зуб» – одуванчик, «Wolfsmilch» – «волчье молоко» – молочай, «Drachenblut» – «драконова кровь» – смола хвойных деревьев; они обозначают те же самые денотаты и используются по сей день в современном бытовом языке. Заслуживает внимания факт, что списки рецептов на папирусах сопровождаются предостережением: «Держи рецепт в тайне» (Соловьев 1983, с. 27). Использование подобных названий, примитивно интерпретируемых в фольклорной этимологии и, якобы, хранящих тайну познания, привело к развитию

лженаук и изначально тупиковых направлений познания в период средневековья, например, существовала «драконология», наука о драконах, их поисках и теоретических измышлениях о формах возможного существования, которая базировалась на простом постулате, что если в языке есть слово «дракон» и вещество, с точки зрения языковой грамматики и семантики, имеющее к нему прямое отношение, – «драконова кровь», – то значит должны быть и драконы, которые по неизвестным причинам исчезли, поэтому их следует заново выявить и изучить.

Энциклопедическое сочинение Кая Плиния Секунда (Старшего) первого века нашей эры содержит в последних главах подробные сведения по минералогии и металлообработке того времени. В 1798 году, то есть спустя более полутора тысячелетий с момента написания оригинала текста, М.И. Сухомлинов перевел на русский «Первые основания минералогии» Кая Плиния в двух томах, в 1807 г. – «Подробный словарь минералогический». В 1878 году Российская Императорская Академия наук публикует книгу «Плиния Historia naturalis в переводе Севергина» в параллельном латино-русском издании (Плиния 1878, с. 418–468). По этому изданию можно судить о том, что никаких специальных обозначений для соответствующих химических элементов и процессов Плиний в первом веке н.э. еще не применяет, а использует полные общеупотребительные понятия на латинском языке.

Знаки в алхимический период

В период алхимии, продлившийся более тысячи лет, с V по XVI века, опыты описывались на герметическом языке, понятном только посвященным и заимствованном из греко-восточных мистических учений (Джуа 1975, с. 33). Идея кодирования священных знаний ради ограничения их доступности была связана не только с традициями герметических учений, но и с основными постулатами алхимии – превращения неблагородных металлов в благородные – в серебро или золото – с помощью «философского камня» с целью обогащения. «Способы „превращения“ неблагородных металлов в золото сводились к трем путям: 1) изменение поверхностной окраски подходящего сплава либо воздействием подходящих химикатов, либо нанесением на поверхность тонкой пленки золота; 2) окраска металлов лаками подходящего цвета; 3) изготовление сплавов, внешне похожих на подлинное золото или серебро» (Фигуровский 1981, с. 26). В первые столетия нашей эры в народном предании получило распространение представление о том, что золото связано с Солнцем, серебро – с Луной, медь – с Венерой, железо – с Марсом, свинец – с Сатурном, олово – с Юпитером и ртуть – с Меркурием. Соответствен-

но возникло обозначение металлов символами и наименованиями, отвечающими небесным телам. Составной частью металлов стали считать ртуть, серу и мышьяк. Появились реакции «ксантосис» и «лейкосис» – золочение и беление (серебрение), приведшие к развитию мошенничества.

Вера в философский камень побуждала к исследованиям, которые окутывались мистикой и описывались на аллегорическом языке с применением фигур животных (саламандры, дракона, лебедя и т.д.) (Джуа 1975, с. 45). Западноевропейские алхимики пользовались латинским языком – единственной письменной формой общения того времени. Труды арабских ученых и медиков (особенно известным среди них был Гебер, живший в начале нашей эры, и его возможные ученики) также были переведены на латинский, вместе с тем некоторые западноевропейские алхимики позднего средневековья выдавали свои изложения за труды Гербера, подписывая свои наблюдения и домыслы его именем. Это свидетельствует о высоком доверии в обществе в целом традиции и о присущем ему консерватизме, а следовательно, и о невозможности вести более целенаправленный, экспериментальный научный поиск. Этот же консерватизм и приверженность традиции заставляет алхимиков в течение более тысячелетия быть преданными идее «превращения неблагородных металлов в благородные» и искать пресловутый «философский камень», а найденную «соль» не считать самостоятельным соединением, а рассматривать вслед за ртутью, серой и мышьяком в качестве основного фундамента металлов.

Язык, к которому прибегали в своих трудах все алхимики, был латинским. Металлы назывались на протяжении более тысячи лет названиями вышеупомянутых планет и вошли с этими именованиями в латиноязычные словари. В последние два века посталхимического переходного этапа взгляды ученых несколько расширились. Развивалась ятрохимия (иатрохимия), которая признавала за химией вспомогательную по отношению к медицине роль. Главным представителем ее был швейцарский врач Парацельс. Появилась техническая химия, а вслед за ней пневмохимия (химия газов). Постепенно химия становится на путь сознательного экспериментирования. Опытный путь познания в химии стал водоразделом между мифологемной замкнутостью, «герметичностью» алхимиков и бурным развитием химии в Новое время.

Заключение

Наблюдения за развитием знаковой системы в химии показывают, что система знаков появляется лишь при необходимости письменной фиксации определенной информации, знаки при этом призваны служить как ее передаче, так и ее сокрытию.

Огромное количество информации в области химии на протяжении многих веков вообще не нуждалось в письменной фиксации, а передавалось, в первую очередь, ремесленно-практическим, устным путем. Наличие знаковой системы отражает количество явлений, замещаемых знаками определенного уровня, и пока это количество не достигло большого числа, наука не нуждается в специализированных знаках для отражения и оперирования замещаемыми понятиями в письменных формах коммуникации. Отсутствие специализированной знаковой системы есть свидетельство мало расчлененного знания об объекте изучения. До тех пор, пока «воздух», «огонь», «вода» и «земля» без тени скепсиса осмысляются как однородные простые элементы, в химии не появляются никакие умозрительные наименования для их составных частей и не осуществляется прорыв к осмыслению сложных взаимодействий между ними. Письменная фиксация мыслительных операций осуществляется исключительно на латинском языке, что естественным образом сковывает мыслительные и выразительные возможности ученых того времени. Единообразная система кодирования в науке на латинском языке, с одной стороны, объединяла ученый мир, так как для понимания текстов друг друга, так же, как и для понимания более древних текстов, не требовалось никаких дополнительных усилий. С другой стороны, она герметически замыкала возможности мышления на традиционных моделях языкового выражения. В таких условиях когнитивные возможности ученых оказывались ограниченными возможностями знакового выражения мысли.

Библиографический список

- Бехтерев В. Мозг и разум. Физиология мышления. Москва: АСТ, 2022. 256 с.
- Бутлеров А.М. Сочинения в трех томах. Москва: Изд. АН СССР, 1953.
- Быков Г.В. История классической теории химического строения / Академия наук СССР. Ин-т истории естествознания и техники. Москва: Изд-во академии наук СССР, 1960. 311 с.
- Гомперц Т. Греческие мыслители. Пер. с нем. Д. Жуковского и Е. Герцык. Санкт-Петербург: Алтейя, 1999. Т.1. С. 47–49.
- Джуа М. История химии. Москва: Мир, 1975. 481 с.
- Луcretий К.Т. О природе вещей. Москва: Художественная литература, 1983. 386 с.
- Лурье С.Я. Демокрит. Тексты. Перевод. Ленинград: Ленинградское отделение издательства Наука, 1970. 664 с.
- Миллер Дж. Магическое число семь, плюс-минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию. <https://bookar>.

info/book/miller_magicheskoe_chislo_sem_plyus_minus_dva/bypage/17

Нордманн А. Деятельностное знание или: How to express things in works? / Семиотические исследования. 2022. Т. 2. № 1. С. 16–22.

Плиния, К. Плиния *Historia naturalis* в переводе Севергина. Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1878. Т. 19. № 1–2. С. 418–468.

Рожанский И.Д. Анаксагор. Москва: Мысль, 1983. 142 с.

Семушкин А.В. Эмпидокл. Москва: Мысль, 1985. 191 с.

Соловьев Ю.И. (Отв.ред.) Возникновение и развитие химии с древнейших времен до конца XVII века. Всеобщая история химии. Москва: Наука, 1983. 385 с.

Фигуровский Н.А. «Истоки химических знаний» // Возникновение и развитие химии с древнейших времен до конца XVII века. Всеобщая история химии. Москва: Наука, 1981. С. 13–86.

Фигуровский Н.А. Р. Бойль и зарождение «научной химии». Очерк по общей истории химии [От древнейших времен до начала XIX века] // Москва: Наука, 1969. С. 50–61.

Шпитцер М. Антимозг: Цифровые технологии и мозг. Пер. с немецкого А. Гришина. Москва: Аст, 2014. 299 с.

Эпштейн М. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. Москва: Новое литературное обозрение, 2004. 303 с.

References

Bekhterev, V. (2022), *Mozg i razum. Fiziologija myshlenija* [Brain and mind. Thinking physiology], Ast, Moscow, Russia.

Butlerov, A.M. (1953), *Works in three volumes*, ASUSSR, Moscow, Russia.

Bykov, G.V. (1960), *Istorija klassicheskoj teorii himicheskogo stroenija* [History of chemical structure classical theory], Academy of Sciences of USSR, Institute of history of natural science and engineering, ASUSSR, Moscow, Russia.

Gomperz, T. (1999), *Grecheskie mysliteli* [Greek thinkers], Translated from German by D. Zhukovskij and E. Gercyk, Altejjja, Saint Petersburg, Russia, vol.1, pp. 47–49.

Dzhua, M. (1975), *Istorija himii* [The history of chemistry], Mir, Moscow, Russia.

Lucretius, C.T. (1983), *On the nature of things*, Hudozhestvennaja literatura, Moscow, Russia.

Lurya, S.Y. (1970), *Demcritus. Texts. Translation*, “Nauka” Leningrad branch, Leningrad, Russia.

Miller, G., *The magical number seven, plus or minus two. Some limits on our capacity for processing information*, available at: https://bookap.info/book/miller_magicheskoe_chislo_sem_plyus_minus_dva/bypage/17

Nordmann, A. (2022), Working knowledge or How to express things in works?, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic Studies*, vol. 2, no. 1, pp. 16–22.

Pliny, C. (1878), *Historia naturalis as translated by Severgin. Sbornik Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Imperatorskoj akademii nauk* [Collection of the Russian language and literature branch of the Imperial academy of sciences], vol. 19, no. 1–2, pp. 418–468.

Rozhankij, I.D. (1983), *Anaxagor*, Mysl, Moscow, Russia.

Semushkin, A.V. (1985), *Empedokl*, Mysl, Moscow, Russia.

Solov'ev Ju.I. (responsible editor), *Vozniknovenie i razvitie himii s drevnejshih времен do konca XVII veka. Vseobshhaja istorija himii* [Chemistry formation and development from the earliest times till XVII century. Chemistry general history], Moscow, Nauka, Russia.

Figurovskij, N.A. (1983), *Istoki himicheskikh znaniy* [Chemical knowledge sources], *Vozniknovenie i razvitie himii s drevnejshih времен do konca XVII veka. Vseobshhaja istorija himii* [Chemistry formation and development from the earliest times till XVII century. Chemistry general history], Nauka, Moscow, Russia, pp. 13–86.

Figurovskij, N.A. (1969), *R. Boyle i zarozhdenie «nauchnoj himii». Oчерk po obshhej istorii himii (Ot drevnejshih времен do nachala XIX veka)* [R. Boyle and “scientific chemistry formation”. Outline of chemistry general history (from the earliest times till XIX century)], Nauka, Moscow, Russia, pp. 50–61.

Spitzer, M. (2014), *Antimozg: Cifrovye tehnologii i mozg* [Antibrain: digital technologies and brain], Translated from German by A. Grishin, Ast, Moscow, Russia.

Epstein, M. (2004), *Znak probela. O budushhem gumanitarnyh nauk* [Space mark. On the future of the Humanities], NLO, Moscow, Russia.

Submitted: 07.07.2023

Revised: 30.08.2023

Accepted: 15.09.2023

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-3-30-38

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 159.9.01Дата поступления: 07.07.2023
рецензирования: 30.08.2023
принятия: 15.09.2023**М.Н. Атакуев**Пятигорский государственный университет,
г. Пятигорск, Российская Федерация
E-mail: atakuevmagomet@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3135-4381>

Онтология внутрителесных ощущений в фокусе фундаментальных и прикладных исследований

Аннотация: внутрителесные ощущения (интероцептивные ощущения) только в недавнем времени стали полновесным объектом философии. Это обусловлено тем, что натуралистическая теория феноменального сознания расширяется за счет новых эмпирических данных и требует философского осмысления, и традиционный объект когнитивных наук трансформируется в многоплановую философскую категорию. При этом особое значение приобретает исследование механизмов языковой концептуализации внутрителесного опыта. В рамках настоящей статьи предпринимается попытка раскрыть сложную природу внутрителесных ощущений и показать зависимость свойств объема и содержания понятия «интероцепция» от методологических ограничений различных подходов. В данной статье анализируются этапы становления понятия «интероцепция» в когнитивных науках и в философии сознания и выявляются причины семантических смещений в содержании данного понятия. Обосновывается истинность тезиса о взаимодополнении понятий «интероцепция» и «квалиа» в онтологическом аспекте феноменального сознания.

Ключевые слова: интероцепция; интероцептивные ощущения; квалиа; когнитивные науки; эмоции; субъективный опыт; концептуализация внутрителесного опыта; языковые игры.

Цитирование: Атакуев М.Н. Онтология внутрителесных ощущений в фокусе фундаментальных и прикладных исследований // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 3. С. 30–38. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-30-38>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Атакуев М.Н., 2023 – аспирант, Пятигорский государственный университет, 357532, Российская Федерация, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9.

SCIENTIFIC ARTICLE

M.N. AtakuevPyatigorsk State University,
Pyatigorsk, Russian Federation
E-mail: atakuevmagomet@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3135-4381>

Ontology of inner-body sensations in the focus of fundamental and applied research

Abstract: inner-body sensations (interoceptive sensations) have only recently become a full object of philosophy. This is due to the fact that the naturalistic theory of phenomenal consciousness is expanding by new empirical data and requiring philosophical analysis. Also, the traditional object of cognitive sciences is being transformed into a multidimensional philosophical category. At the same time, the study of the mechanisms of the inner-body experience linguistic conceptualization is acquiring particular importance. This article attempts to reveal the complex nature of interoceptive sensations and to show the dependence of the "interoception" volume and content properties on the methodological limitations of various approaches. The article analyzes the stages of the "interoception" concept formation in the cognitive sciences and in the philosophy of consciousness, and identifies the causes of semantic shifts this concept content. The truth of the thesis about the complementarity of the concepts of "interoception" and "qualia" in the ontological aspect of phenomenal consciousness is substantiated.

Key words: interoception; interoceptive sensations; qualia; cognitive sciences; emotions; subjective experience; conceptualization of inner-body experience; language games.

Citation: Atakuev, M.N. (2023), Ontology of inner-body sensations in the focus of fundamental and applied research, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 3, no. 3, pp. 30–38, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-30-38>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Atakuev M.N., 2023 – Post-graduate student, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk State University, 9, Kalinin Ave, Pyatigorsk, 57532, Russian Federation.

Введение

Под interoцепцией в самом общем смысле подразумевается процесс обработки внутрителесных стимулов. С помощью interoцепции человек получает доступ к общей информации о функционировании систем внутри тела. Несмотря на большое количество интерпретаций interoцептивной активности, данный процесс можно охарактеризовать как когерентную модальность восприятия по сравнению с более классическими модальностями (обоняние, вкус, осязание, зрение и слух). Interoцептивная система связана с широким классом различных ощущений: сердечно-сосудистые (например, сердцебиение, кровоток), легочные (например, дыхание, удушье, вдох), желудочно-кишечные (например, голод, жажда, тошнота), терморегуляторные (например, охлаждение, тепло, волна жара), болевой (например, болезненность, агония, боль в животе) (Khalsa, Adolphs et al. 2018, p. 503).

Выделение interoцепции в отдельный вид сенсорной телесной активности было предложено Ч. Шеррингтоном более 100 лет назад (Шеррингтон 1906/1969). Однако сегодня термин «interoцепция» все чаще фигурирует в различных контекстах академической литературы. В настоящий момент сложно говорить о достигнутом консенсусе в отношении значения данного термина. Роль interoцептивных процессов традиционно ограничивалась сугубо физиологическими характеристиками и при этом не рассматривалась возможность влияния внутрителесной активности на процесс восприятия внешнего мира и проецирования субъективных ощущений в материальную действительность (Там же 1969, с. 306).

Также следует упомянуть о бихевиористской традиции рассмотрения телесных механизмов. Телесная активность в бихевиористской парадигме была представлена в виде набора определённых рефлексов, возникающих в результате изменения внешних факторов. Взаимодействие interoцептивной активности с мозговой деятельностью предлагалось рассматривать в формате стимул-реакция. Бихевиористская логика каузальных отношений по типу «стимул-реакция» не предполагала наличие ментальной жизни, поскольку приватные, внешне ненаблюдаемые психические процессы не могут считаться полноценным научным объектом исследования, что исключает какую-либо вероятность влияния физической

активности на высокоуровневую психическую деятельность. Разработка темы interoцепции в отечественной физиологии в данном формате связана с именами академиков В.Н. Черниговского и К.М. Быкова (Черниговский 1960), обозначивших влияние рефлексов, механизмов внутренней чувствительности на поведение организма.

Начиная с 1980–1990 гг., были опубликованы работы, которые позволяли по-новому взглянуть на природу когнитивных процессов. Одной из таких публикаций была книга «Воплощенный разум: когнитивная наука и человеческий опыт» (1991) под авторством Ф. Варелы, Э. Томпсона и Э. Рош. Странники теории «воплощённого познания» предложили рассматривать тело как концептуальное ядро когнитивной науки, подчеркивая индивидуальность и приватность субъективного опыта, получаемого в процессе взаимодействия со средой. Взгляды, подобные этому, были связаны с работами М. Мерло-Понти, Ж. Пиаже, Л.С. Выготского, в теориях которых особо уделялось внимание ситуативности (*situatedness*), воплощенности и биологическим аспектам познавательных процессов. В рамках телесно-ориентированной парадигмы или сенсомоторного подхода познавательная деятельность и восприятие не рассматриваются как пассивные акты, в которых субъект является только наблюдателем и регистрирует факты окружающей действительности (как, например, в репрезентационалистских теориях и теориях сознания высшего порядка). С позиции сенсомоторного подхода процесс восприятия сравним с человеком, который пытается рассмотреть что-то интересное, параллельно находясь в бурном потоке толпы. Субъект вынужден преодолевать силу внешних обстоятельств (вытягивать шею, ускорять шаг, менять угол обзора, протискиваться между другими людьми), чтобы рассмотреть интересующий его объект (Jaworski 2011, p. 97). Иными словами, процесс восприятия состоит не только из сенсорной обработки событий окружающей реальности, но и моторных манипуляций, с помощью которых исследуются особенности окружающей среды.

Критика когнитивистских моделей сознания стала импульсом для развития различных подходов телесно-ориентированной направленности. Критические положения, высказанные как со стороны альтернативных подходов, так и изнутри когнитивной науки, способствовали трансформа-

ции когнитивистики и ее дальнейшему развитию (Фаликман 2012). Важно, что «поворот к воплощенности» в концепциях сознания основывался на результатах эмпирических исследований. В рамках данного подхода, который становился все более популярным, репрезентация когнитивных процессов рассматривалась как нечто производное от сенсомоторной активности. Развитие телесно-ориентированных теорий в том числе стало фактором, побудившим к рассмотрению interoцепции в различных контекстах.

Интероцепция как объект междисциплинарных исследований: социальный и языковой аспекты

С конца 1980-х в процессе междисциплинарных исследований становилось все яснее, что этиологический механизм interoцепции требовал более широкого рассмотрения, в рамках которого имеет место что-то помимо функционирования рецепторов определенного класса, а затем восприятия стимулов, исходящих от них. Новые исследования в области когнитивных и клинических нейронаук указывают на интегральную (связующую) роль interoцепции в эмоциональном опыте, принятии решений, саморегуляции и т.д. (Khalsa, Adolphs et al. 2018). Дальнейшее развитие телесно-ориентированного подхода и анализ «воплощенных» характеристик в контексте познавательной деятельности способствовали рассмотрению внутрителесных ощущений в междисциплинарном формате. Растущий интерес к interoцепции также обусловлен влиянием физических процессов на ментальную активность и появлением новых эмпирических данных.

Долгое время приватность и специфическая локализация interoцептивных процессов были веским основанием считать, что interoцепция не обладает социальным измерением. Тем не менее последние эмпирические исследования, скорее, опровергают этот тезис. Существуют эмпирические данные, указывающие на корреляцию между interoцепцией и социальным взаимодействием (Ferri et al. 2013). Например, исследуется чувствительность людей к собственному сердцебиению и связь с различными аспектами человеческого познания и поведения (Herbert, Pollatos 2012). Также можно рассматривать фактор испуга при социальном взаимодействии (стресс, нервный срыв, ссора), выражающийся в повышенном сердцебиении. Помимо этого, сильное эмоциональное переживание, вызванное стрессовой ситуацией в процессе социального взаимодействия (конфликт, нападение на человека, шум толпы), способно вызывать неконтролируемую активность на interoцептивном уровне (повышенное сердцебиение, учащенное дыхание, потные ладони, что встречается при панических атаках). Взаимосвязанность подоб-

ных ощущений указывает на многоаспектную природу «переживания» на субъективном уровне и также на сложность четкого разделения одного класса телесного опыта (экстероцептивного) от другого (интероцептивного). Некоторые исследования указывают на связь между высоким уровнем «интероцептивной точности» (interoceptive accuracy – умение четко отслеживать собственные внутрителесные сигналы) у человека и его устойчивостью к стрессовым состояниям, к примеру, человек более устойчив психологически во время публичных выступлений (Werner 2009). Без функционирования interoцептивной системы вышеописанные факты эмоционального переживания являлись бы перцептивно слабыми (то есть находились бы в «слепой зоне»), поскольку субъективный опыт, генерируемый исключительно при помощи пяти классических модальностей (зрение, слух, обоняние, осязание, вкус), не охватывает особый класс ощущений. К примеру, чувство повышенного адреналина, джетлаг (сбой циркадных ритмов), тревога, страх, грусть, печаль, счастье рассматривались респондентами как ощущения, связанные с interoцепцией (Connell, Lynott et al. 2018, p. 4).

Рассматривая социальные аспекты interoцептивных ощущений, важно осветить языковое представление данного опыта, поскольку в языковом материале (в том числе и в материале из кросс-культурных исследований) отражаются особенности *переживания* interoцепции в образах определённой языковой игры или социальной привычки словоупотребления. В языке можно обнаружить большое количество метафорических описаний, отсылающих к interoцептивному опыту: «пустота внутри», «сердце, убежавшее в пятки», «режущая боль в животе», которые не сводятся к привычным системам восприятия и на которые нельзя указать как на один из фактов окружающей действительности (у экстероцептивного опыта данное ограничение отсутствует). В работе В.К. Харченко «Интероцепция в больничном дискурсе» можно найти примеры анализа языковых выражений, содержащих interoцепцию. В больничном дискурсе, помимо языка перцепции, подразделяемого на основные экстероцептивные модусы: зрительный, слуховой, осязательный, одорический, вкусовой, – также фигурирует interoцепция. В ситуациях болевого переживания interoцепция выходит на передний план, вытесняя экстероцептивный опыт, приведем несколько примеров: «Межрёберная невралгия, стрелы прямо пронизывают...»; «... ты ж не представляешь, какая у меня боль была ночью и утром. Я каталась, хорошо, что с матраса не упала»; «Как больно ходить, когда кишечник натуженный!»; «Хочется нож взять и рассечь, вынуть там всё»; «Глаза пылают, голова прямо лопается, горит огнём, печёт»;

«Вот досюда живот шевелится, а дальше изморозь какая-то по телу»; «...руки не работают, режут прямо»; «Слабеют ноги. Они ж у меня, как связанные были»; «Вены расправляются и кровь идёт туда, куда нужно» (Харченко 2015, с. 46–48). В вышеизложенных примерах можно увидеть, что самым ярким interoцептивным маркером в больничном дискурсе является боль и те состояния, которые ее сопровождают. В высказываниях пациентов interoцептивный опыт приобретает самостоятельный характер, обладает собственным онтологическим статусом. Несмотря на локализацию данных процессов, пациент не соотносит себя с interoцептивным опытом, который реализуется непосредственно внутри субъекта, а рассматривает как нечто отдельное, то, над чем у пациента нет контроля и от чего необходимо избавиться или что необходимо устранить. В медицинском дискурсе причиной interoцептивного опыта объявляется определенное телесное событие (боль в спине, вызванная грыжей, боль в желудке, межреберная невралгия), которое можно описать в физических терминах, если, разумеется, не рассматривать примеры атипичной interoцепции (см. подробнее: Барышников, Атакуев 2022). Однако между телесным объективным событием и interoцептивным переживанием пролегает онтологический разрыв: помимо активации с-волокон или ноцицепторов в interoцептивном нарративе отражаются культурные особенности, которые влияют на качественные характеристики субъективного опыта.

Отдельно необходимо остановиться на связи interoцептивной активности и эмоционального опыта, которая была упомянута ранее. Демонстрацию связи interoцепции и эмоций можно подразделить на два вида:

- лингвистический – анализ языкового материала, представленного в кросс-культурных исследованиях.
- прикладной – рассмотрение закономерности, где изменения на interoцептивном уровне приводят к изменению переживания эмоций и наоборот.

Демонстрация 1. Идея о том, что концептуализация эмоций и абстрактные образы, связанные с ними, *укоренены* в телесных характеристиках, стала одним из базовых методологических принципов для кросс-культурных исследований (Johnson 1987). Специфика эмоционального переживания часто отражается в соматических языковых описаниях. Можно найти примеры, указывающие на то, что представители не-западных культур проявляют более высокий уровень соматической осознанности (Ma-Kellams 2014, p. 2). Например, в исследовании Тсай и коллег (Tsai et al. 2004) указывается, что представители китайской национальности иначе концептуализируют эмоциональный опыт. В китайской языковой картине преобладают лингвистические конструкции,

тесно связанные с соматическими характеристиками говорящего. Предполагается, что китайский способ концептуализации эмоционального опыта отличается от американского по причине менее выраженной дистанцированности соматического/внутрителесного и ментального содержания. Примером могут послужить языковые конструкции: *xīn sī* – мысль, идея, намерение, где *xīn* (сердце), а *sī* (думать, толковать); *xīn qíng* – настроение, расположение духа, *xīn* (сердце), *qíng* (чувство, букв. сердечное чувство) (см. подробнее: Tung 1994, p. 486). Также в китайском языке можно встретить эмоционально окрашенные идиоматические выражения, в которых фигурируют внутрителесные органы: *xuan-xin diao dan* (to have one's heart in one's mouth – букв. держать сердце во рту), *ti xin diao dan* (lift the heart, hang the gall-bladder – букв. поднять сердце, подвесить желчный пузырь), *danzhan xin jib* (gall trembling, heart startled – букв. трепет желчного пузыря, испуганное сердце), *jing-xin diao-dan* (shock the heart, drop the gallbladder – букв. удар в сердце, падение желчного пузыря), *xin-dan ju lie* (heart and gallbladder, both split – букв. сердце и желчный пузырь, оба расколоты/разделены). Данные языковые примеры отражают переживания страха, где состояния сердца и желчного пузыря передаются через такие описания, как: поднятый, зависший в воздухе, порванный, разбитый, расколотый (Ye 2002, p. 322–327). Изобилие соматических терминов в языковых описаниях указывает на то, что тело в китайском языке является важным, если не определяющим, атрибутом психологической активности. В этом смысле, с точки зрения традиционной холистической модели человека, центр принятия решений локализован не в голове, а в сердце, печени, желчном пузыре. Лингвистическое выражение, содержащее эмоциональное описание в соматических терминах, является свидетельством наличия сознательной связи между эмоциональным переживанием и определенной частью тела или interoцептивного ощущения. На это указывает факт существования самого лингвистического выражения, которое сформулировал *нулевой концептуализатор* (человек, придумавший первым соматическую аналогию эмоций). Предполагаем, что на начальном этапе лингвистическое высказывание было конвенциональным, однако позднее это высказывание стало частью языкового обихода отдельной лингвистической системы. Затем пользователь языка, находящийся в рамках культурных и языковых координат, использует определенные лингвистические выражения неосознанно, как часть *социальной привычки* или *языковой игры*. Таким образом, пользователь языка берет готовые *лингвистические макеты*, которые влияют на феноменальные качества interoцептивного и эмоционального опыта. Также данная практика

позволяет участникам коммуникативного события оставаться понятыми или указывать на причину эмоционального и болевого переживания, иными словами, говорить, что что-то не в порядке или идет не так. Более того, влияние культурных аспектов на interoцептивную осознанность (степень восприятия человеком изменений на внутрителесном уровне) не ограничивается лингвистическими примерами. В работе Ю. Ченцова-Даттон и В. Дзокото исследовались культурные различия в связи восприятия и фактического физиологического события. К примеру, афроамериканцы чаще жалуются на стенокардию (давящая боль в области грудной клетки) во время упражнений на беговой дорожке, усиление боли после операций и более высокий уровень хронической боли при таких заболеваниях, как ВИЧ/СПИД, глаукома, артрит, чем у европейских пациентов при прочих равных (см. подробнее: Chentsova-Dutton, Dzokoto 2014, p. 668). Из чего можно сделать вывод, что культурные контексты способствуют различным уровням interoцептивной осознанности. Тем не менее, наблюдается разрыв между восприятием interoцепции и объективным физическим событием, что наталкивает на аналогию interoцептивных ощущений и квалиа.

Демонстрация 2. Этот вид основан на исследовании в области экспериментальной психологии. В одной из работ успешно удается продемонстрировать взаимосвязь interoцептивной дисрегуляции и алекситимии (трудности с идентификацией собственных эмоций и ощущений). Алекситимия является распространенным признаком психологических расстройств, таких, как состояния аутистического спектра, при которых характерны сложное социальное поведение, отсутствие или трудности в процессе социального контакта (Shah, Hall et al. 2016). Касательно связи между пониманием собственных эмоций и эмоций других людей, метаанализ продемонстрировал, что при алекситимии наблюдаются низкие показатели interoцептивной точности (Interoceptive accuracy – способность человека четко отслеживать внутрителесные сигналы), что приводит к трудности при распознавании эмоций у других и, как результат, – к сложному взаимодействию с людьми (Grynberg et al. 2012). Также важным вопросом, касательно которого нет общего консенсуса, является вопрос о том, что первично в эмоциональном опыте: телесные, физиологические проявления (выражение лица, изменение положения тела, скорость сердцебиения, повышенное содержание глюкозы в крови, учащенное дыхание, температура тела) или когнитивные аспекты? Сложно дать однозначный ответ, который поставит точку в данном споре, однако воплощенный взгляд на происхождение эмоций является наиболее продуктивным в отношении объяснения того, как люди восприни-

мают и концептуализируют приватные, ментальные состояния, переживаемые интроспективно.

Интероцепция в философии сознания

Интероцепция является уникальным классом ощущений и только начинает фигурировать в теоретических исследованиях философии сознания. Поскольку interoцептивные ощущения являются сенсорными по своей природе, они затрагивают область феноменального сознания и не сводятся только к реакции тех органов и рецепторов, посредством которых генерируются. В этой части статьи будет приведен классический аргумент в отношении квалиа – аргумент знания (the knowledge argument), с помощью которого предполагается доказать, что interoцептивные ощущения обладают феноменальными аспектами и могут расширить понимание о квалиа.

Согласно Н. Блоку, сознание подразделено на два типа – сознание доступа (access-conscious) и феноменальное сознание (phenomenal consciousness) (Block 1995). В данном случае мы акцентируем особое внимание на втором типе – феноменальном. Обычно для объяснения специфики феноменального сознания используются описания подобного рода: *каково это* – ощущать вкус гранолы, чувствовать запах зеленой травы, слышать шум мегаполиса, видеть синее небо? Специфика данного типа сознания обусловлена тем, что каждое из этих состояний сопровождается субъективными качествами, данными в опыте от первого лица. В этом случае феноменальный опыт не исчерпывается восприятием внешних стимулов из окружающей среды (восприятие голубого цвета, к примеру), а *переживанием* ощущений голубого, острого, мягкого и т.д. Этот тезис косвенно подтверждается аргументами, представленными в виде мыслительного эксперимента «комната Мэри» (Jackson 1982).

Помимо фактов, связанных с визуальным восприятием, можно привести примеры с восприятием боли. К примеру, возьмем следующее утверждение: боль есть активация С-волокон. С функционалистской точки зрения данное утверждение является верным, однако это не позволяет ответить на вопрос, почему боль ощущается определенным образом. Болевой опыт не исчерпывается физическим событием и переживается как нечто неприятное. Этот опыт обладает субъективными качествами и описывается по-разному. Между физическим и феноменальным пролегает онтологический разрыв или провал в объяснении (Levine 1983). В этом отношении interoцепция также «проваливается» в данную закономерность, так как не совсем понятно, на что указывают такие описания, как «дрожь в желудке», «боль по всему телу», «бабочки в животе», «внутри пустота», «все оборвалось внутри» и т.д. В этом

случае между телесным объективным событием и его субъективным переживанием тоже пролегал онтологический провал. Более того, языковые высказывания, содержащие интероцептивный опыт (интероцептивные нарративы), усложняют процесс прояснения онтологического статуса, поскольку концептуализация внутрителесных ощущений является культурно обусловленной, становится частью языковой игры.

Также в процессе языковой деятельности интероцепция расслаивается на ощущения, которые являются частью субъекта – соматического я – и, одновременно с этим, в процессе языковой активности интероцепция переводится в категорию квалиа. В языковой области интероцептивным суждениям присваивается статус внетелесного события, на которое можно указать, наделить характеристиками, свойственными экстероцептивному опыту (цвет, вкус, запах, звук).

На наш взгляд, такой вопрос, как «*каково это* – испытывать чувство голода, чувство «сдавленности» в груди, внутреннего трепета, «режущей», «колющей», «разрывающей» боли в области сердца, ребер, эйфории бегуна, чувство джетлага и т.д.?» более чем уместен в контексте качественных типов опыта. Наличие качественных характеристик интероцептивных ощущений обуславливается высокоуровневой психической организацией их носителя. Как если бы летучая мышь или угорь с аналогичным человеку уровнем развития и речевым аппаратом смогли описать, «*каково это*» – воспринимать пространство с помощью эхолокационной системы, ощущать электричество.

Одним из доводов в пользу того, что интероцептивные ощущения обладают качественным статусом, является тот факт, что они участвуют или являются частью субъективного опыта: сложно говорить о квалиа или интероцепции вне перспективы от первого лица. Разумеется, мы можем говорить о чесотке, звуке колышущихся деревьев, запахе травы после дождя, о красноте яблока и также о боли в животе, чувстве голода, температуре тела, разновидностях страха, отчаяния, подавленности или частоте сердцебиения; но в ситуации, когда субъект не является центром данных ментальных состояний, нам тяжело понять феноменальное содержание «переживаемого» другим человеком. Приватность становится причиной того, что мы ищем способы вовлечения других людей в данные состояния и способы адекватного описания этих состояний. И это, пожалуй, является основным доводом в пользу того, что степень сопричастности других является основным инструментом верификации данных состояний. Для субъекта, переживающего «каллитативные состояния» или «интероцептивные ощущения», не важна истинность данных состояний в онтологическом смысле, но важна степень

понимания, разделения этих явлений, состояний другим человеком. Интероцепция в каком-то смысле придает квалиа более физиологическое и психологическое измерение, становясь своего рода «проводником квалиа» в понятийный аппарат эмпирических наук. Благодаря чему также появляется потенциал исследования феноменальных аспектов сознания с помощью более натуралистических подходов.

Выводы

Резюмируя, можно утверждать, что термин «интероцепция» прошел несколько этапов трансформации: от первоначального строгого значения, согласно которому интероцептивные ощущения – это только те ощущения, которые порождены физическими причинами, связанными с внутрителесными событиями, до более широкого современного понимания. В рамках современных исследований интероцепция в большинстве случаев рассматривается как ощущение, влияние которого прослеживается далеко за пределами внутрителесного пространства. Благодаря прогрессу в области экспериментальных наук, удалось выявить роль интероцепции как в физиологических процессах, связанных с удовлетворением базовых потребностей и поддержанием организма в жизнеспособном состоянии (гомеостаз), так и в высокоуровневой ментальной деятельности. Как можно увидеть, онтологический статус интероцепции меняется в зависимости от фокуса рассмотрения в рамках различных научных подходов. Изначально интероцепция рассматривалась как четко запротокколированное физиологическое событие, которое не оказывает никакого влияния на ментальную активность. Затем в ходе междисциплинарных исследований интероцепция стала фигурировать как многоаспектный научный объект, оказывающий и/или связанный с психической активностью. Однако широкий разброс исследований, в ходе которых удалось «найти интероцептивный след» в физических и ментальных процессах, только усложняет поиск ответа на центральный вопрос настоящей статьи – каков онтологический статус интероцептивных ощущений? Является ли интероцепция объективным телесным событием или интероцепция – это результат ментальной активности? На наш взгляд, в центре интероцептивного опыта лежит физическое телесное событие, которое коррелирует с ментальной деятельностью.

По сути, интероцепция – это физиологический процесс, причиной которого должно послужить физическое событие, тем не менее в некоторых случаях ментальная деятельность может «запустить» интероцептивное переживание. Ярким примером данного предположения может послужить языковая коммуникация и перцептуальная

укорененность в языковых конструкциях. К примеру, в тот момент, когда респонденты читали слова с сильными обонятельными ассоциациями (чеснок, корица, жасмин), активировались зоны головного мозга, ответственные за обонятельное восприятие (Gonzalez, Barros-Loscertales et al. 2006). Исходя из этого, языковые понятия «корица», «чеснок», «жасмин» перцептивно укоренены в зонах обонятельного восприятия, так как семантика слова «жасмин» вызывает повторную активацию нейронных областей, играющих роль в восприятии субъекта. По этой причине человек, прочитавший перечень кофейных дескрипторов на этикетке, в каком-то смысле попадает в ловушку, поскольку еще до момента самой дегустации напитка субъектом уже сформированы представления о вкусе.

Как было упомянуто ранее, interoception, помимо физиологических функций, сопровождается ментальной деятельностью, однако необходимо ответить на вопрос: насколько корректно утверждать, что данный вид телесного опыта обладает качественными характеристиками (квалиа), или объем данного понятия ограничивается исключительно телесным и психологическим типами опыта (Д. Чалмерс последовательно разграничивает феноменальный и психологический типы опыта (см. подробнее: Чалмерс 2013, с. 19–35). Иначе говоря, могут ли interoceptive ощущения быть включены в класс качественных или содержать в себе феноменальные аспекты? Мы полагаем, что можно дать осторожный утвердительный ответ, поскольку онтология interoceptive ощущений не может быть исчерпывающе описана при помощи физиологических фактов. Точнее всего это выражается в языковых высказываниях об interoceptive опыте, содержание которых не сводится исключительно к констатации физических событий и где также прослеживается влияние социокультурных аспектов. В таких выражениях, как: «всего выворачивает», «внутри все не на месте», «головная боль, будто забивают гвозди» явно прослеживаются феноменальные аспекты, которые сложно вывести на основании восприятия совокупности физических событий. Концептуализация interoceptive ощущений, то, как человек высказывается о собственном внутрителесном опыте, оказывает влияние на качественные характеристики *проживания* этого опыта, что также указывает на особую роль социального и языкового представления interoception.

На основании всего вышесказанного можно утверждать, что причины трансформации онтологического статуса interoception заключаются в том, что изначально понятие interoception связывалось с физиологическими исследованиями, но постепенно «мигрировало» в область когни-

тивных наук. По причине того, что современные тенденции рассмотрения ментальных процессов в философии носят скорее натуралистический характер, interoception (а точнее, interoceptive ощущения/суждения) стала объектом философии сознания, попав в разряд «вечных споров о природе квалиа». Содержание понятия interoception меняется в зависимости от парадигмального контекста. Поэтому весьма вероятно, что онтологический статус явления будет расширяться и изменяться в связи с тем, что развитие когнитивных наук, экспериментальных методов и способов компьютерного моделирования телесных событий смогут вернуть этому термину ясное содержание и резкий объем.

Библиографический список

- Block, N. (1995), On a confusion about a function of consciousness, *Behavioral and Brain Sciences*, vol. 18, pp. 227–287.
- Chentsova-Dutton, Y.E., Dzokoto V. (2014), Listen to your heart: The cultural shaping of interoceptive awareness and accuracy, *Emotion*, vol. 14, no. 4, pp. 666–678, DOI: <http://doi.org/10.1037/a0036193>.
- Connell, L., Lynott, D., Banks, B. (2018), Interoception: the forgotten modality in perceptual grounding of abstract and concrete concepts, *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, vol. 373, no. 1752, pp. 1–9, DOI: <http://doi.org/10.1098/rstb.2017.0143>.
- Ferri, F., Ardizzi, M., Ambrosecchia, M., Gallese, V. (2013), Closing the gap between the Inside and the outside: interoceptive sensitivity and social distances, *PLoS ONE*, 8(10): e75758, DOI: <http://doi.org/10.1371/journal.pone.0075758>.
- González, J., Barros-Loscertales, A. et al. (2006), Reading cinnamon activates olfactory brain regions, *NeuroImage*, vol. 32, no. 2, pp. 906–912, DOI: <http://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2006.03.037>.
- Grynberg, D. and Chang, B, et al. (2012), Alexithymia and the processing of emotional facial expressions (EFEs): systematic review, unanswered questions and further perspectives, *PLoS ONE*, vol. 7, no. 8, pp. e42429, DOI: <http://doi.org/10.1371/journal.pone.0042429>.
- Herbert, B.M., Pollatos, O. (2012), The body in the mind: on the relationship between interoception and embodiment, *Topics in Cognitive Science*, vol. 4, no. 4, pp. 692–704, DOI: <http://doi.org/10.1111/j.17568765.2012.01189.x>.
- Jackson, F. (1982), Epiphenomenal qualia, *The Philosophical Quarterly*, vol. 32, no. 127, pp. 127–136, DOI: <http://doi.org/10.2307/2960077>.
- Jaworski, W. (2011), *Philosophy of mind*, Wiley-Blackwell, Oxford.
- Johnson, M. (1987), *The body in the mind*, University of Chicago Press, Chicago.

Khalsa, S.S., Adolphs, R., et al. (2018), Interoception and mental health: a roadmap, *Biological Psychiatry: Cognitive Neuroscience and Neuroimaging*, vol. 3, no. 6, pp. 501–513, DOI: <http://doi.org/10.1016/j.bpsc.2017.12.004>.

Levine, J. (1983), Materialism and qualia: the explanatory gap, *Pacific Philosophical Quarterly*, vol. 64, no. 4, pp. 354–361, DOI: <http://doi.org/10.1111/j.1468-0114.1983.tb00207.x>.

Ma-Kellams, C. (2014), Cross-cultural differences in somatic awareness and interoceptive accuracy: a review of the literature and directions for future research, *Frontiers in Psychology*, vol. 5, no. e36646, pp. 1–9, DOI: <http://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.01379>.

Shah, P., Hall, R., Catmur, C., Bird, Geoffrey (2016), Alexithymia, not autism, is associated with impaired interoception, *Cortex*, vol. 81, no. 1, pp. 215–220, DOI: <http://doi.org/10.1016/j.cortex.2016.03.021>.

Tsai, J.L., Simeonova, D.I., Watanabe, J.T. (2004), Somatic and Social: Chinese Americans Talk about Emotion, *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 30, no. 9, pp. 1226–1238, DOI: <http://doi.org/10.1177/0146167204264014>.

Tung, M.P.M. (1994), Symbolic meanings of the body in Chinese culture and “somatization, Culture, *Medicine and Psychiatry*, vol. 18, no. 4, pp. 483–492, DOI: <http://doi.org/10.1007/BF01565850>.

Werner, N.S., Duschek, S., Mattern, M., Schandry, Rainer. (2009), Interoceptive Sensitivity Modulates Anxiety During Public Speaking, *Journal of Psychophysiology*, vol. 23, no. 2, pp. 85–94, DOI: <http://doi.org/10.1027/0269-8803.23.2.85>.

Ye, Z. (2002), Different modes of describing emotions in Chinese, *Pragmatics & Cognition*, vol. 10, no. 1–2, pp. 307–339, DOI: <http://doi.org/10.1075/pc.10.12.13ye>.

Барышников П.Н., Атакуев М.Н. Семантика суждений о внутрителесном опыте: от нормы к аномалиям // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59, № 2. С. 218–233. DOI: <http://doi.org/10.5840/eps202259234>. EDN VMMXPB.

Фаликман М.В. Когнитивная наука в XXI веке: организм, социум, культура // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. Вып. № 3. С. 31–37.

Харченко В.К. Интероцепция в больничном дискурсе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 7(228). С. 44–50.

Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории / Пер. с англ. Москва: УРСС: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2013. 512 с.

Черниговский В.Н. Интероцепция. Ленинград: Наука, 1985.

Шеррингтон Ч. Интегративная деятельность нервной системы. Ленинград: Наука, 1969.

References

Block, N. (1995), On a confusion about a function of consciousness, *Behavioral and Brain Sciences*, vol. 18, pp. 227–287.

Chentsova-Dutton, Y.E., Dzokoto V. (2014), Listen to your heart: The cultural shaping of interoceptive awareness and accuracy, *Emotion*, vol. 14, no. 4, pp. 666–678, DOI: <http://doi.org/10.1037/a0036193>.

Connell, L., Lynott, D., Banks, B. (2018), Interoception: the forgotten modality in perceptual grounding of abstract and concrete concepts, *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, vol. 373, no. 1752, pp. 1–9, DOI: <http://doi.org/10.1098/rstb.2017.0143>.

Ferri, F., Ardizzi, M., Ambrosecchia, M., Gallese, V. (2013), Closing the gap between the Inside and the outside: interoceptive sensitivity and social distances, *PLoS ONE*, 8(10): e75758, DOI: <http://doi.org/10.1371/journal.pone.0075758>.

González, J., Barros-Loscertales, A. et al. (2006), Reading cinnamon activates olfactory brain regions, *NeuroImage*, vol. 32, no. 2, pp. 906–912, DOI: <http://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2006.03.037>.

Grynberg, D. and Chang, B., et al. (2012), Alexithymia and the processing of emotional facial expressions (EFEs): systematic review, unanswered questions and further perspectives, *PLoS ONE*, vol. 7, no. 8, pp. e42429, DOI: <http://doi.org/10.1371/journal.pone.0042429>.

Herbert, B.M., Pollatos, O. (2012), The body in the mind: on the relationship between interoception and embodiment, *Topics in Cognitive Science*, vol. 4, no. 4, pp. 692–704, DOI: <http://doi.org/10.1111/j.17568765.2012.01189.x>.

Jackson, F. (1982), Epiphenomenal qualia, *The Philosophical Quarterly*, vol. 32, no. 127, pp. 127–136, DOI: <http://doi.org/10.2307/2960077>.

Jaworski, W. (2011), *Philosophy of mind*, Wiley-Blackwell, Oxford.

Johnson, M. (1987), *The body in the mind*, University of Chicago Press, Chicago.

Khalsa, S.S., Adolphs, R., et al. (2018), Interoception and mental health: a roadmap, *Biological Psychiatry: Cognitive Neuroscience and Neuroimaging*, vol. 3, no. 6, pp. 501–513, DOI: <http://doi.org/10.1016/j.bpsc.2017.12.004>.

Levine, J. (1983), Materialism and qualia: the explanatory gap, *Pacific Philosophical Quarterly*, vol. 64, no. 4, pp. 354–361, DOI: <http://doi.org/10.1111/j.1468-0114.1983.tb00207.x>.

Ma-Kellams, C. (2014), Cross-cultural differences in somatic awareness and interoceptive accuracy: a review of the literature and directions for future research, *Frontiers in Psychology*, vol. 5, no. e36646, pp. 1–9, DOI: <http://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.01379>.

Shah, P., Hall, R., Catmur, C., Bird, Geoffrey (2016), Alexithymia, not autism, is associated

with impaired interoception, *Cortex*, vol. 81, no. 1, pp. 215–220, DOI: <http://doi.org/10.1016/j.cortex.2016.03.021>.

Tsai, J.L., Simeonova, D.I., Watanabe, J.T. (2004), Somatic and Social: Chinese Americans Talk about Emotion, *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 30, no. 9, pp. 1226–1238, DOI: <http://doi.org/10.1177/0146167204264014>.

Tung, M.P.M. (1994), Symbolic meanings of the body in Chinese culture and “somatization, *Culture, Medicine and Psychiatry*, vol. 18, no. 4, pp. 483–492, DOI: <http://doi.org/10.1007/BF01565850>.

Werner, N.S., Duschek, S., Mattern, M., Schandry, Rainer. (2009), Interoceptive Sensitivity Modulates Anxiety During Public Speaking, *Journal of Psychophysiology*, vol. 23, no. 2, pp. 85–94, DOI: <http://doi.org/10.1027/0269-8803.23.2.85>.

Ye, Z. (2002), Different modes of describing emotions in Chinese, *Pragmatics & Cognition*, vol. 10, no. 1–2, pp. 307–339, DOI: <http://doi.org/10.1075/pc.10.12.13ye>.

Baryshnikov, P. N., Atakuev, M. N. (2022), Semantics of judgments about interoceptive experience:

from norm to anomalies, *Epistemologija i filozofija nauki*, vol. 59, no. 2, pp. 218–233. DOI 10.5840/eps202259234. EDN VMMXPB.

Falikman, M.V. (2012), Cognitive science in the XXI century: organism, society, culture, *Psihologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna»*, no. 3. pp. 31–37.

Harchenko, V. K. (2016), Interoception in hospital discourse, *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*, no. 7(228), pp. 44–50.

Chalmers, D. (2013), *The Conscious Mind: In search of a fundamental theory*, URSS: Knizhnyj dom «LIBRIKOM», Moscow.

Chernigovskij, V. N. (1985), *Interoception*, Nauka, Leningrad.

Sherrington, Ch. (1969), *The Integrative action of the nervous system*, Nauka, Leningrad.

Submitted: 07.07.2023

Revised: 30.08.2023

Accepted: 15.09.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 130.2

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-3-39-44

Дата поступления: 07.07.2023
рецензирования: 30.08.2023
принятия: 15.09.2023

Г. Шольц
Рурский университет,
г. Бохум, Германия
E-mail: Gunter.Scholtz@rub.de

Лирическая поэзия в информационном обществе

Аннотация: поэзия, кажется, стала неким инородным телом в современном обществе, поскольку не включает в себе того, что называют информацией. В то время как информация передает фактические истины, поэзия способна формулировать истины другого порядка: если непрерывный поток информации приводит человека в состояние постоянного напряжения и эмоциональной нестабильности, то поэзия способна создать равновесие. По мере распространения информационного общества по всему миру, наряду с новыми формами деятельности, появляются и новые формы культуры, рэп является одной из них. Подобно тому, как в информационном обществе обнаруживаются и возможности, и опасности, эта новая форма поэзии получает в эстетической, этической и социологической перспективах совершенно разные оценки. Это неудивительно, ведь существуют как вполне обыденные, так и художественные формы рэпа.

Ключевые слова: информационное общество; рэп; культура.

Цитирование: Шольц Г. Лирическая поэзия в информационном обществе // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2023. Т. 3, № 3. С. 39–44. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-39-44>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шольц Г., 2023 – почетный профессор Рурского университета, GA 3/132, 44801, Германия, Бохум, Университетская улица, д. 150.

© Перевод Нестеров А.Ю., 2023 – доктор философских наук, доцент, директор социально-гуманитарного института, заведующий кафедрой философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© Перевод Нестерюк Ю.В., 2023 – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

G. Scholtz
Ruhr Universität,
Bochum, Germany
E-mail: Gunter.Scholtz@rub.de

Lyric poetry in the information society

Abstract: poetry seems to have become a kind of a foreign body in the modern society because it does not contain what we call information. But while information conveys actual truth, poetry can articulate the other one: while the permanent flood of information puts people into constant tension and emotional unrest, poetry can provide counterbalance. With the information society spreading worldwide, new forms of culture have emerged alongside with new forms of work, and rap is one of them. Just as one recognizes both opportunities and dangers in the information society, this new form of poetry is also judged aesthetically, ethically and sociologically in very different ways. This is not surprising, since there are very ordinary as well as artistic forms of rap.

Key words: information society; rap; culture.

Citation: Scholtz, G. (2023), Lyric poetry in the information society, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 3, no. 3, pp. 39–44, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-39-44>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Scholtz G., 2023 – Emeritus Professor, Ruhr Universitaet Bochum, GA 3/132, 150, Universitätsstraße, Bochum, 44801, Germany.

© Translation Nesterov A.Yu., 2023 – Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Humanities, Head of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© Translation Nesteryuk Yu.V., 2023 – Candidate degree in Philology, Associate Professor, Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Если мы в рамках одного контекста услышим два понятия, «поэзия» и «информация», то для нашего слуха они создадут определенный диссонанс. И этот диссонанс не будет чем-то само собой разумеющимся, так было не всегда. До XVIII века термин *informatio* использовался, например, и в педагогике и понимался как формирование духа посредством наставления и поучения. Поскольку стихи часто содержали нравоучения, они могли также передавать и информацию. Однако до XX века под «информацией» понимают, прежде всего, указание, инструкцию в отношении определенных правовых случаев.

Существенные изменения характера лирической поэзии начинают происходить в XVIII веке. Она служила выражению субъективности, очень личных эмоциональных переживаний, выражению мыслей, а её язык избегал любых банальностей. В 1957 г. вышла в свет работа Теодора Адорно «*О поэзии и обществе*» (Adorno 1958), в которой он ясно это показал. Адорно исходит из того, что лирическая поэзия и общество не имеют ничего общего друг с другом и что мы не должны думать, что можем правильно интерпретировать лирические произведения с помощью социологического мышления. Он объясняет эту субъективизацию поэзии, которая больше не содержит моральных нравоучений, как уход от общества, воспринимаемого в качестве чего-то угрожающего, порождающего отчуждение. Поэзия выбирает и формирует такой язык, который не несет в себе следов общества. По мнению Адорно, именно благодаря уходу от общества, разрыву с ним, общество присутствует в лирической поэзии.

Изменение значения понятия «информация» произошло только во второй половине XX века. В 60-е гг. в крупных справочниках мы могли прочесть первые статьи о теории информации как новой важной форме исчисления вероятностей, и вскоре появляется всё больше и больше информации об этой теории информации. С быстрым развитием систем коммуникации она приобретает большое значение почти во всех областях жизни общества, особенно в экономике, торговле, управлении, армии, а вскоре и во всех естественных науках. Теория информации и информационные системы стали инструментами, ускорившими процесс рационализации общества, который Макс Вебер подробно описал ещё 100 лет назад. «Знание есть сила», – учил Фрэнсис Бэкон еще в XVII веке, и поэтому обладание информацией становится расширением и усилением власти, что можно также представить и в виде увеличения капитала. Концепция информации приобрела научный и технологический характер и стала оказывать всё большее влияние на общество. В этом контексте лирическая поэзия, кажется, стала своего рода

инородным телом, которое не вписывается в современный мир. Следует немного разъяснить эту ситуацию, при этом я буду использовать термин «информация» так, как мы используем его сегодня в нашей повседневной жизни.

Поэзия и информация

Мы ожидаем информации от новостных служб, от радио, телевидения, газет и т. д., т.е. от так называемых средств массовой информации. В то же время, конечно, и наш сосед может нас проинформировать о том, что он, например, случайно повредил ограду нашего сада. Хотя в век информации справочники заменены компьютерами, кто-то в поисках информации всё ещё может взять в руки энциклопедию, но это точно будет не книга стихов. В качестве забавного примера этого комического контраста можно привести слова из сочинения школьника, если бы он написал на уроке литературы: «У Гёте доктор Фауст во время своей прогулки в день Пасхи информирует нас о том, что весной большие и малые реки не замерзают из-за более высоких температур». С фактической точки зрения ученик был бы совершенно прав, ибо у Гёте мы читаем: «Освобождаются ото льда ручьи и речушки, от весеннего живительного взгляда». И попытка свести слова поэзии к фактической информации приводят к возникновению комизма.

Но и для лингвиста, и для теоретика информации лирическая поэзия, конечно, может стать объектом анализа, поскольку в ней он найдет всё то, что составляет символическую коммуникацию. Есть отправитель, есть сигнал и канал информации, язык, передаваемый на носителе, на бумаге или через Интернет на мониторе, а у получателя есть код поэзии, с помощью которого он может её декодировать, т.е. понять. Но если предположить, что поэтическое произведение будет анализироваться исключительно с помощью терминологии информатики, то, скорее всего, в результате анализа мы обнаружим такой же комичный контраст, как и в сочинении школьника, о котором было сказано выше.

Поскольку я не являюсь теоретиком информации, в качестве объяснения я могу привести лишь несколько утверждений. Как правило, информация нова для получателя, однако новизна стихотворения не определяет ту его ценность, которую оно имеет для меня. Стихотворения, которые я знаю, я перечитываю по несколько раз и даже заучиваю наизусть.

Ценность информации определяется общим событием, в рамках которого она становится доступна для получателя. Да, он уже примерно должен знать, какие способы выражения использует отправитель, который может быть и автором, и машиной. Иначе дело обстоит при чтении поэзии. Здесь читатель, которого нам теперь, к сожалению,

нию, следует называть получателем, сталкивается с очень необычными и непривычными способами выражения, которые озадачивают его, но часто именно по этой причине и завораживают. После прочтения можно немного познакомиться с языком и поэтическим стилем автора, но несомненно то, что все загадки не будут полностью раскрыты и очарование не исчезнет полностью.

Говорят, что информация обычно снижает неопределенность. И, действительно, информация о погоде, например, снижает наш уровень неопределенности, потому что из многих возможностей – мороз, жара, дождь, отсутствие дождя, снег – она оставляет только одну. Но сокращает ли лирическая поэзия неопределенность или еще больше увеличивает ее, вопрос сложный. Уже по одной этой причине она не относится к сфере информации. Однако поэзия может снизить неопределенность посредством того, что она ограждает читателя, хотя бы на время, от бесконечного потока информации в СМИ.

Положение о том, что информация важна для совершения правильных действий, подтверждается на примере прогноза погоды, поскольку человек узнает, нужен ли ему зонт или ему вообще следует остаться дома. Поэзия, однако, в лучшем случае может побудить человека прочесть еще одно стихотворение или поискать некоторую информации об его авторе и о контексте, побудившем автора к написанию этого стихотворения. Если мы не принимаем во внимание моральную и политическую поэзию, то можем констатировать, что лирическая поэзия не служит мотивацией к действию.

Информацию можно подвергнуть копированию, она не знает оригинала. Независимо от того, на каком языке и каким путем распространилась экономическая или политическая информация, она должна оставаться неизменной. Эта идентичность и есть ее суть. В противном случае то, что мы называем глобализацией, никогда бы не возникло. То, что информация теперь может передаваться через весь мир со скоростью света, является большим техническим достижением. (Наше недоверие к правдивости некоторых сведений не замедляет этот поток. Это могут сделать, пожалуй, лишь вмешательства в систему.) Движение поэзии не выдерживает таких скоростей, хотя и она движется по миру с помощью Интернета. Ее носители также взаимозаменяемы, ведь поэзия может быть устной или письменной, а тексты могут быть скопированы и размножены посредством копирования. Но прозвучать на множестве языков мира, с чем с легкостью справляется актуальная информация, поэзии не под силу. Индивидуальный язык является частью её сущности. Она не может обойтись без звучания слов, рифмы, ритма и порядка слов. А все переводы являются лишь попыткой приближения к оригиналу. Поэтому если кто-то

действительно хочет посетить госпожу Поэзию, он должен сам отправиться к ней. Нельзя ожидать, что она придет в иноязычной карете. Если выучить ее язык, она открыта для всех желающих и готова их принять, она не заключена в тот или иной круг носителей языка.

Для перевода денежных средств из одной валюты в другую существуют правила, в соответствии с которыми деньги сохраняют свою идентичность. Точно так же для обмена языками сейчас существуют прекрасные машины-переводчики. Но если ввести в такую машину лирическое произведение, она в большинстве случаев скомпрометирует себя. Лирическая поэзия до сих пор успешно сопротивляется тому, чтобы быть полностью переваренной машиной (хотя компьютерная лингвистика быстро прогрессирует). Сохраняя свою индивидуальную идентичность, она защищает себя от растворения в общем, легко переводимом языке, который может быть создан только для конкретных областей, таких как наука, техника, экономика, политика, международное право и т.д.

Благодаря своему индивидуальному языковому одеянию поэзия не играет особой роли на мировом рынке. Произведения музыки и живописи также индивидуальны, как стихотворения. Но картины приобретаются в качестве денежных инвестиций, а музыкальные произведения записываются на пластинки и распространяются посредством Интернета, и также могут приносить большие деньги как товары массового производства. Благодаря поэзии никому не удалось разбогатеть при жизни. Музыка и живопись не нуждаются в переводе, в то время как поэзия сложно, а порой невозможно перевести. Но это означает, что поэзия – лишь вершина более общей проблемы, которая относится и к другим языковым произведениям, так как все нормальные языки имеют свой индивидуальный характер.

Индивидуальность лирических произведений обуславливает значимость оригинального текста. Редакторы и издательства ставят на карту свою репутацию, если изменяют тексты, переданные автором для печати. В сфере политики, напротив, под запретом находится искажение только предметной информации (хотя даже в этой сфере языковая форма и стиль могут иметь определенное значение).

В случае информации речь идет об истине, так, например, говорят, что нечто истинно, а нечто ложно. Если, например, информация о том, что поезд в Гамбург отправляется в 22 часа, ложна, то человек окажется одиноко стоящим на темной холодной платформе ночью. Поэтому мы всегда склоняемся к тому, чтобы считать информацию достоверной, иначе жизнь становится слишком сложной, и тогда информация не сокращает неопределенность, а, напротив, увеличивает её. А как

быть с лирической поэзией, если она не содержит никакой информации? Неужели в ней нет ни истины, ни содержания?

Я довольствуюсь позицией здравого смысла, заключающейся в том, что есть несколько концепций истины. Информация есть то, что в философии называется «фактической истиной». От искусства, однако, можно требовать истины только в смысле достоверности, аутентичности, искренности, подлинности и честности, и её трудно доказать. Даже тот, кто владеет языком и кодом искусства, не в состоянии его полностью декодировать, раскрыть так, чтобы его содержание предстало перед нами в обнаженном виде. Ни одна интерпретация значимого стихотворения не может претендовать на то, чтобы с её помощью было передано и высказано всё.

Информационное общество, лирика и рэп

Информационное общество как общество знания перестроило социальный мир, но оно включает в себя гораздо больше, нежели увеличение объёма знаний и их распространение. По сути это коммуникативное общество. Его характеризует не только обмен точной информацией, но и возможность оцифровать, сохранить и распространить по всему миру всё, что можно увидеть и услышать. Таким образом этому обществу свойственно эксплицитное стремление отнюдь не к истинности, но лишь к скорости и неограниченности коммуникации.

Подобно тому, как изобретение печатного станка в начале современной эпохи направило культуру и общество в новое русло, сейчас это делают новые электронные средства коммуникации. Поэтому многие университеты уже на протяжении нескольких десятилетий основывают институты изучения средств массовой информации. Для Шарля Баттё, который первым создал системы изящных искусств в середине XVIII века, опера была высшей формой искусства, поскольку она объединяет все остальные искусства в единое целое: музыку, поэзию, танец, театр и живопись. И это объединение звука, картинки, музыки в XX веке имеет место практически в каждом фильме. В XVIII и XIX вв. опера была доступна только аристократии и богатой буржуазии, а кино посещают широкие массы. Поскольку оно в равной степени привлекает внимание зрителей на уровне глаз, ушей и задействует их воображение, оно обладает большей притягательной силой, чем язык. Языковые произведения искусства утрачивают свое высокое положение, люди читают все меньше, и книжная торговля начинает сокращаться.

С конца XIX века все очевиднее становится разрыв между высокой культурой и массовой культурой. Особенно четко этот разрыв прослеживается в музыке. Авангард, с одной стороны, больше не

следовал традиционному учению о гармонии и развивал совершенно новые формы звучания, от школы Шёнберга до электронной музыки. С другой стороны, посредством радио и телевидения широкое распространение получало огромное разнообразие популярной музыки, поп-музыки. Похожий разрыв происходит и в поэзии. В немецком языковом пространстве поэзия Пауля Целана была непонятна уже его коллегам-поэтам. В условиях рационализованного общества появляются загадочные языковые произведения, которые Умберто Эко называет «открытыми произведениями искусства», произведениями, которые требуют от зрителя или читателя активной работы воображения и нуждаются в этой работе. Кроме того, появились совершенно новые популярные противоречивые формы, об этом чуть позже.

Цифровая коммуникация не изменила произведения искусства, написанные на литературном языке. Однако ввиду доминирования изображения и звука необходимо заново их переосмысливать. Именно поэтому литературовед Д. Франк опубликовала эссе «*Нужны ли еще стихотворения в цифровую эпоху?*» (Franck 2017). Я позволю себе привести несколько цитат: «Каждый век имеет свои недостатки. Недостатком нашего времени является преобладание цифровых технологий. Цифровое <...> есть воспроизводимое, упрощенное, ноль и единица». По мнению автора, повседневный язык стандартизирован и непродуктивен. Чтобы язык оставался живым, ему нужна поэзия, чтобы обновлять и совершенствовать его. Но поэзия нужна и нам. «Стихи создают <...> свободные пространства. Было бы неправильно видеть особую природу поэзии только в ее форме. В поэзии говорится и может быть сказано больше, чем в прозе. Поэзия сохраняет открытость для любой темы. Она менее подвержена идеологической цензуре интеллектуального духа времени, нежели специальная техническая проза». «Стихи – это кислород для языка и для нашего духовного существования. Кроме того, некоторые стихотворения вводят нас в такой режим бытия, который недоступен нам посредством когнитивных представлений». Чтение поэзии позволяет нам достичь состояния счастья. «Это состояние, которое оставляет всё таким, каковым оно является, и в то же время преобразует всё». Адам Загаевский называет поэзию «*мистицизмом для начинающих*». На мгновение мы испытываем частичное исчезновение отчуждения. Без какого-либо догматического основания или метафизического обоснования мы на мгновение оказываемся в ощущаемом нами более широком контексте. «Лирическая поэзия ведет нас к опыту, который можно назвать «созерцательным единением субъекта с миром, заключенным в языке»». «Замедление времени, отвлекающее нас от настоящего, на короткое время исчезает, и мы получаем

пространство для восприятия наших собственных внутренних переживаний». Читатель приходит к самому себе. Он освобождается «от стойкого желания отвлечься и развлечься и нигилизма неразборчивости».

Высказывания литературоведа Д. Франк обретают смысл, если взять в руки книги, описывающие ситуацию в информационном обществе. Они имеют такие названия, как «*Мир в одурманивающем потоке данных*» и «*Великое раздражение*» и указывают на перманентную коллективную возбужденность всех жителей Земли, поскольку не проходит и часа без новостей (Pörksen 2018, S. 7; Ternès 2018; Fleischhack 2016). По этому поводу любят цитировать канадского теоретика коммуникации Маршалла Маклюэна, который ещё в 1964 году писал, что подобно тому, как нервная система соединяет всё в нашем организме, так вскоре и все люди на земном шаре вскоре будут объединены системами связи. Чтобы суметь избавиться от стресса, вызванного постоянным поступлением информации, нам рекомендуется хотя бы на время откладывать в сторону свои гаджеты.

Если традиционные формы поэзии не изменились, то работа в области литературоведения претерпела изменения, поскольку появились новые инструменты для проведения исследований. Оцифровка текстов позволяет проводить статистический анализ авторского языка и существенно облегчает определение значения слов путем сравнения, она способствует объяснению контекста и исследованию восприятия произведения. Всё больше и больше рукописных оригиналов известных произведений публикуется в Интернете, так что каждый интерпретатор при желании может учесть оригинальную письменную форму текста и сравнить ее с печатными версиями. Однако в какой степени филологическая работа с компьютером служит читательской аудитории и приближает её к поэзии – это совсем другой вопрос.

Последствия цифровой коммуникации для общей культуры, читаем мы, таят в себе возможности и опасности, преимущества и недостатки. Среди желательных последствий – появление новых форм культуры, преодолевающих социальные барьеры, не привязанных к какой-то определенной среде. Среди опасностей – вероятность того, что сложившиеся традиции будут вытеснены широким предложением тривиального развлекательного искусства. Для рэпа, вероятно, верно и то, и другое. Актуальная книга 2015 года начинается фразой: «Рэп, пожалуй, самая популярная и влиятельная лирическая форма нашего времени» (Wolbring 2015, S. 11). Я оставлю в стороне рассмотрение отношения рэпа к поп-музыке и хип-хопу и просто напомним основные черты новой культурной формы. Рэп есть объединение языка, музыки и представления-инсценировки, которое получает

распространение по всему миру посредством Интернета, прежде всего, с помощью стриминга. Музыка и слово объединяются в быстрый речитатив, сопровождаемый обычно монотонным ритмом и – при трансляции в видеоформате – быстро меняющимся потоком изображений. В этом потоке центральным является речевое послание, которое не всегда легко уловить, поэтому в видеотрансляции текст часто отображается в письменном виде на экране. Выступления рэперов всегда обладают сильной притягательностью для слуха и глаза, а также для воображения, и, как говорят, они особенно популярны среди представителей молодежи мужского пола. Рэп происходит из низших слоев общества и является формой субкультуры сегодня, возможно, даже доминирующей; более того, в силу ряда причин его можно назвать контркультурой.

Традиционная поэзия оттачивает свой язык и избегает слишком употребительных выражений и оборотов, используемых в повседневной жизни. Рэп же, напротив, часто намеренно использует грубый повседневный язык малообразованных людей или даже преступников. Его язык иногда откровенно вульгарен, а также нарушает моральные и политические табу. Литературный аспект заключается в ритме и рифмах. Хотя рэп изначально фиксируется в письменном виде, он всегда представляется устно именно во время выступлений, при этом, вероятно, оставляя определенный простор для импровизации, лишь много позже тексты иногда появляются в печати.

В то время как в высоком языке поэзии не следует слишком торопиться с тем, чтобы распознать в стихотворении, в так называемом «лирическом «Я»», личность автора, рэп является очень решительной формой самопрезентации автора, который сам и исполняет свой текст. Рэпер не оставляет сомнений в том, что сейчас говорит он и только он. Он прямо и без моральной цензуры говорит о своих собственных потребностях, чувствах и проблемах: любовь и ненависть, зависть и презрение, страх и отчаяние, жадность к деньгам и наркозависимость.

Если, согласно Адорно, в лирической поэзии общество присутствует лишь как скрытый фон, то в рэпе оно становится прямым объектом нападок, потому что рэп был и остается, прежде всего, формой выражения тех, кто чувствует себя отверженным и угнетенным в обществе, и тематизирует это положение вещей. Если, как уже говорилось выше, благодаря лирической поэзии удаётся достичь гармоничного состояния, то в рэпе человек нередко сталкивается с обществом, где царят острые конфликты, погружается в общество, где доминируют насилие, секс и преступность. Однако рэп может выражать это и в ироничной форме.

О рэпе написано значительное количество на-

учной литературы, в рамках самых разных дисциплин и по разным мотивам. Он вызывает эстетический, моральный и социологический интерес. То, что писал Адорно в своем полемическом анализе джаза (Adorno 1955), должно быть применимо и к рэпу: Как и всякая мода, он является частью буржуазной коммерции. Его якобы первобытная экспрессивность в большинстве случаев тщательно отрепетирована, записана и распространена с техническим изяществом. Идеально приспособленные к этому обществу, рэперы могут стать несметно богатыми, если им повезет. Аналогично тому, как в период позднего модерна люди стремились к индивидуальной самореализации, рэперы борются только за себя, за имущество, превосходство, признание и престиж. Поскольку некоторые рэперы сознательно пренебрегают всеми моральными нормами, рэп-моду также обвиняют в ожесточении и одичании молодых людей. «Культура субъекта позднего модерна», – пишет один социолог, – «это в определенном смысле радикально эмоционализирующая культура» (Reckwitz 2019, S. 205). Успех рэпа подтверждает этот диагноз.

В научной литературе, однако, есть предостережение о том, что в целом рэп следует рассматривать исключительно как малоценное достояние культуры, поскольку существует множество вариаций и различий в уровне как музыкальном, так и поэтическом. Профессор права объяснил параграф из юридического кодекса в шуточной форме с помощью рэпа (§ 823 Rap, Prof. Berger, Uni Köln 2010). Один литературовед рассматривает рэп-тексты с позиций программы поэта-романтика и литератора Фридриха Шлегеля: рэп также обращается ко всем сферам жизни, объединяет размышление и поэзию, гениальность и критику, смешивает поэзию и прозу, освобождает поэзию от изоляции и привносит ее в повседневную жизнь. Таким образом, рэп делает общество и жизнь с позиций романтизма поэтическими, и рэп соответствует идее «прогрессивной универсальной поэзии», как того и требовал Шлегель (Peters 2002). Если это верно, то рэп станет шагом от «социального государства» к соответствующему ожиданиям и надеждам «культурному обществу», в котором каждый сможет быть продуктивным с культурной точки зрения (Goehler 2006; Baier 2012; Busch, Süß 2021).

Заключение

Культурологи иногда подчеркивают ещё одну особенность информационного общества: граница между высокой культурой и субкультурой, а значит, и между различными слоями общества, размывается. Если для Адорно массовая культура была продуктом обмана, который, как идеологическая завеса, скрывал недостатки общества, то теперь «массы» перестали быть сдерживающим

явлением для интеллигенции и представителей высокой культуры, сама же массовая культура отнюдь не вызывает презрения. Сегодня известные исполнители классических произведений иногда играют и музыку из фильмов, и произведения поп-музыки. Один очень успешный представитель направления поп-музыки даже был удостоен Нобелевской премии по литературе в 2016 году за тексты своих песен. Смею усомниться в том, что рэп расширяет возможности языка и действительно поэтизирует общество. Я просто уверен в следующем: технические достижения информационного общества имеют светлые и темные стороны, в том числе и для культуры.

References

- § 823 Rap, Prof. Berger, Uni Köln (2010), [Online], available at: <http://https://www.youtube.com/watch?v=d4KS5vKLNmg> (Accessed 7 Sept 2023).
- Adorno, T.W. (1955), *Zeitlose Mode. Zum Jazz, Prismen. Kulturkritik und Gesellschaft, Frankfurt/Main*, pp. 118–132.
- Adorno, T.W. (1958), *Rede über Lyrik und Gesellschaft, Noten zur Literatur I, Frankfurt/Main*, pp. 73–104.
- Baier, A. (2012), „*ich muss meinen Namen in den Himmel schreiben*“. *Narration und Selbstkonstitution im deutschsprachigen Rap*, Tübingen.
- Busch, Nicolai, Heidi, Süß (Hrsg.) (2021), *Rap. Politisch. Rechts? Ästhetische Konservatismen im Deutschrap*, Weinheim, Basel.
- Fleischhack, J. (2016), *Eine Welt im Datenrausch*, Zürich.
- Franck, D. (2017), *Brauchen wir noch Lyrik im digitalen Zeitalter? Lettre International 116*, Berlin Frühjahr.
- Goehler, A. (2006), *Verflüssigungen. Wege und Umwege vom Sozialstaat zur Kulturgesellschaft*, Frankfurt/Main.
- Peters, S. (2002), *Romantische Lyrik und Rap-Texte als Ausdruck „progressiver Universalpoesie“ (F. Schlegel)*, Siegen.
- Pörksen, B. (2018), *Die große Gereiztheit. Wege aus der kollektiven Erregung*, München.
- Reckwitz, A. (2019), *Das Ende der Illusionen. Politik, Ökonomie und Kultur in der Spätmoderne*, Frankfurt/Main.
- Ternès, A. (2018), *Die Digitalisierung frisst ihre User. Der digitale Wahnsinn und wie Sie ihn beherrschen können*, Wiesbaden.
- Wolbring, F. (2015), *Die Poetik des deutschsprachigen Rap*, Göttingen.

Submitted: 07.07.2023

Revised: 30.08.2023

Accepted: 15.09.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82-31

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-3-45-58

Дата поступления: 08.08.2023
рецензирования: 10.09.2023
принятия: 01.10.2023

Н.Т. Рымарь

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Nikolaj.Rymar@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1559-4641>

Художественный метанарратив модерна и структура романа XIX в.

Аннотация: в статье предлагается понятие «художественный метанарратив», аналогичное известному понятию метанарратива Лиотара, но применяемое для описания некоторых механизмов структуры романа. Роман XIX в. рассматривается как центральное явление культуры модерна, но в связи с проблематикой конфликта моральных норм, порожденных ценностными представлениями автономной личности новой эпохи культуры и моральными устоями прошлого, сохраняющими свою активность в XIX в. Для героя романа это по сути конфликт двух культур, – нравственный конфликт, разыгрывающийся в его сознании и поведении и более или менее драматично требующий от героя невозможного для него соединения несоединимого. Предметом анализа являются формы организации произведения, в которых художественная рефлексия над разнородными ценностными векторами, отношениями, нарративами и культурными нормами, выраженными в романе, происходит в перспективе какого-то упорядочивания и ценностной гармонизации целого. В категориях исторической поэтики С. Бройтмана данная творческая проблематика соответствует понятию «автономной причастности», определяющему особенности поэтики художественной модальности, но в случае «конфликта культур» она приобретает в сознании личности особую остроту. Метанарративная рефлексия над ценностными отношениями, действующими в художественном мире романа, происходит на уровне организации форм построения текста, что создает ситуацию самопорождения смысла в поле между автором и читателем. Этот смысл выходит за границы непосредственно изображенных в романе конкретных историй и не имеет прямого вербального выражения. В то же время на метанарративном уровне целостности романа вполне очевидны практики сглаживания конфликта путем создания композиции ценностных отношений, в которой противоположности относительно сбалансированы. «Примирительный» характер этих отношений в романе XIX века не гарантирует перспектив гармоничного человеческого существования, но заставляет осознать проблему во всей ее глубине.

Ключевые слова: автономная причастность; двуединство я – другой; конфликт культур; рефлексия ценностных отношений; разноречие; равновесие; неклассическая культура; классическая культура.

Цитирование: Рымарь Н.Т. Художественный метанарратив модерна и структура романа XIX в. // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 3. С. 45–58. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-45-58>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Рымарь Н.Т., 2023 – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

N.T. Rymar

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: Nikolaj.Rymar@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1559-4641>

The modernity artistic metanarrative and the 19th century novel structure

Abstract: the article proposes the concept of "artistic metanarrative", similar to the well-known concept of Lyotard's metanarrative, but used to describe some mechanisms of the novel structure. The novel of the 19th century is considered as the central phenomenon of the modern culture, but due to the problematics of the

moral norms conflict generated by the autonomous personality's value representations of the new era of culture and the past moral principles, which remain active in the 19th century. For the novel hero, this is essentially a conflict of two cultures, - a moral conflict developing in his mind and behavior and more or less dramatically demanding the impossible from the hero to join the unjoinable. The subject of the analysis are the forms of the work scheme, where artistic reflection on the novel heterogeneous value vectors, relationships, narratives and cultural norms occurs in the perspective of some kind of ordering and some kind of value harmonization of the whole. In the categories of S. Broitman's historical poetics, this creative problem corresponds to the concept of "autonomous involvement", which determines the features of the poetics of artistic modality, but in the case of a "conflict of cultures" it acquires a special acuteness in the individual consciousness. Metanarrative reflection on the value relations operating in the artistic world of the novel occurs at the level of the organization of the text construction forms that creates a situation of self-generation of meaning in the field between the author and the reader. This meaning goes beyond the boundaries of the certain stories directly depicted in the novel and has no direct verbal expression. At the same time, at the metanarrative level of the novel's integrity, the practices of smoothing out the conflict by creating a composition of value relations, where opposites are relatively balanced, are quite obvious. The "conciliatory" nature of this relationship in the 19th Century novel does not guarantee the prospects of harmonious human existence, but makes one realize the problem in all its depth.

Key words: autonomous involvement; duality of self-other; conflict of cultures; reflection on value relations; heteroglossia; balance; modernity; non-classical culture; classical culture.

Citation: Rymar, N.T. (2023), The modernity artistic metanarrative and the 19th century novel structure, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 3, pp. 45–58, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-45-58>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Rymar N.T., 2023 – Doctor of sciences in Philology, Professor, Professor of Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Метанарратив в искусстве XIX–XX вв. – явление, не полностью совпадающее с тем понятием метарассказа или метанарратива, который использовал Франсуа Лиотар и в книге 1979 года «Состояние постмодерна» (Лиотар 1998). В многоаспектной проблематике работы Лиотара речь шла в основном о легитимации знания в системе культуры модерна и постмодерна, отношений нарративов повседневности и языков науки, нас же интересуют формы художественных языков литературы и искусства, в которых скрывается их ценностная реакция на имманентный перспективизм разнообразных явлений культуры. Речь идет о соотношении различных нарративов, ценностных векторов в развитии культуры, соответствующим особенностям различных типов сознания и моделей мышления в действительности, с одной стороны, и, с другой стороны – с перспективизмом различных художественных форм и практик нарративов художественной рефлексии над состоянием культуры, связанным с тем, как искусство понимает проблему человека и личности и как духовная культура общества отвечает на вызов этой проблемы. Этот художественный перспективизм связан с общим ценностным отношением творческого субъекта к духовной ситуации эпохи, с творческими задачами художника, но он проявляется эстетически, то есть на уровне форм художественного языка – в способах и приемах структурирования художественного образа и произведения как целого.

Являясь частью культуры, искусство участвует в создании ее смыслов, но обладая относительной автономией в ней, оно одновременно занимает позицию внаходимости к жизни культуры, указывает как на ее границы, так и на возможности, связанные с ключевыми задачами культуры – задачами придания смысла бытию человека. Так О. Шпенглер, создававший свою морфологию культуры, базировавшуюся на материале культур традиционалистских обществ, мыслил начала культуры по аналогии с гетевскими понятиями «прафеномена», «прасимвола» и более того, «души культуры». Эти экзотически звучащие в цифровой культуре понятия указывают на его особую точку зрения: ему важно не то, что есть мир, а то, «что он значит для живущего в нем существа» (Шпенглер 1993, с. 324), – смысл, в перспективе которого разворачивается и толкуется система отдельно взятой культуры. Таким образом философ фактически определял каждый тип культуры как определенный способ работы по приданию бытию человека смысла, перспективистски предлагающего определенные пути восприятия и решения проблемы человека.

Так и «великие рассказы», о которых пишет Лиотар, используя различные «языковые игры», говорят о разном, но каждая из них осмысливает мир и дает оправдание человеку в рамках определенной эпистемы и исторических нарративов, факторов, прямо или косвенно, идеологически или чисто эстетически выражающих мыслитель-

ный мейнстрим эпохи. Речь идет о наличии общих структурных особенностей мышления эпохи, исподволь «навязывающей» художнику свои «правила игры», свой семиозис и перспективизм художественного мышления, выводящий за границы конкретной ситуативности бытия личности. Видимо, искусство – единственная, за пределами религии и философии, форма деятельности человека, в которой наш дискретный мир предстает целостно, не как его отдельные «мининарративы», которыми озабочена очень функциональная наука и жизненные практики нашего времени, а как то, что он в конечном итоге значит для человека. Это рефлексия над смыслами и состояниями культуры – на самом деле всех интересует в произведении искусства не только и не столько рассказанная «история», сколько его точка зрения на мир человека, – тот целостный смысл жизни, в котором в конечном счете больше всего нуждается человек. Этот смысл реализуется эстетически, чувственно, и наиболее глубоко – на уровне формы, то есть языка, – по правилам его «словесной игры» или игры элементами материала соответствующего вида искусства. Игра языка художественных форм «отрешает», изолирует произведение от непосредственной включенности в поток жизни, который агрессивно поглощает и несет в себе жизнь его автора – нарративы повседневного бытия или научного сознания переключаются-переводятся в другой модус существования – эстетический. Изоляция (Бахтин 2003, с. 183–205), которую создает уже материал искусства (слово, цвет, камень, звук), порождает его границы – рамы искусства, тем самым позволяя автору свободно и творчески мыслить реальность этого потока, видеть и постигать его уже не на уровне идей, жизненных потребностей, а на принципиально другом уровне в модусе языка искусства.

Именно на этом уровне возникает и формируется эстетический перспективизм, собственно творческое и именно ценностное отношение произведения к культуре, творческая рефлексия над ее нарративами, заданностями, ориентациями и задачами личности. При всех различиях в использованном автором «материале действительности» на уровне языка, способов и форм построения произведений есть некие структуры, в конечном итоге работающие как бы уже независимо от тематики и проблематики рассказываемой «истории» – «жизненного материала» произведения. В игре художественных форм структурируется работа стиля, ритма, композиций и символики мотивов – поэтических метаструктур, выводящих к смыслам, связанных с творческим сознанием, поднимающим текст над материалом наличной культуры. Красноречивые примеры – стиль романов Флобера «Госпожа Бовари» и «Воспитание чувств» или знаменитый анализ Л. Выготским рассказа И. Бу-

нина «Лёгкое дыхание» (Выготский 1986). Формы художественного языка заключают в себе наиболее глубокие смыслы целого – метасмыслы.

Однако, всякая культура гетерогенна – в ней сосуществуют настоящее и прошлое – как близкое («вчера», «прошлый век»), так и восходящее к ее началам, к мифу и напротив, в будущее. Неоднородность культуры связана с наличием в ней социальной, конфессиональной, идеологической и т.д. неоднородности, наличием различных форм социальной, институциональной организации ее жизни. Это различные языки, нарративы культуры и языки эстетической коммуникации, языки искусства, связанные как с этим разнообразием, так и с тем, какие ценностные ориентиры доминируют в культуре и ее формируют, то есть какого рода оправдания культура находит для человеческого существования. Так Франсуа Лиотар пишет о «великих рассказах» эпохи модерна, которые «вписываются в перспективу возможного единодушия рассудительных умов», способных связывать идеи Просвещения с вымышленными «рассказами» о героях, вершавших великие дела и идущих к великим целям, а также с идеями и концепциями спекулятивной философии – «путей Духа или Жизни» и «эмансипации разумного субъекта», с гегелевской «Энциклопедией философских наук». Так «немецкий идеализм прибегает к метапринципу, обосновывающему одновременное развитие знания, общества и государства в осуществлении „жизни“ Субъекта, которого Фихте называл „божественная жизнь“, Гегель – „жизнью духа“» (Лиотар 1998, с. 86), Лиотар – метасубъектом, излагающим общий фундамент легитимности как позитивной науки, так и учреждений «народной культуры», в котором осуществляется „их имплицитная цель» (Лиотар 1998, с. 85)).

Семиозис культуры порождает чувственные формы культуры как носители смысла человеческого существования – религиозный, философский, этический, идеологический, художественный «каркас», способный до известной степени связывать жизнь культуры как некоторого целого. В «социально-идеологических», институциональных формах и в искусстве возникают определенные «жанровые нарративы» – ценностные ориентиры, имманентные «великим рассказам» и границам мейнстрима общественного сознания.

Однако границы внутренние, связанные с самоощущением личности, ее отношением к «великим рассказам» и к самой себе, своей практической жизни с ее реальными возможностями, к ее опыту отношений к смерти являются гораздо менее прочными, чем общие социально-идеологические «постулаты» – они текучи, изменчивы и могут исподволь размывать любые идеалы. Хорошо известно, что идеология может обладать громадной властью над личным сознанием человека,

но между идеологией и личным опытом всегда есть зазор, который может обратиться настоящей пропастью, порождающей другие формы языка – другие метасмыслы.

Искусство, по эстетической своей природе стремящееся к пониманию человека и мира как целостностей, неизбежно оказывается в этой проблемной точке в сознании и психологии отдельной личности, в конечном итоге регулирующей восприятие ею себя и мира в целом. Этот комплекс отношений между разными содержаниями опыта приобретает особый драматизм в ситуации расшатывания культуры классического типа и с наступлением эпохи модерна.

Художественная организация романа – центрального для литературы XIX века жанра – рассматривается как литературная форма метанарративности, с одной стороны, раскрывающей драматическую противоречивость духовной ситуации новой эпохи культуры, с другой стороны, на уровне этой художественной формы предлагающей перспективу относительной гармонизации изображаемых противоречий.

Конфликт ценностей в культуре XIX в.

Границы культуры модерна до сих пор определяются по-разному в зависимости от того, какие ее аспекты изучают философия, социальные и экономические науки, науки о культуре; в последние десятилетия используется понятие «неклассический тип культуры» (Флиер 2017), в противопоставлении классическому, традиционному типу. В литературоведении писали о в целом диффузных представлениях о сути явления (Vietta 1992, p. 17); С. Вьетта выделяет социальное и ментальное его понимание (Vietta 2007). Для нас самое важное здесь новое понимание личности, как его мыслит Д. Кемпер (Kemper 2004), и мы ограничиваемся в данном случае лишь наблюдениями над тем, каким образом романная форма XIX в. мыслит сознание личности, породившее данную эпоху культуры. При этом исходя из того, что эпоха модерна шла к своей оформленности во второй половине XVIII в., когда возникал комплекс образующих ее идей Просвещения, которые стали входить в сознание общества и в политическую жизнь.

Идеи эти – результат живого чувства жизни личности, которая стала осознавать свое право на личностную самостоятельность и относительную автономию. Как известно, это ценности, формировавшиеся в течение столетий в социальном опыте третьего сословия, да и дворянской культуры Нового времени. Их жизненной и культурной почвой становилось рококо как стиль жизни XVIII в., отказывавшейся принимать всерьез моральные установки культуры классического типа – из этого опыта возникала новая идеология, центром которой стала новая ценность – свобода личности,

понятой как „ineffabile“ – индивидуальность, которую невозможно подвергать под готовые модели или роли. Эта была позиция существенно другого жизненного опыта, требовавшая новой, романной формы изображения человека в литературе. Если в начале XVIII в. Шефтсбери в «Опыте о свободе остроумия и чувстве юмора» еще категорически отрицал ценность индивидуально-неповторимого в искусстве, то, как пишет Ян Уотт, в критике скоро появились и противоположные мнения, и именно романисты Дефо и Ричардсон определили направление романной формы задолго до того, как она смогла рассчитывать на какую-либо поддержку со стороны теории (Watt 1957, p. 16).

Идея самостояния личности с ее правом выйти за границы заданностей культуры, традиционного порядка открывает новые ценности и существенно новый перспективизм, содержанием которого оказываются внесловность, «буржуазный разум», в том числе «инструментальный» – это ценности овладения миром, а также восприятия мира не как чего-то застывшего и завершенного, а ценность становления, времени, открытого будущему.

Историческая поэтика издавна и по-разному описывает формирование нового самосознания личности в этот момент глубокого перелома в истории европейской культуры. А.Н. Веселовский, О. М. Фрейденберг, Э.Р. Курциус, С.С. Аверинцев, А.В. Михайлов – многие историки культуры за рубежом и у нас анализируют переход от эпохи традиционализма и риторики к «индивидуально-творческому художественному сознанию» как переход от культуры т.н. классического типа к неклассической культуре, характер которой существенно определяется рождением личности, которая начинает сознавать себя относительно автономной. Историческая поэтика С.Н. Бройтмана использует для описания нового типа личности формулировку М. Бахтина «автономная причастность» следующим образом: «В личности теперь ценится не то, что приближает ее к отвлеченной идее человека, а ее отличие от других людей при автономной причастности к ним, ее уникальность, „единственная единственность“» Это означает, что «именно понимание автономии „я“ помогло увидеть в более глубоком свете его причастность „другому“; так что „реальной формой существования личности является не изолированное „я“, а двуединство („диспластия“), „я-другой“» (Бройтман 2001, с. 256–258). Следует обратить внимание, что эта форма личностного бытия включает в себя и неустойчивость, и внутреннюю конфликтность, и сомнение, недоверие как к другому, так и к себе самому и, может быть главное для новой поэтики искусства, которую Бройтман определяет как «поэтика художественной модальности», это то, что заведомо не принадлежит „я“ и должно быть заново порождено изнутри его мира; [...]

для этого „я“ нет ничего готового, все подлежит его личной проверке, и все душевные движения и все слова принадлежат теперь ему и только ему как личное достояние» (Михайлов 1991, с. 160). Бройтман показывает, как в этой ситуации меняется содержание всех категорий поэтики литературного произведения. Так образ, сохраняя в себе разошедшиеся полюса автономных миров, физического и метафизического, предмета и идеи – оказывается «полем значений и отношений», напряженно «живущим между этими полюсами» (Бройтман 2001, с. 258–263).

Понимание личности как двуединства может указывать не только на отношения «я» с некоторым другим «я» и не только на отношения «я» и «коллектив», на «другого» в себе самом и, что сейчас особенно для нас важно, – на внутренний конфликт в сознании личности, связанный с ее внутренней причастностью к разным типам культуры.

Связанные с новым самосознанием личности ценностные ориентации не исчерпывают сознание человека XIX в. Новые ценностные ориентации – это ценности, связанные с новой идеологией, социальной жизнью человека и его общественным лицом; это другая современная норма, которой нужно соответствовать в глазах других. Но они в известной степени могут противостоять и противостоят непубличным, «домашним» моральным ценностям «органики», сложившейся за столетия семейной традиции, они связаны с рождением и смертью, с заботой и чувством долга перед близкими, слабыми, людьми, они требуют самоотречения, и могут быть чужды тому, что требует гордость, личное достоинство и т.д. Все это не остается в прошлом, так как имеет глубокие психологические корни и свою христианскую идеологию, восходящую к традиции, которую много веков поддерживали и продолжают поддерживать религия и церковь. Моральные ценности традиционного общества продолжали жить на протяжении всего XIX в. и не исчезли до сих пор, так что сознание XIX столетия никак не сводится к идеям Просвещения и «буржуазности».

И «буржуа», и «пролетарий» живут ценностными ориентациями одновременно двух культур – культуры модерна и культуры классического типа – традиционалистского общества. Сознание европейца XIX в. не однородно, в нем в большей или меньшей степени живет конфликт двух культур, и это более тяжелый внутренний конфликт, чем раньше: так средневековый диспут души и тела, разрешить который христианская культура могла путем выстраивания жесткой иерархии ценностей средневековой картины мира, и поэтому здесь не было проблемы выбора – точно так же, как и в случаях, связанных с сословным достоинством. Эти конфликты в ситуации культуры XIX в. могут казаться неразрешимыми в силу

переоценки содержания конфликтующих начал, постепенно утрачивающих связь с абсолютным и с сословной иерархией. Личность, начиная ценить свою индивидуальную внутреннюю и внешнюю, социальную автономность и свободу, одновременно сознает свою включенность в миропорядки различного типа, с их многоплановыми заданностями, обуславливающими как внешние, так и внутренние возможности и границы. Проблема внутренней несвободы приобретает таким образом невиданную остроту, с большим драматизмом разрабатываемую в романтической литературе, а затем в реализме XIX в. она оборачивается серьезнейшей проблемой нравственной состоятельности личности.

Узел этой проблематики личности эпохи модерна становится серьезным вызовом для искусства и главным предметом его эстетической рефлексии над духовной ситуацией культуры XIX в. Рефлексия этой проблематики эпохи превращает центральный жанр литературы «буржуазного века» – роман – в развернутое художественное метаповествование, которое на многосапектных основаниях этой проблематики связывает в большое проблемное единство основные формы сознания и жизни личности в системе культуры эпохи и картины мира. Эволюция романной формы, как и развитие других жанровых форм и других видов искусства наиболее глубоко раскрывают эту суть драмы европейской культуры эпохи модерна.

Роман как художественное метаповествование XIX века

Роман XIX в. мы рассматриваем как «классический роман» и как первую относительно завершенную, «зрелую» форму художественной рефлексии культуры эпохи модерна, так что его можно считать отличным средством исследования ментальности модерна (Ср Vietta 2007). Художественная сила и глубина романной формы была изначально связана с фундаментальной противоречивостью ценностных оснований романного мышления (Рымарь 1989) почти непрерывно порождавшего все новые формы романа. Расцвет романа можно считать ответом на потребность культуры модерна в картине мира, способной связать многообразные формы жизни в некое осмысленное целое, включающее в себя многочисленные противоречащие друг другу моменты нового состояния общества, в жизни которого происходили изменения, которые с точки зрения традиционной морали классического типа культуры казались разрушительными и вызывали осуждение и гнев моралистов. Эта потребность возникает на фоне представлений о смысловой, ценностной упорядоченности всех форм жизни традиционного общества, жившего и мыслившего себя под знаком абсолюта, что порождало стремление реализовать этот идеал, эту ис-

тину в искусстве: именно так мыслило свои задачи искусство классического типа культуры.

Эстетическое самоопределение английского романа XVIII в., быстро формировавшегося в контакте с «незавершенной действительностью» Нового времени, происходило в период кризисного состояния культуры, связанного с переходом к новому типу культуры и новому пониманию личности – и в жизни, и в искусстве. В целом роман эстетически определяется как литературная форма, которая примерно с XVII века и особенно в XVIII в., а затем в девятнадцатом формировалась в контакте с действительно «незавершенной действительностью» (Бахтин 1975) как жанр, в проблемно-содержательном плане показательный для восходящей культуры модерна. Соответственно роман определяли именно незавершенность, то есть на поверхности изменчивость, а в ценностных основаниях романного мышления – кризисная неустойчивость, т.н. «эпистемологическая неуверенность». Во многом это было сознание трудности или даже невозможности найти убедительную перспективу и позицию для понимания и решения проблемы личности. Уже испанская пикареска и Дон Кихот, затем романы Дефо, Ричардсона, Филдинга, Стерна, Голдсмита, В. Скотта свидетельствуют о поиске литературной формы – героя, конфликта, сюжета, повествовательной точки зрения, интонации, композиции, которые могли бы позволить найти относительно устойчивое, как это было в классических жанрах, отношение к реальности незавершенной, уже не способной «раз и навсегда» определиться со своими ценностями.

С другой стороны, роман становился и как жанр, искавший свою относительную завершенность – не без влияния эстетических воззрений прошлого и традиционных представлений об эстетическом. Это эстетическое сознание жило в еще живых образцах классической жанровой системы, получивших, в частности, и теоретическое завершение в популяризированных впоследствии формах концепций классической эстетики, в том числе рубежа XVIII–XIX в., оказывавших особенно сильное воздействие на немецкое и английское эстетическое сознание. Так грандиозное здание «Эстетики» Гегеля 20-х годов XIX в. почти полностью базируется на материале искусства классической эпохи, практически игнорируя роман и искусство романтизма. Относительной завершенности-«успокоенности» романная форма достигает к середине XIX в., когда и в жизни, и в искусстве стала понятна невозможность достижения традиционалистски понятого идеала. Это был момент, когда проблема личности начинала осознаваться как проблема, не имеющая окончательного решения, так что внутренним содержанием романа стали уже не только «история» проблематичного героя, но и перспективизм серьезной эстетической реф-

лексии над проблемой личности романного героя, над ценностным содержанием его сознания в его отношениях с общим миропорядком. Это давало роману относительное оправдание и позднее сделало его как бы новым «высоким жанром», в котором «средняя» романная житейская история получила глубокую разработку на метауровне сложной системы художественных форм, в которых происходило выстраивание новой картины мира.

Так роман XIX в. определялся со своим «предметом» – сознанием героя, можно сказать точнее – его нравственно-психологической проблематикой, связанной прежде всего с проблемой ценностной или нравственной позиции героя, в сознании которого конфликтовали две эпохи культуры, и конкретных отношений с другими персонажами, представляющими весьма различные ценностные ориентации в жизни общества. Эта проблематика эпохи определяла характер сознательной фокусировки авторского внимания на проблеме ценности, а таким образом и на особенностях романной формы как сознательного, стремящегося к концептуальности способа выстраивания сюжетно-композиционной организации произведения, позволяющей выявить и осознать проблему человека и личности в большом контексте видения мира как некоего смыслового целого.

Эстетическое и этическое самоопределение романа становилось в принципиальной для него оппозиции к однозначности позиций традиционного, тесно связанного с религией морализма, устанавливавшего свои жесткие границы для личности, что в плане теоретического самоосознания жанра начиналось с со- и противопоставления эпоса и романа, причем исходной их точкой были представления об эпосе, восходившие к классике. Показательно, что Филдинг определяет роман как комический эпос, и это четко указывало, что современная литература отрекается от ценности героического, находя человека в современном прозаическом мире, далеко от поэтического идеала целостного прошлого. Во всех случаях указывалось на новое качество эпического повествования, в котором картина мира организуется вокруг ценностно противоречивого сознания романного героя как личности, внутренне не способной соответствовать заданностям современной «прозаически упорядоченной действительности» (Гегель 1971, с. 475).

Старое понятие эпического еще обладало высоким ценностным смыслом – классическим представлением о поэтической целостности состоянии мира, восходящего к эпическому «веку героев», которое, однако, ушло в прошлое. По мысли Гегеля, «поэтическое представление» видит мир как „тотальность“ (Totalität), органическое внутренне связанное единство всех сторон действительности в противоположность рассудочному видению мира как набора отдельных явлений, связь которых по-

стигается индивидом чисто рассудочным способом (Гегель 1971, с. 355–361, 384–388). Поэтому роман должен был бы в этом мире прозы вновь стать эпосом, чтобы «завоевать» для поэзии <...> «утраченные ею права – как с точки зрения жизненности событий, так и с точки зрения индивидов и их судьбы» (Гегель 1971, с. 474–475), то есть стать поэзией современного мира. Но роман был вынужден смириться с тем, чтобы быть, как выразился Шиллер, лишь «братом поэта наполовину» (Шиллер 1957, с. 435). Так, гегелевская ироническая формулировка романного сюжета (соседствовавшая с демонстративно пренебрежительными замечаниями) как разработки и последующего снятия конфликта «между поэзией сердца и противостоящей ей прозой житейских отношений, а также случайностью внешних обстоятельств» (Гегель 1971, с. 475), фактически указывала на кризис «классических ценностей», то есть в данном случае утрату поэтического – целостного восприятия реальности. Не случайно, хоть и с теми или иными уточнениями и поправками, но уже вполне серьезно эта формулировка романного сюжета была принята или не была опровергнута большинством теоретиков романа, работавших в XIX и в первой половине XX в. – от Ф.Т. Фишера до Х. фон Додерера. Еще в XX в. Г. Лукач в своей «Теории романа» продолжал держаться идеи восстановления поэзии: «роман стремится вскрыть и воссоздать потаенную тотальность жизни», но при условии, что «все трещины и провалы, заключенные в исторической ситуации, должны стать элементом изображения, они не могут и не должны быть прикрыты композиционными средствами». Поэтому «суть романа, определяющая его форму, объективируется в психологии героев: эти люди постоянно в поиске» (Лукач 1994, с. 34). Писатели XX века – М. Бютор, А. Робб-Грийе, М. Кундера – подтвердили это по-своему: суть романа – поиск; А. Робб-Грийе писал: «Литература не средство выражения, а поиск. И она не знает, что ищет. Она не знает, о чем может сказать» (Цит. по Пестерев 2021, с. 65), см. также (Kuhn 1994).

Утрата «субстанциального начала» в искусстве и переход к эпохе торжества прозы над великой поэзией прошлого с исторической точки зрения означали формирование культуры модерна, которой, по мнению классика, искусство должно было возражать, чтобы традиционно эпическим способом вернуть утраченную целостность мира. То же самое касается замечаний Гегеля и о полноте, богатстве интересов, состояний, характеров, жизненных условий и «широком фоне целостного мира» (Гегель 1971, с. 474), которые как-то возрождаются в романе. Развитие романа XIX в. обнаружило важную для него тенденцию к эпичности как по своей сути поэтологическому выведению сюжетного разрывания романа за пределы единичной судьбы

в большой мир различных кругов социальной жизни, сюжетно-композиционно оформлявшихся как «полицентризм» романа, что, в свою очередь, выводило романиста к серьезной работе над формой целого, а таким образом – прямо или косвенно – и над смысловой перспективой произведения как целого. Так Г. Лукач пишет: «Всякая форма – это разрешение диссонансов бытия, особый мир, где бессмысленность становится – обретя свое место, – носителем, напряженной предпосылкой смысла» (Лукач 1994, с. 35).

Эстетический перспективизм романа проявляется в том, что, давая сложную социально-психологическую мотивировку сознания героя и помещая его в контекст многообразной социальной организации общества XIX в., роман на самом деле не может ограничиться изображением более или менее случайного или произвольного набора отдельных социально и морально мыслящих миров, как и частными характеристиками проблемы сознания героя, ссылками на его характер, личные достоинства или слабости, подверженность страстям, наивность и т.п. Так, эстетический перспективизм первой испанской пикарески романного типа «Жизнь Ласарильо с острова Тормес» (XVI в.) анонимного автора, по-видимому, философа, выводит содержание «истории» далеко за пределы бытовой ситуации – отсутствия средств существования героя, жестокости нищего, скупости священника, бедности идальго, цинизма героя, прошедшего жестокою школу жизни. Повесть строится как изощренная ироническая игра с формой наивного рассказа неграмотного мальчика, цитирующего классиков и с позиций своего личного опыта с простодушно-демонической убедительностью фактически отрицающего все. Эта очень серьезная игра литературных форм говорит не просто о пороках и слабостях людей, а перспективистски демонстрирует иллюзорность и несостоятельность святынь общества: тут другая мера понимания, другой уровень ценностного содержания «простой истории»; демонстрация пустоты и бессмысленности действительно является «предпосылкой смысла» – искомого ценностного толкования. Показательна идея Р. Яусса, указывавшего на возможную связь «Ласарильо» с «Исповедью» Августина, допуская, что повествование Ласаро может быть травестией «Исповеди» (Jauss 1957). Чуть ли не с самого начала роман «выносит» смысл целого за пределы повествуемой «истории» – план событий и план их смысла коррелируются неоднозначно.

Эстетический перспективизм романа «Дон Кихот» также выводит смысл целого за пределы сюжетно-фабульного интереса – истории безумца, руководствующегося книжным идеалом – к проблематике конфликта власти идеологии (Книги) и власти народного сознания, рассудка и мифа, героической силы и бессилия субъективного начала,

«безумия» и «мудрости». Центральной проблемой романа здесь стала проблема сознания личности, – «романа сознания» (Бочаров 1985, с. 5–34), ценностных ориентаций героев, разрабатываемых на уровне художественного целого романа прежде всего в диалогах дон Кихота и Санчо Пансы и сложной диалогически выстроенной композиции многочисленных эпизодов и вставных историй. Важную роль выполняет здесь и создание игровой дистанции к повествованию, в котором рассказываемое остраивается так, что вся рассказанная история предстает то ли как рассказ о реальных событиях, то ли как вымысел – некая проекция какого-то смысла. Между «историей» и ее рассказыванием (в конечном итоге ее толкованиями как определенным метауровнем смысла вереницы приключений) сделан зазор. Характерно, что имманентное авторское толкование истории дон Кихота с шестой главы меняется со смехового на более серьезное, а во втором томе в этом плане меняется все, – начиная с ситуации «пиратской публикации» истории героев и отношения к ним окружающих как персонажам литературного произведения и кончая финалом. Разрыв между историей и толкованием ее значимости налицо.

Показательно, что и реальная рецепция романа в европоцентристских культурах обнаруживает, что его проблематика затрагивает глубоко экзистенциальные, религиозно-философские вопросы человеческого бытия в целом, как, например, показывают работы Мигеле де Унамуно, его «Житие Дон Кихота и Санчо по Мигелю де Сервантесу Саavedре» (Унамуно 2002).

В романе эпохи реализма XIX в. игровые моменты, выводящие авторскую работу на поверхность, уходят в глубину текста; основные и второстепенные моменты основного фабульного движения сюжетно-композиционным образом перекликаются с элементами других сюжетных линий, как будто случайными мотивами описаний житейских ситуаций, не имеющих значения для основного сюжета, но втягивающих в свою орбиту разнообразный материал, заключающий в себе свои отдельные истории. Текст романа оказывается переплетением как бы «всего со всем», в результате чего возникают перспективы смыслового развертывания, проследивание которых читателем существенным образом изменяет восприятие романа. Так, формируется, например, эстетический метаперспективизм романа Флобера «Госпожа Бовари», формальная организация которого поднимает историю жалкого деревенского адюльтера на совершенно другой уровень – «метауровень» изображения трагедии человеческого существования. На уровне сюжетно-композиционной истории Эммы незаметно отражается и как бы «дублируется», трагически пародируется в историях других персонажей – Шарля, аптекаря, ее служанки,

ее любовников, даже в знаменитом «мы» первой строки романа, в «случайных» сюжетных ситуациях, мотивах. Этот уровень обобщенного – «дегуманизованного» в духе концепции Ортеги-и-Гассета смысла – «внезаходим» сюжетному движению. Материально-чувственно разное таким образом говорит уже «непредметно», подвергая рефлексии непосредственно сюжетные смыслы.

Так, устроенная смысловая структура романа с большой четкостью прослеживается в поэтике романа Т. Фонтане «Эффи Брист», который, собственно, и строится на этом разделении эмпирического материала драматичной истории заглавной фигуры романа и его перспективистской рефлексии на метаповествовательном уровне ряда символических мотивов, смысл которых для героев романа недоступен: все, что рассказывается о сознании и «историях» героев, свидетельствует о ситуации глубокого разрыва между социальным лицом и внутренней жизнью, чувствами героев, которым не придают значения: любовь существует не только в сказках, а счастье заключается в социальном реноме. Потеря непосредственности контакта с Другим парализует чувства, порождает лишь холодное одиночество, страх, марионеточность поведения, равнодушие, бесчувственность. Это перспективизм обезчеловечивания культуры – надмирная тайна культуры конца века, о которой не спрашивают и не рискуют говорить, так как это может завести «слишком далеко»: «das ist ein zu weites Feld» (Fontane 1969).

Форма романа XIX в. предполагает объективное изображение большого многообразия социальных форм жизни, позиций, голосов, стимулируя их возможность проявить себя, «высказаться», образуя свои истории, сюжетные линии или микросюжеты. Роман XIX в. многолюден, тяготеет к эпической развернутости, к захвату различных социальных сфер. Бахтинская концепция романного разноречия, диалогичности «романного слова», а также полифонического романа, как и роли карнавальской культуры как одного из истоков романности, являются принципиальными теориями, характеризующими ведущие особенности романного восприятия проблематики личностного бытия и романной формы как основного текста культуры эпохи модерна. Но одновременно роман стремится на уровне форм сюжетно-композиционной организации, «бесконечного лабиринта сцеплений, в котором и состоит сущность искусства» (Толстой 1955), вязать эти миры как бы в особый текст, «надтекст» художественных форм, или метатекст, обладающий своим перспективизмом – часто даже не требующим изображения ситуаций непосредственного соприкосновения этих миров (например, как в романе Диккенса «История двух городов»), и образовать на этой основе метанаррацию «формальных средств», особую позицию

внеаходимости, создающую свое понимание романного целого.

Это метанарративный план романа, план формы целого, по всей вероятности, вполне сознательно выстроенный писателем, выходит из-под юрисдикции повествователя и автора, так как в той или другой степени оказывается во власти логики толкования, диктуемой восприятием читателя. Это план целого, воспринятого с высоты «птичьего полета», позволяющей видеть сразу целое – одновременно все сюжетные линии, мотивы, голоса – уже как систему мотивов, символов – знаков. Здесь может не играть роли линейная последовательность процесса чтения – важнее то, что В. Кайзер (Kaysner 1992), Э. Штайгер (Staiger 1972) называли «впечатлением целого», а Й. Фогт – «фундаментальной структурой нашего жизненного опыта – разнообразия одновременно происходящих событий и восприятий», включающей в себя не только прочитанное (Фогт 2008, р. 135). Проблему схватывает также понятие пространственной формы (Френк 1987), (Гарбузинская 2006).

Разноречие – это не только состояние изображенной социально и ценностно неоднородной действительности. Главное для романа – это конфликт отрицающих друг друга миров в сознании героя: разноречие действительности живет и внутри его сознания, в том числе в разноречии его внутренних реакций на себя и на других, так что герой причастен ценностному конфликту культуры эпохи модерна в целом. Формирование классического романа XIX в. связано с разработкой во внутреннем мире героя конфликта, по структуре своей как будто аналогичного традиционному моральному сознанию, мыслящему в парадигме иерархической упорядоченности абстрактно-универсальных категорий, как душа и тело, добродетель и грех, добро и зло, но обладающих совершенно другим содержанием, порожденным культурой модерна.

Специфика этого конфликта в романе заключается в том, что модерн, преодолевая универсализм средневекового мышления, мыслит в парадигме конкретных морально-психологических ориентаций и реакций сознания личности. Это конфликт ориентаций, с одной стороны, порожденных эпохой модерна ценностей самостоятельности и свободы личности, с другой стороны – ориентации на моральные заповеди традиции, как правило, сохраняющей свой авторитет для личности и общества в рамках нового типа культуры. Также принципиально важно и изменение отношения человека к материальному миру и собственным материальным потребностям, в которых личность приучается видеть не греховный соблазн, а просто естественную необходимость; капитализм делает материальный успех свидетельством личного достоинства и протестантской религиозности. То, что в течение столетий естественно связывалось с

сословным достоинством и что в глазах общества главным образом осуждалось, теперь становится целью честолюбцев третьего сословия. Тем не менее ценностное отношение к богатству сохраняет известную двойственность.

Как уже говорилось, в XIX в. по сути, это конфликт не идей, а ценностей. Для искусства важны именно ценности, а не просто идеи, – роман изображает восприятие – ему нужно целое как некая жизнь с ее совершенно органическими формами восприятия и желаний (рождение, смерть, любовь, надежды, материальные потребности, стремление к наслаждениям и социальному успеху, власти и т.д.). С этими ценностями только до определенной степени смыкаются поддерживающие и оправдывающие их ценности идеологические – как новые, так и старые. Ценностный смысл целого вычитывается на уровне поэтики форм – метауровне романа, «внежизненным» для героя, доступном не герою, а читателю – в зоне внеаходимости по отношению к изображенным событиям.

Художественная рефлексия над нравственным содержанием жизни личности, ее поступков и практик общества составляет важнейший план проблематики романа XIX в., связанной с эстетикой реализма. Культура эпохи реализма означала более или менее сознательный отказ от ориентации личности на абсолютные, универсальные и поэтому «готовые» ценности этического и социального порядка, которые вытеснялись признанием ценности материальных потребностей и интересов повседневного существования частной жизни. Традиционалистское понимание культуры как упорядоченной системы абсолютных метафизических ценностей расшатывалось, «разноречие» характеризует состояние мира, вступившего в эпоху конфликтов разных «правд»: понятие истины подменяется понятием «правды», связанным с практическим, неизмеримо более широко понятым опытом существования личности. Этическую противоречивость можно считать конститутивной чертой поэтики реалистического романа XIX в. Романский герой – носитель глубинного противоречия культуры модерна, постоянно продуцирующей в переживаниях его личной жизни ситуацию неразрешимого конфликта противоположных ценностных систем, – конфликта, конституирующего характер этой культуры как целого.

Ценности личной жизни с ее чувственными потребностями определяют собой круг жизни романного героя – относительно «маленького человека», в определенном смысле еще мало известного «большой литературе». В прозе девятнадцатого века разыгрываются, как писал Бальзак, неизвестные большому миру драмы маленьких людей, способные поспорить с «древними». Сосредоточение художественного интереса на индивидуально-неповторимом и культура конкретного видения и

толкования человеческого существования требовала от реализма исследовать «поэтику» и «архитектонику» «единственности» поступка, определяемого «конкретным и единственным» местом и временем его совершения, конкретными обстоятельствами поступающего сознания среди других людей (Бахтин 2003). Поэтому содержательным центром романа XIX в. является острая рефлексия над нравственно-психологической проблематикой жизни личности, связанной с конфликтом различных социально-психологических тенденций и форм социального бытия: это рефлексия героя над самим собой и автора, повествующего о проблеме ценностей эпохи модерна.

Анализ повествовательной структуры романа как композиции переплетающихся историй, говорящих о ценностных ориентациях разных социокультурных миров, обнаруживает энергию сюжетного развертывания рассказа о сознании отдельной личности в повествование о многоаспектной и полицентричной действительности как разрозненного и тем не менее организованного целого. Наиболее адекватной характеристикой художественного построения на уровне художественной рефлексии романиста, сводящего это целое в незавершенное, проблематичное единство, является его определение как метанарративной организации произведения, а жанровая форма классического романа должна рассматриваться как художественное метаповествование о культуре эпохи модерна в целом.

Важнейшей особенностью формирования этой метаперспективы романа XIX в. является осуществляющаяся на уровне сюжетно-композиционной организации произведения тенденция к диалогическому соотношению различных миров романа, сюжетных историй, групп персонажей – различных, противоположных и диалогически дополняющих и уравнивающих друг друга. Роман XIX в. драматичен, но в целом перспективизм его метаповествования обусловлен целостным видением реальности человеческого бытия, стремлением «собрать» разные ценностные устремленности в некое единство, пусть неустойчивое и проблематичное, но обещающее относительную полноту и способность оправдать это единство как относительную ценность. Дух метаповествовательного равновесия и относительной завершенности романного текста в конечном итоге гармонизирует взаимно отрицающие и отвечающие друг другу начала – органика жизненного мира торжествует на уровне этих композиционных соотношений. Сознательные композиционные решения романистов XIX в. активно участвуют в формировании и развитии метаповествовательной структуры в пределах романа, делающего своим содержательным и организующим целое центром проблематику внутреннего мира современной личности.

В целом роман XIX в. воспринимается читателем как органичное и как бы непосредственное авторское, органично выстроенное повествование о жизни людей. Писатель находится как бы в одном пространстве с читателем, метаповествовательный уровень организации романа не «выпячивается», не вступает в конфликт с сознанием читателя, он кажется идентичным позиции повествователя, обычно принадлежащего кругу среднего читателя.

Метанаррация – это, однако, совсем другой уровень смысла, философия его мета-позиции, как правило, не проявляется в прямых суждениях, но доступна для восприятия внимательного, мыслящего и образованного читателя, обладающего достаточно большим эстетическим опытом, знанием, что искусство обладает своей автономией в системе культуры и пониманием, что такое форма, умение ее видеть.

Понятие метаповествования продуктивно тем, что ориентирует на анализ сознания героя романа как ряда нарративных структур, образуемых «разноречием» культуры: разноречие не только изображается в романе, но оно, что важнее – живет в сознании героя как «голоса» культуры, в которых отражаются или «высказываются» ценностные установки определенных социально-моральных миров. Но они восходят теперь не к «абсолютам», а к личному, которое, однако, не только личное, но и сформированное социально-историческими традициями и конфликтами культуры. «Повествования», которые создает роман XIX в., говорят, конечно, не об идеологии «великих дел» эпохи модерна, а о нравственных коллизиях героя, требующих решения и поступка, часто порождающего чувство вины, так как он становится отступлением от высших для героя ценностей того и другого порядков культуры. Высшие ценности и ценности конкретной жизни не образуют внутреннее единство классического типа, их конкретная связь коренится не в абсолюте, а в индивидуальной жизненной практике.

Историческая поэтика Самсона Бройтмана, осмысливающая строение художественного образа в неклассической культуре в рамках ситуации «автономной причастности» личности к жизни коллектива, порождающей «поэтику художественной модальности» (Бройтман 2001), указывает на системный характер изменений в литературе. Изучение метаповествовательных аспектов романа XIX в. приводит к пониманию конфликта морально-этических установок в их связи с неоднородностью природы модерна – и это действительно прежде всего нравственный конфликт, он драматичен, но он все же не разрушителен в романном повествовании. Его в значительной мере сглаживает именно метанарративность романа – противоположные ценности здесь в одной плоскости и относятся друг к другу как бы с пониманием: и тем, и другим присуща своя органика, своя укорененность в

бытовой психологии и представлениях реальной «сферы жизненного мира» (Гуссерль 2005) как мира повседневности.

Культура модерна поставила личность в ситуацию выбора, сообщив нравственной проблематике дополнительную остроту: если в традиционалистском обществе моральные принципы были связаны с «абсолютами», заданными библейскими заповедями, и выбор фактически был предрешен – нужно выбирать по слову Божию, то практики модерна культивировали фактически новое представление о свободе как самостоятельной ценности, не привязанной к учению церкви. Конфликт культурных ценностей в сознании человека оказывался моральным вызовом, в конечном итоге невозможным требованием соединить несоединимое. Это вызывало к жизни именно роман, неизбежно незавершенный литературный жанр, толкующий человеческую личность в по-новому широких социально-нравственных контекстах практической жизни. Роман создает метаповествование, позволяющее и обострить, и упорядочить, до известной степени смягчая ситуацию выбора.

Требование абсолютной чистоты выбора в реалистической литературе в значительной мере преодолевается, так как существенно психологизируется. Так, выбор романного героя, например, у моралиста Теккерея оказывается бесприммерно сложно мотивирован. Тут не абстрактные добро и зло, а во многом неопределенное пространство между я и другим/другими, пересечение разнородных жизненных потребностей, желаний, мотивов, возможностей самообмана, опять-таки мотивированных длинными рядами диктата обстоятельств, которыми руководствуется мир, в котором живет человек. Отсюда характерная для романа острота проблемы и этическая непоследовательность, неоднозначность ее решения: поступок персонажа носит часто «уклончиво-компромиссный», «оговорочный» характер. Такова и оценка героя автором-повествователем, способным с недогматичным романским «пониманием» относиться к человеку.

Можно использовать для характеристики этой ситуации очень продуктивное понятие «внутренней меры жанра», которое ввел в литературоведение Н.Д. Тмарченко (Тмарченко 1997); он предложил его, анализируя поэтику русского классического романа в плане проблемы изменчивости и устойчивости жанровой формы. Но речь шла также и об определенном равновесии сил исторического процесса в русской культуре, в том числе как они проявляют себя в русском романе и как «архизирующие» начала, и как силы «исторического творчества». Так или иначе в романе это связано с ценностными ориентирами автора и героя.

Так понятая внутренняя мера романа проявляется в том, что повествование не разрывается

на самостоятельные жанровые структуры-миры и повествовательные жанры, каждый из которых опирается на свои ценности. Противостоящие друг другу миры утверждают свои собственные ценностные основания, но одновременно роман стремится объединить в себе языки разных ценностных систем и соответствующих им жанровых форм, часто становясь на путь относительного и всегда проблематичного примирения отрицающих друг друга ценностных установок. Роман не только выявляет и активно разрабатывает внутреннюю незавершенность героя, но и использует «авторский избыток» для «собрания» героя и его жизненной ситуации, становясь на путь поиска гуманного «нравственного компромисса» (Рымарь 2001) в качестве некоей положительной, обращенной к действительности – к читателю, программы.

Метаповествовательность XIX в. – способ гармонизации картины мира – соотношения в одной плоскости, на уровне формальной организации текста многочисленных историй, форм сознания разных кругов жизни, так что все ценностные позиции соотносятся и перекликаются друг с другом. Так, на уровне тонкой композиционно-формальной выстроенности, не снимая, а уравнивая противоположности, роман XIX в. строит метаповествовательную систему, моделирующую некую целостность. Явление такого уравнивающего все порядка анализирует, например В.М. Маркович, показывая, как в романах Тургенева возникает взаимодействие противоположных энергий романной формы – противоположности «обуздывают друг друга» (Маркович 1971).

Этические практики изображаемого жизненного мира, романная метаповествовательность действительно требуют или разрешения конфликтов, или выработки ценностных отношений, способных в какой-то степени сгладить и интегрировать в некоей общечеловеческой гуманности, не отвергающей человеческого счастья и гармонии личности внутри себя самой. Это характерная для перспективизма романа XIX в. тенденция выработать уважительно-терпимое отношение к слабостям человека и стремление найти гуманное равновесие между человеческими потребностями разного порядка, далекими от крайностей как одного, так и другого идеала – как жесткости религиозной морали, так и жесткости в индивидуалистическом самоутверждении личности. Это чисто романная этика действительно автономной личной причастности, сыгравшая значительную роль в реальной культуре XIX в., не могла не предложить реалистическому роману быть пространством поиска гуманной середины, уравновешенности в этической требовательности к личности.

Этот путь сомнителен, так как в некоторой степени может напоминать восхитительную шиллеровскую утопию «прекрасной души», в которой

все чувственные реакции человека изначально благородны – когда в прекрасной душе гармонически сочетаются чувственность и разум, долг и склонности (Шиллер 1957). В этой неслучайно глубоко противоречивой (Гайденко 1997), утопии можно усмотреть перспективизм поиска преодоления основного конфликта культуры путем обоснования возможности идеала. Это красота грации как естественного движения на нравственной основе (Alt 2000, p. 105). Конечно, роман, как и искусство реализма XIX в. в целом, не может даже приблизиться к этому идеалу, граница метаповествовательной установки – добрая и разумная житейская «середина», к которой, однако, приходят в результате переживания боли, тяжелого осознания своей вины, непоправимости совершенных ошибок.

Такое гармоничное понимание человеческого общежития программно сформулировано Адальбертом Штифтером в предисловии к сборнику его рассказов «Пестрые камешки», в котором писатель противопоставляет «державный» человечество великий «кроткий» нравственный закон (*das sanfte Gesetz*) тому, что в обществе принято считать великим – социальные бури, землетрясения, «мощные порывы души», «страшно разгорающийся гнев», «возбужденный дух, ниспровергающий, изменяющий и разрушающий» и т.д. Штифтер называет великим не эти эксцессы, а «жизнь, исполненную справедливости, простоты, сдерживания самого себя, разумности, деятельности в кругу своего, любви к прекрасному в соединении со спокойной и светлой смертью»: «этот закон есть повсюду, где люди живут рядом с людьми» – «во взаимной любви супругов, в любви родителей к детям, детей к родителям» и т.д. (Штифтер 1967). Речь идет о возможности гармонизации человеческого бытия в практической жизни, причем с сознанием трудностей, которые человек должен для этого преодолеть, часто создавая свой особенный, странный образ жизни. Русские и английские романы XIX в. отличает эта установка на гуманно-терпимое отношение людей друг к другу, что проявляется в малоутешительной или просто скорбной проблематике финалов русских романов, например, в романах «Дворянское гнездо», «Отцы и дети», «Анна Каренина», «Война и мир», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы»; в английских романах, как «Гордость и предубеждение», «Приключения Оливера Твиста», «Домби и сын», «Холодный дом» и др., счастливый, добрый конец есть лишь конец очень тяжелого пути. И в этом сюжетном движении проявляется перспективизм метанаррации романа XIX в.: дух моральной традиции и в конечном итоге гармонии пытается хоть относительно гармонизировать жизнь человека, может быть, успокоить его.

Метанарративность романа эпохи модерна двойственна по природе своей, она коренится в нерешенности проблемы личности, обусловленной

ценностной конфликтностью культуры модерна. Это одна из конститутивных эстетических особенностей романного жанра – поэтика построения произведения, которая зарождалась и постепенно формировалась вместе с развитием социальных и литературных форм культуры неклассического типа, получив первое свое завершение в романе XIX в. Роман проблематизирует границы культуры, и он должен был сформировать свои метаповествовательные структуры, чтобы попытаться осуществить принципиальную задачу искусства, которую не отменило дальнейшее развитие культуры в XX веке – мыслить человека и его мир не как набор отдельных форм существования, а жизнь как целое, как некоторый искомый целостный смысл, в котором человек нуждается. Метанарративная структура не дается читателю как зримая повествовательная структура рассуждения и оценки – она в логике форм построения текста и поэтому как бы надмирна, говорит о смыслах целого, большей частью недоступных для героев романа, но она воспринимается читателем, давая ему пищу для рефлексии. «Примирительный» характер этого опыта в романе XIX в. не гарантирует перспективы гармоничного существования человека, но заставляет осознать проблему в ее глубине. Роман не закончил свое развитие в XIX в., этот жанр затем переживает кризисы, связанные с кризисами языка и отдельных языков культуры, что существенно изменяет характер его метанарративности – роман развивается в контакте с незавершенной действительностью.

Библиографический список

- Alt, P.A. (2000), *Schiller: Leben-Werk- Zeit*, Beck Bd. 2, München, Germany.
- Watt, I. (1957), *The Rise of the Novel. Studies in Defoe, Richardson and Fielding*, University of California Press, Berkeley and Los Angeles, USA.
- Fontane, Th. (1969), Effi Briest. Roman, Romane und Erzählungen, Aufbau-Verlag, Berlin und Weimar, pp. 5–310.
- Jauss, H.R. (1957), Ursprung und Bedeutung der Ich-Form im “Lasarillo de Tormes”, *Romanistisches Jahrbuch*, Hamburg, VIII (1957), pp. 290–311.
- Kayser, W. (1992), *Das sprachliche Kunstwerk Das sprachliche Kunstwerk: Eine Einführung in die Literaturwissenschaft*, Francke.
- Kuhn, B.A. (1994), *La recherche du livre perdu: der Roman auf der Suche nach sich selbst: am Beispiel von Michael Butor; La modification und Alain Robbe-Grillet*, La jalousie Bonn: Romanistischer Verlag, 1994.
- Schlegel, Fr. (1999), *Lucinde. Studienausgabe. Philipp Reclam jun.*, Stuttgart, Germany.
- Staiger, E. (1972), *Die Kunst der Interpretation, Die Kunst der Interpretation, Deutscher Taschenbuch*

Verlag, München, pp. 7–28.

Vietta, S. (2007), *Der europäische Roman der Moderne*, Wilhelm Fink Verlag, München Germany.

Vietta, S. (1992), *Die literarische Moderne. Eine problemgeschichtliche Darstellung der deutschsprachigen Literatur von Hölderlin bis Thomas Bernhard*, J.B.Metzlersche Verlagsbuchhandlung, Stuttgart, Germany.

Vischer, E.Th. (1857), *Aesthetik oder Wissenschaft des Schönen*, Stuttgart, *Abschnitt. Die Dichtkunst*, vol. 2, pp. 1303–1306.

Vogt, J. (2008), *Aspekte erzählender Prosa*, Eine Einführung in Erzähltechnik und Romantheorie, Wilhelm Fink.

Бахтин М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества. Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве // Бахтин М.М. Собрание сочинений Т. 1. Философская эстетика 1820-х годов. Москва: Языки славянской культуры, 2003. С. 314–315.

Бахтин М. Эпос и роман. (О методологии исследования романа) // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва: Худож. лит., 1975. С. 447–483.

Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собрание соч. Т.1. Философская эстетика 1920-годов. Москва, 2003. С. 7–68.

Бочаров С. О композиции «Дон Кихота» // Бочаров С.Г. О художественных мирах. Москва: Советская Россия, 1985. С. 5–34.

Бройтман С.Н. Историческая поэтика. Москва, 2001.

Выготский Л.С. Психология искусства. Издание третье. Москва: Искусство, 1986. 573 с.

Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века. Москва: Республика, 1997. 494 с.

Гарбузинская Ю.Р. Пространственная форма в литературе на примере строения образа и повествования в произведениях О.Э. Мандельштама // Вестник Самарского университета. Гуманитарная серия. 2006, 10/2 (50), С. 16–19.

Гегель Г.В.Ф.. Эстетика. В 4-х т. Том 3. Москва: «Искусство», 1971. 621 с.

Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Гуссерль Э. Избранные работы / Сост. В.А. Куренной. Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 443–450.

Лиотар Ф. Состояние постмодерна. Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. 159 с.

Лукач Г. Теория романа. // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 19–78.

Маркович В.М. Человек в романах Тургенева. Ленинград, 1975. 152 с.

Михайлов А.В. Судьба классического наследия на рубеже XVIII в. –XIX в. // Классика и современность. Москва, 1991.

Пестерев В.А. Модификации романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия. Волгоград, 2021. 335 с.

Рымарь Н.Т. Введение в теорию романа. Воронеж: Воронежский университет, 1989. 254 с.

Рымарь Н.Т. Реалистический роман XIX века: поэтика нравственного компромисса // Поэтика русской литературы. К 70-летию профессора Юрия Владимировича Манна: Сборник статей. Москва: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2001.

Тамарченко Н.Д. Русский классический роман XIX в.: Проблемы поэтики и типологии жанра. Москва, 1997.

Толстой Л.Н. Толстой о литературе. Москва: Гослитиздат, 1955.

Унамуно М. де. Житие Дон Кихота и Санчо по Мигелю де Сервантесу Сааведре. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 2002. 394 с.

Флиер А. Я. Классическая, неклассическая и постнеклассическая культуры: опыт новой типологии [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2017. №3. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/513> (дата обращения: 22.08.2023.). DOI: 10.17805/ ggz.2017.3.3.

Френк Д. Пространственная форма в современной литературе // Зарубежная эстетика и теория литературы. Трактаты. Статьи, эссе / Составление, общая редакция Г.К. Косикова. Москва: Издательство Московского университета, 1987. С. 194–213.

Шиллер Ф. О грации и достоинстве // Шиллер Ф. Собрание сочинений в 7 т. Т. 6. Статьи по эстетике. Москва: Государственное издательство художественной литературы. 1957. С. 115–170.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.1. Гештальты и действительность / Перевод К.А. Свасьяна. Москва: Мысль, 1993. С. 324.

Штифтер А. Предисловие к «Пестрым камушкам» // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т. 3. Москва, 1967. С. 473–478.

References

Alt, P.A. (2000), *Schiller: Leben-Werk- Zeit*, Beck Bd. 2, München, Germany.

Watt, I. (1957), *The Rise of the Novel. Studies in Defoe, Richardson and Fielding*, University of California Press, Berkeley and Los Angeles, USA.

Fontane, Th. (1969), *Effi Briest. Roman, Romane und Erzählungen*, Aufbau-Verlag, *Berlin und Weimar*, pp. 5–310.

Jauss, H.R. (1957), *Ursprung und Bedeutung der Ich-Form im “Lasarillo de Tormes”*, *Romanistisches Jahrbuch*, Hamburg, VIII (1957), pp. 290–311.

Kayser, W. (1992), *Das sprachliche Kunstwerk Das sprachliche Kunstwerk: Eine Einführung in die Literaturwissenschaft*, Francke.

- Kuhn, B.A. (1994), *La recherche du livre perdu: der Roman auf der Suche nach sich selbst: am Beispiel von Michael Butor, La modification und Alain Robbe-Grillet*, La jalousie Bonn: Romanistischer Verlag, 1994.
- Schlegel, Fr. (1999), *Lucinde. Studienausgabe. Philipp Reclam jun.*, Stuttgart, Germany.
- Staiger, E. (1972), Die Kunst der Interpretation, Die Kunst der Interpretation, *Deutscher Taschenbuch Verlag*, München, pp. 7–28.
- Vietta, S. (2007), *Der europäische Roman der Moderne*, Wilhelm Fink Verlag, München Germany.
- Vietta, S. (1992), *Die literarische Moderne. Eine problemgeschichtliche Darstellung der deutschsprachigen Literatur von Hölderlin bis Thomas Bernhard*, J.B.Metzlersche Verlagsbuchhandlung, Stuttgart, Germany.
- Vischer, E.Th. (1857), Aesthetik oder Wissenschaft des Schönen, Stuttgart, *Abschnitt. Die Dichtkunst*, vol. 2, pp. 1303–1306.
- Vogt, J. (2008), *Aspekte erzählender Prosa*, Eine Einführung in Erzähltechnik und Romantheorie, Wilhelm Fink.
- Bakhtin, M. (2003), On the methodology of aesthetics of verbal creativity. The problem of form, content and material in verbal artistic creativity, Collected works, vol. 1, *Philosophical aesthetics of the 1920s., Jazyki slavjanskoj kul'tury*, Moscow, pp. 314–315.
- Bakhtin, M. (1975), Epic and novel. (About the methodology of the research of the novel), Bakhtin M.M. Questions of literature and aesthetics. Studies of different years, *Hudozhestvennaja literatura*, Moscow, pp. 447–483.
- Bakhtin, M.M. (2003), Toward a philosophy of the act., Collected works, vol. 1, *Philosophical aesthetics of the 1920s., Jazyki slavjanskoj kul'tury*, Moscow, pp. 7–68.
- Bocharov, S. (1985), About the composition of "Don Quixote", About artistic worlds, *Sovetskaja Rossija*, Moscow, pp. 5–34.
- Broitman, S.N. (2001), *Historical poetics*, Moscow, Russia.
- Vygotsky, L.S. (1986), *Psychology of art. Third edition*, Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Gaidenko, P.P. (1997), Break through to the transcendent. A new ontology of the twentieth century, *Respublika*, Moscow, pp. 93–104.
- Garbuzinskaya Y.R. (2006), Spatial form in literature on the example of the structure of the image and narrative in the works of O.E. Mandelstam, *Bulletin of Samara University. Humanities series*, vol. 10/2(50), pp. 16–19.
- Hegel, G.W.F. (1971), Aesthetics. In four volumes. Volume 3, *Iskusstvo*, Moscow, Russia.
- Husserl, E. (2005), The crisis of European sciences and transcendental phenomenology, *Husserl E. Selected works, Comp. V.A. Kurennoj*, Izdatel'skij dom «Territorija budushhego», Moscow, pp. 443–450.
- Kemper, D. (2004), *Ineffabile. Goethe und die Individualitätsproblematik der Moderne*, Wilhelm Fink Verlag, München, Germany.
- Lyotard, J.-F. (1998), *The state of postmodernity*, Aleteya, St. Petersburg, Russia.
- Lukács, G. (1994), Theory of the novel, *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 9, pp. 19–78.
- Markovich, V.M. (1971), *The Man in Turgenev's Novels*, Leningrad, USSR.
- Mikhailov, A.V. (1991), *The fate of the classical heritage at the turn of the XVIII century – XIX century*, Classics and modernity, Moscow, Russia.
- Pesterev, V.A. (2021), *Modifications of the novel form in the prose of the West of the second half of the twentieth century*, Volgograd, Russia.
- Rymar, N.T. (1989), *Introduction to the theory of the novel*, Voronezhskij universitet, Voronezh.
- Rymar, N.T. (2001), Realistic novel of the XIX century: poetics of moral compromise, Poetics of Russian literature. To the 70th anniversary of Professor Yuri Vladimirovich Mann: A collection of articles, Izdatel'skij centr Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, Moscow, Russia.
- Tamarchenko, N.D. (1997), *Russian classical novel of the XIX century: problems of poetics and typology of the genre*, Moscow, Russia.
- Tolstoy, L.N. (1955), *Tolstoy about literature*, Goslitizdat, Moscow, Russia.
- Unamuno, M. de. (2002), *The Life of Don Quixote and Sancho by Miguel de Cervantes Saavedra*, Nauka, Leningrad Branch, Leningrad, Russia.
- Flier, A.Ya. (2017), Classical, non-classical and post-non-classical cultures: the experience of a new typology, *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*, no. 3, [Online], available at: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/513> (Accessed 22 August 2023), DOI: <https://doi.org/10.17805/ggz.2017.3.3>.
- Frank, D. (1987), *Spatial form in modern literature, Foreign aesthetics and theory of literature. Treatises. Articles, essays*, Compilation, general edition by G.K.Kosikova, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, pp.194–213.
- Schiller, F. (1957), *On naive and sentimental poetry. Collected works in seven volumes*, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, Moscow, vol. 6, p. 435.
- Schiller, F. (1957), On grace and dignity, Collected works in seven volumes, vol. 6, *Articles on aesthetics*, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, Moscow, pp. 115–170.
- Spengler, O. (1993), The Decline of Europe. Essays on the morphology of World History, vol. 1, *Gestalts and reality*. Translated by K.A.Svasyan, Mysl', Moscow, Russia.
- Stifter, A. (1967), Preface to "Motley pebbles", History of Aesthetics, *Monuments of world aesthetic thought*, vol. 3, pp. 473–478.

Submitted: 08.08.2023

Revised: 10.09.2023

Accepted: 01.10.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-3-59-66

Дата поступления: 08.08.2023
рецензирования: 10.09.2023
принятия: 01.10.2023

Е.А. Нечаева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: ne4aevakaterina@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0427-6576>

Аутентичность высказывания и «работа знаков» в коммуникации «слепоглухонемой – зрячеслышащий» (на материале творчества О.И. Скороходовой)

Аннотация: статья посвящена специфике коммуникации субъектов, один из которых является слепоглухонемым, а другой (другие) – зрячеслышащим(-и). Целью работы является выявление дискурсивных практик и лежащих в их основе семиотических механизмов, обеспечивающих возможность высказывания как такового и определяющих возможность быть понятым Другим. Материалом исследования является творчество О. И. Скороходовой. Показано, что перед субъектом стоят задачи: а) помыслить мир в категориях и формах, доступных для самого этого субъекта и совпадающих с категориями Другого; б) дискурсивно оформить свой опыт; в) сделать его представимым для Другого. Доказано, что единственной приемлемой формой коммуникации оказывается обращение к языку Другого. Доказано, что поэзия становится эпистемологической практикой – опытом восприятия того, что закрыто для органов чувств слепоглухонемого субъекта (если сам предмет не может быть воспринят непосредственно, конструируется опыт его восприятия). Конструирование опыта восприятия происходит не через взаимодействие с самим предметом, а через взаимодействие со словом о нем. Доказано, что подобная коммуникация связана с делегированием зоны восприятия Другому. Выявлено, в каких отношениях находятся знак и «реальность», замещаемая знаком; выделены следующие типы знаков: знаки, искажающие «реальность»; знаки, «путающие реальность»; знаки, не отсылающие к реальности и/или блокирующие реальность; знаки, находящиеся с реальностью в сложных «случайно-ассоциативных» отношениях. Предложена новая модель семиосиса для коммуникации субъектов, один из которых является слепоглухонемым, а другой (другие) – зрячеслышащим(-и). В результате работы выявлены этапы отыскания аутентичного художественного высказывания в подобной коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация; вербальное оформление; дискурсивные практики; знаки; слепоглухонемой субъект.

Цитирование: Нечаева Е.А. Аутентичность высказывания и «работа знаков» в коммуникации «слепоглухонемой – зрячеслышащий» (на материале творчества О.И. Скороходовой) // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 3. С. 59–66. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-59-66>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Нечаева Е.А., 2023 – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

E.A. Nechaeva

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: ne4aevakaterina@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0427-6576>

Statement authenticity and “sign functioning” in communication between “deaf-blind and regular persons” (based on O. Skorokhodova’s works)

Abstract: the article is devoted to the problem of communication between subjects, one of which is deaf-blind person, and «the Other» (others) is (are) sighted-hearing person(s). The aim is to identify discursive

practices and semiotic mechanisms behind them that provide the possibility of communication and determine the possibility of being understood by «the Other» on the example of the work of O. Skorokhodova. It is shown that the subject faces the following issue: a) to contemplate something and to translate it into a categories and forms understandable to the subject himself and matching with the categories of «the Other»; b) discursively formalize your experience; c) make it representable to «the Other». It has been proven that the only acceptable form of communication is an appeal to the language of «the Other». It is proved that poetry becomes an epistemological practice - the experience of perceiving something that is inaccessible to the senses of a deaf-blind subject (if the object itself cannot be perceived directly, the experience of its perception is constructed). The construction of the experience of perception occurs not through interaction with the object itself, but through interaction with the description of the subject. It is proved that communication includes the delegation of the zone of perception to «the Other». A substance of relationship between a sign and a "reality" replaced by the sign was revealed; the following types of signs are distinguished: signs that distort "a reality"; signs that "confuse a reality"; signs that do not refer to a reality and / or block a reality; signs that are in complex "accidental-associative" relations with a reality. A new model of semiosis for communication of subjects, one of which is deaf-blind-mute, and «the Other» (others) is (are) sighted-hearing(s), is proposed. As a result of the work, the stages of search ways of authentic communication are revealed.

Key words: communication; verbal presentation; discursive practices; signs; deaf-blind subject.

Citation: Nechaeva, E.A. (2023), Statement authenticity and "sign functioning" in communication between "deaf-blind and regular persons" (based on O. Skorokhodova's works), *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 3, pp. 59–66, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-59-66>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Nechaeva E.A., 2023 – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of Russian and foreign literature and PR, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (st.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Творчество слепоглухонемых или слепоглухих писателей (таких как, например, Хелен Келлер), как правило, не привлекает внимание исследователей-литературоведов; в крайнем случае весь корпус текстов становится материалом для публицистических размышлений о силе человеческого духа, выводящих произведения этих авторов из предметной области науки.

Работы О.И. Скороходовой (достижения которой часто сопоставляются с достижениями Хелен Келлер) известны психологам, педагогам и педагогам-дефектологам, но мало известны литературоведам, несмотря на то что О. Скороходова не только автор трилогии «Слишком темно и невыносимо тихо...», разнообразных очерков и эссе, но и поэтесса. Трилогия «Слишком темно и невыносимо тихо: воспоминания слепоглухонемой: как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир», ставшая материалом исследования, – это автобиография, однако в рамках данного исследования нас интересуют не теоретические проблемы т.н. автобиографического дискурса или проблемы автора /героя, документального/фикционального (мы исходим из допущения, что эти проблемы вполне могут быть решены на материале автобиографий других авторов), а сам способ дискурсивного оформления жизни и опыта субъекта, для которого большинство конвенциональных форм оказывается «закрытыми». В частности, нас интересуют дискурсивные практики и

лежащие в их основе семиотические механизмы, обеспечивающие возможность высказывания как такового и определяющие возможность быть понятым Другим.

По Л.М. Веккеру, работу мысли обеспечивают три языка (три модуса) переработки информации – знаково-словесный, образно-пространственный и тактильно-кинестетический. Веккер указывает, что мышление «...представляет собой процесс непрерывно совершающегося перевода информации с собственно психологического языка пространственно-предметных структур ... то есть с языка образов, на психолингвистический, символически-операторный язык, представленный речевыми сигналами» (Веккер 1976, с. 134). Не вызывает при этом сомнений, что «...для слепоглухонемых лиц ведущим "языком" будет тактильно-кинестетический» (Потылицына 2006).

Однако «итоговый» вербально выраженный опыт – это так или иначе «игра по правилам» Другого. Как пишет Н.Т. Рымарь, «сложность проблемы аутентичности высказывания заключается как раз в том, что прямой, простой непосредственности высказывания на самом деле быть не может, так как всякое высказывание, всякое изображение являются коммуникативным актом и опосредованы каким-то медиумом, что предполагает, с одной стороны, использование общепонятных слов, форм выражения, конвенциональных изобразительных средств, сигналов – знаков, с другой стороны – «другого», который способен или не спосо-

бен прочитат и понять данные знаки так, как это мыслилось автором высказывания (Рымарь 2013, с. 16). В случае коммуникации слепоглухонемого и зрячеслышащего (эстетической коммуникации слепоглухонемого писателя и зрячеслышащего читателя / бытовой коммуникации субъектов, один из которых является слепоглухонемым) оба модуса представляются затруднительными. Что если возможности оперировать знаками (как и сами эти знаки) у слепоглухонемого писателя и слышащего и видящего читателя принципиально различны?

Априори кажется, что для субъекта, обладающего такими особенностями (у слепоглухонемого писателя), мир не представим или по крайней мере не выразим в формах, доступных для Другого, и наоборот. Кажется, что коммуникация «закрыта» и возможности аутентичного выражения опыта (и выражения в формах, доступных Другому) отсутствуют, только лишь потому, что слепоглухонемой писатель и «нормативный» читатель говорят «как бы на разных языках». Однако коммуникация абсолютно необходима, чтобы само это «Я» могло возникнуть *per se*; нахождение «вне коммуникации» – нахождение в небытии (ср: у Ж.-Л. Нанси: «Язык – это не инструмент коммуникации и коммуникация не инструмент для бытия, но, совершенно точно, коммуникация есть бытие» (Нанси 2004, с. 145)).

Постановка проблемы

В трилогии «Слишком темно и невыносимо тихо» субъект многократно отмечает вынужденную «игру на чужом поле» – необходимость говорить с Другим языком Другого, чуждым самому этому «Я»: «Ведь одно дело – ощутить, воспринять, "осмотреть" руками предмет, это не так сложно. Гораздо труднее описать этот предмет своими словами совершенно так, как я его воспринимаю, т. е. дать образ этого предмета. Когда слепые и глухонемые описывают свои ощущения, восприятия, представления *языком зрячих (здесь и далее выделено мною – Е.Н.)*, то надо всегда помнить, что ощущают они иными органами чувств, хотя описывают их словами зрячих и слышащих. Когда зрячий человек видит издали корову, он говорит: "Гляжу я на нее, а она рыжая, вся в белых пятнах, у нее большие красивые глаза..." О той же корове слепой будет говорить теми же словами, как и зрячий, но, если он станет описывать непосредственные ощущения и восприятия, то скажет: "Я осмотрел руками эту корову, у нее шерсть гладкая, мягкая, я ощупал ее ноги, голову, нашел на голове рога, которые показались мне на ощупь такими твердыми". А что может сказать глухой человек об игре на рояле? Только одно: "Я держал руки на крышке рояля и ощущал вибрации того, что слышащие называют звуками..."» (Скороходова 2019, с. 37).

Отвечая на возможные упреки воображаемого имплицитного читателя, О. Скороходова пишет: «Пусть эти люди *сами* попробуют рассказать о себе правдиво, откровенно, художественно в литературном отношении» (Скороходова 2019, с. 37). Таким образом, требование аутентичности (в формуле «откровенно и правдиво» мы видим именно призыв к подлинному выражению опыта, к его аутентичному выражению и аутентичному слову) звучит в тексте как вызов, как задача, требующая решения.

В приведенной выше цитате сразу обращает на себя внимание вынужденное для субъекта говорение «языком зрячих». «Коммуникативная опасность», таким образом, поджидает субъекта с двух сторон: ощущать, но «ощущать иначе и пользоваться языком Другого» или смириться с тем, что мир не открывает себя в таких формах (в данном случае – звуках), которые для «Я» представимы и потому вербализуемы.

Трилогия содержит множество примеров, демонстрирующих осознание субъектом того факта, что единственно приемлемой формой коммуникации оказывается обращение к языку Другого. Приведем лишь некоторые наиболее репрезентативные: «Многих зрячих чрезвычайно интересует вопрос: могу ли я представить тот или иной цвет? Некоторые даже спрашивали: нельзя ли с помощью осязания различать цвета? На оба эти вопроса я отвечаю: "Конечно, нет". Но поскольку я *пользуюсь языком зрячих*, то о различных цветах и их оттенках говорю теми же словами, какими *принято* о них говорить» (Скороходова 2019, с. 162). Другой вынуждает обращаться к «нулевому опыту» – опыту, которого у субъекта не было (в данном случае – опыт восприятия цвета), но теоретически потенциально он мог бы быть (если бы субъект был видящим). Субъект – что совершенно очевидно – осознает, что цвета существуют и могут быть восприняты и помыслены, но способы репрезентации мира «заточены» для тех, кто слышать и видеть может: «Итак, я повторяю, что мне приходится пользоваться на каждом шагу языком зрячих и слышащих людей. Ведь *не существует же отдельного языка* для слепых и глухонемых» (Скороходова 2019, с. 173).

Чуждость «языку Другого» при «нулевом опыте» О. Скороходова называет «подражанием» (языку Другого): «В *подражание* зрячим я пытаюсь вызвать в своем уме представление о луне как о большой лампаде, но странное дело – луна вовсе не кажется мне подвешенной на цепочках лампадой» (Скороходова 2019, с. 173).

Ход исследования

Обращает на себя внимание то, что в стихотворениях О. Скороходова преимущественно пишет о том, что не доступно слепоглухонемому человеку (по крайней мере в той форме, в какой эти явле-

ния доступны зрячим и слышащим людям): о молнии, луне, звездах и т.д.: «Их [звезд, комм. мой – Е.Н.] расстояние от земли я не представляю, но если пишу в своих стихах о звездах, то пользуюсь языком зрячих людей, да иначе и быть не может» (Скороходова 2019, с.173).

Ряд исследователей (Потылицына 2006; Баксанский 2002) объясняет активное обращение слепоглухонемых субъектов к тем образам, которые не могут быть им «доступны» непосредственно, тем, что «в сознании индивида образ ситуации тяготеет к завершенности, целостности». Поэтому при недостатке информации, необходимой для понимания того или иного явления окружающего мира, начинает действовать принцип заполнения пробелов, т. е. «потребность "достраивать" перцептивную ситуацию, вводя в нее актуально отсутствующие, но субъективно необходимые элементы в соответствии с собственным пониманием данной ситуации <...> И, как представляется, при постоянном ограничении доступа информации люди с недостатками развития могут даже оказаться в ситуации "информационного вакуума", когда им просто нечем заполнить пробел в своих представлениях об окружающем мире, так как в их сознании отсутствуют необходимые для этого образы. В первую очередь это касается людей с глубокими нарушениями зрения и слуха» (Потылицына 2006, с.206). На наш взгляд, стихи (поэзия в целом) становятся в этом случае некой эпистемологической практикой – опытом восприятия того, что закрыто для ее органов чувств. Сам предмет не может быть воспринят непосредственно, но может быть сконструирован опыт его восприятия. Конструирование опыта восприятия, естественно, происходит не через взаимодействие с самим предметом, а через взаимодействие со словом о нем. Это предположение подтверждается тем, что рассуждения о тех явлениях, которые недоступны этому субъекту (например, о явлениях природы), часто сопровождаются включением текстов, прямо или косвенно связанных с упоминаемым предметом: так, описывая грозу, О. Скороходова упоминает драму Островского и прочитанное ею описание грозы в июле, когда был убит Лермонтов.

В связи с этим возникает вопрос о том, в каких отношениях находятся знак и «реальность», замещаемая знаком, коль скоро «взаимодействие» происходит не с предметами, а со словами о предметах. В этом смысле выявляется абсолютно уникальный, на наш взгляд, семиосис.

В заметке «Экскурсия в Зоологическом музее» описывается такое воспоминание: О. Скороходова трогала («осматривала руками») чучело лисы, которую она узнала по «описанию в литературе». Важно подчеркнуть, что прежде с «реальной», эмпирической, лисой она не взаимодействовала, но читала описание в текстах (включая сказки).

Аналогичным образом описывается знакомство с «репрезентируемым» песцом: «В Зоологическом музее мне впервые показали чучело песка. Л. И. ничего мне не сказала, а просто положила мою руку на какое-то чучело. Оно было чрезвычайно приятное для осязания. Густая шелковистая шерсть и форма головы <...> напомнили мне описания песцов в литературе. "Это песец", – сказала я уверенно» (Скороходова 2019, с.149).

Сходен по структуре, но более сложен другой пример: «Я осматривала небольшую статую Дон Кихота. На лице у этого всем известного героя я обнаружила острую бородку. Я моментально вспомнила описание из книг такой бородки и сказала: "У него эспаньолка. Хотя я никогда не видела мужчин с бородкой под этим названием". "Именно, эспаньолка", – ответила Ч». (Скороходова 2019, с. 49). «Уникальность» такой работы знаков, на наш взгляд, заключается в том, что во всех этих случаях (а также в тех многочисленных фрагментах, которые не были процитированы, – например, описание осмотра костей и зубов мамонта в музее) основой познания реальности становится не узнавание, в котором реальность первична по отношению к изображаемому (опыт «узнавания реальности в знаке»), а другой процесс: одна репрезентация, дополняя другую, позволяет конструировать реальность (т.е. первичность знака). Описание в художественном тексте бородки героя Сервантеса (репрезентация 1, причем репрезентация, в которой, по-видимому, образ целого доминирует над образом части – эспаньолки), накладываясь на репрезентацию 2 – статую, – моделирует опыт познания самой этой бороды, хотя знакомство с ней (несмотря на то что такая эспаньолка вполне доступна для «тактильного зрения») не предшествовало работе с репрезентациями.

Еще более сложный семиосис обнаруживается в описании посещения героиней картинной галереи. Если скульптура доступна «тактильному зрению» и при всей сложности работы со знаками обеспечивает коммуникантам «общность дискурсивного поля», а субъекту – опыт узнавания реальности в ее репрезентации, то изображенное на картине, казалось бы, должно становиться «нулевым опытом». Посещение картинной галереи, таким образом, сопрягается с другим «семиотическим» затруднением: для восприятия картины необходимо, чтобы кто-то зрящий, сопровождающий героиню, дактилологией (движение-касание пальцев и всей руки, воспроизводящее орфографическую запись слова, при этом связь движения руки и «внешняя форма», геометрия, буквы не всегда мотивированы) описал ей изображенное на полотне. При этом в строгом смысле «дактилология не является языком и точно следует за грамматическим строем национального языка» (Сироткин, Смирнова 2006, с. 46).

Подобный экфрасис особенно затруднен, так как, во-первых, представляет собой «перевод» из одной знаковой формы в другую и, во-вторых, полностью опосредован Другим. Делегирование зоны восприятия Другому, с точки зрения нарративных структур, не имеет преимуществ, так как получившиеся дискурсивные схемы целиком принадлежат Другому: происходит отчуждение от опыта «Я» на нескольких уровнях: «Я» воспринимает только то и только так, как воспринимает Другой, и оба они – возвращаясь к традиционной проблеме – опосредованы конвенциональными языковыми практиками – необходимостью «конвертировать» восприятие в слово, которое предзадано, культурно и социально обусловлено, входит в поле Других и которое при этом нуждается в переводе в иную знаковую (дактильная речь) систему.

Делегировано Другому и восприятие музыки: «М. Н. переводила мне текст песен и романсов, а за другую руку меня держал С. А. и движениями своей руки передавал мне ритм музыки. Конечно, настоящей мелодии я не представляла, но ритм музыки соответствовал ритму стихов, и уже одно это доставляло мне большое удовольствие. Вероятно, С. А. это понял, потому что, как потом мне сообщила М. Н., у него был торжествующий вид человека, совершившего большое дело и гордящегося им. Конечно, ему было приятно сознавать, что он, как умел, передавал мне то, чего я никогда не услышу. На следующий день после концерта я двигалась по своей комнате соответственно тому ритму, который воспринимала через руку» (Скороходова 2019, с. 199), (Skorokhodova 2019, p. 199). Примечательно то, что ритм музыки как бы переходит в ритм жизни, понятый буквально. Аналогично делегируется Другому и зона восприятия кино и танца.

Другим обусловлен выбор цвета костюма, который героиня наденет, другой (обобщенный Другой) моделирует представление о том, что прекрасно и что безобразно (Скороходова 2019). Другой включается в процесс т.н. «жизненного аутсорсинга» (термин С.А. Смирнова) – процесс системной передачи «человеком своих привычных функций и работ другим» (Смирнов 2016, с. 5) – другим субъектам (и/или техническим устройствам). «<...> Мы видим и слышим глазами и ушами всех наших друзей, всех людей, всего рода человеческого», – ответил на вопрос о самой возможности видеть и слышать А. Суворов, участник т.н. Загорского эксперимента и воспитанник Э.В. Ильенкова.

Полученные результаты и выводы

Таким образом, с помощью Другого, которому делегируется ответственность за интерпретацию знака, настраивается общность коммуникативного поля, к которому, так или иначе, принадлежат

оба субъекта. Но может ли это обеспечить аутентичность высказывания и, следовательно, в каких отношениях находятся субъективно переживаемая реальность и «полученные от Другого» знаковые системы? В рамках этой статьи мы выделим лишь несколько типов отношений «реальности» и «знака», оставляя в стороне вопрос о тех категориях, с помощью которых происходит схватывание реальности.

Знаки, искажающие «реальность». Недоступные для восприятия феномены и доступные для восприятия репрезентации еще более обнаруживают свою нетождественность в текстах слепоглухонемых субъектов: «Конечно, из книг по астрономии мне известно, что такое звезды, но зрительно я не представляю их форму и величину, т. е. не представляю такими, какими их видят зрячие. Конечно, я не раз видела вышитые на чем-нибудь звездочки, видела значки-звездочки и т. д. Настоящие звезды кажутся мне очень похожими на них» (Скороходова 2019, с. 172). Традиционное пятиконечное символическое изображение звезды (за скобками мы оставляем два очевидных утверждения о том, что, безусловно, модель такого типа всегда является упрощающей и может быть интерпретирована как искажающая, и о том, что это зрячие обмануты своим органами чувств, заставляющими видеть свет как «луч», «вершину» или «острие звезды» – пятиконечной, семиконечной и т.д.), безусловно, не совпадает с описанием звезды в учебнике астрономии; в прошлых примерах, напомним, репрезентация способствовала узнаванию и/или конструированию реальности, но для тех феноменов, которые недоступны «тактильному зрению», наличие репрезентации хоть и делает предметы хоть сколько-нибудь доступными для осознания, оказывается исключительно искажающим.

Едва ли не более «искажающей» оказывается репрезентация подобных феноменов в художественной литературе: «А бывает и так, что я вдруг вспоминаю слова Евгения Онегина об Ольге: "Кругла, красна лицом она, как эта глупая луна", и тогда луна представляется мне женским лицом с лукаво-кокетливой улыбкой» (Скороходова 2019, с. 174). Сравнение и/или уподобление улыбки, которая доступна «тактильному зрению», луне создает ощущение их тождественности, что автоматически заставляет субъекта воспринимать недоступное (луну) через репрезентацию доступного (лицо-луна).

Знаки, «путающие реальность»

В то время, как объекты реальности (например, предметы быта) не находятся в прямых иерархических отношениях, «слова о реальности» в таковых находятся. «Языковая логика» очевидно расходится с «тактильной логикой»: сорочку и чулки требуется называть бельем, хотя первые два пред-

мета гардероба вполне доступны «тактильному зрению», в то время как третья («белье») нет (по крайней мере оно в этом случае совпадает с первыми двумя), при том что шапка, шарф и пальто к таковым не относятся, а вместе они объединяются словом «одежда»: «Я была в большом затруднении, не понимая разницы между словами "белье" и "одежда"» (Скороходова 2019, с. 260).

Гиперо-гипонимические связи оказываются контринтуитивными по отношению к тактильной, а не языковой логике мира: «Педагог говорил мне: "Пойдем на рынок за ягодами", "пойдем на рынок за фруктами". Но на рынке оказывалось, что педагог покупал вовсе не ягоды, а клубнику, или крыжовник, или малину; не фрукты, а абрикосы, груши, яблоки. Мне нелегко было понять, что самые разнообразные, непохожие друг на друга вещи нужно назвать одним словом – продукты. Конфеты ничем не напоминали фасоль, горох или какую-нибудь крупу; крупа ничем не напоминала сливочное масло, а масло ничем не напоминало мясо. Отвлеченное же понятие продукты вообще нельзя было ни ощущать (по запаху), ни осязать, ибо это было слово, обозначающее название многих вещей. (Скороходова 2019, с. 272). Можно предположить, что освоение таких гиперо-гипонимических групп составляет трудную задачу для любого человека в определенном возрасте (дети часто могут путать эти слова), но, очевидно, человеку, для которого тактильный способ освоения мира является ведущим, справиться с замысловатой игрой знаков еще труднее.

То же касается метонимических связей и метонимической логики: «По моим тогдашним понятиям, те вещи, которые стояли в спальне, нельзя называть мебелью, а следует называть вообще спальней, потому что они стояли в спальне; те вещи, которые стояли в столовой, надо называть столовой; а все то, что находилось в кухне, считается кухней. Некоторое время я, по-видимому, понимала так: в спальне стоит спальня, в столовой стоит столовая, а в кухне находится кухня» (Скороходова 2019, с. 262).

Знаки, не отсылающие к реальности и/или блокирующие реальность

Абсолютно очевидно, что знаки, не отсылающие к реальности, могут остаться в воспринимающем сознании только знаками: «Такие слова, как "горизонт", "даль", "перспектива", для меня лишь словесные образы, и не более того (Скороходова 2019, с. 211). Более значимым является другой пример – ситуация, когда знаки, не отсылающие к реальности, заставляют сомневаться в самом существовании реальности.

Описывая ощущения, испытанные ею в качестве пациента, во время операции под местной анестезией, О. Скороходова упоминает многочисленные хирургические инструменты: «Конечно, я знала,

что в руках хирурга инструменты, и если бы я видела их глазами или осмотрела руками, то, наверное, почувствовала некоторый страх, но я их не видела, не осматривала, а лишь знала о них. Поэтому они не казались мне чем-то реальным – не имели ни формы, ни размера, а мелькали перед моим умственным взором только как отображение этих инструментов. Например, я не могла представить их металлическими, холодными, гладкими, острыми и т. д. Я просто знала о них, просто у меня был словесный образ – и все» (Скороходова 2019, с. 188–189). Логичным было бы предположить, что в такой ситуации человеку свойственно бояться того, чего он не знает и не видел, – страшных инструментов хирурга, которые в его сознании, не имеющем возможности воспринимать предмет непосредственно, больше похожи на орудия пыток, чем на нож для бумаги или, например, нож для масла. В данном случае все парадоксально сработало наоборот: слова, не отсылающие к «знакомой реальности», не возрождают в сознании предметы, обладающие плотью: и слово, и предмет кажутся субъекту нереальными или ирреальными.

Знаки, находящиеся с реальностью в сложных «случайно-ассоциативных» отношениях

Скороходова отмечает: «С самого начала слово "мимикрия" почему-то напоминало мне большую жирную гусеницу; <...> в моем представлении мимикрия похожа на Лису Патрикеевну, а также вызывает в памяти рассказ Чехова "Хамелеон"» (Скороходова 2019, с. 216). Явления, недоступные «тактильному зрению» непосредственно, таким образом, произвольно увязываются с другими денотатами, образуя случайные, «ситуативные» связи.

Требование «своего» слова. В одной из автобиографических записей О. Скороходова вспоминает, как, будучи старательной ученицей, не только хорошо понимала содержания заданного на дом урока, но и выучивала параграфы по истории, географии и другим предметам наизусть: «Я предполагала, что мои учителя будут этому рады, похвалят меня за то, что я так хорошо выучиваю уроки» (Скороходова 2019, с. 314). Учителя, однако, не хвалили ее: для них неумение (или нежелание) передавать выученное своими словами свидетельствовало о непонимании материала. «Однако как же я могла так много объяснять своими словами, если мне легче было рассказать выученный наизусть текст, чем припоминать выученные слова и фразы и считать их своими словами? Эти слова и фразы я не всегда быстро припоминала, не всегда правильно применяла их в смысловом значении. Но если я заучивала текст, мне казалось, что я понимаю и слова, и содержание» (Скороходова 2019, с. 314). Это фрагмент можно считать одной из первых попыток постановки проблемы «свое слово»/«чужое слово».

Особенно значимой представляется заметка «Как я училась писать письма»: в ней приводится первое письмо, написанное О. Скороходовой и адресованное ее незрячей подруге. В этом фрагменте субъект как бы дублирует тот путь, по которому шел XX век, ставя проблему аутентичности высказывания и предлагая возможные пути ее решения: «Мне казалось, что, находясь от меня далеко, подруга не поймет того, что я ей хочу написать. Я буквально мучилась, когда хотела писать письмо: какие же слова нужно писать для того, чтобы мои подруги или знакомые поняли то, о чем я думаю? Какими словами начинать письмо? Как кончать писать письмо? Нужно ли *придумывать свои новые слова и фразы* или же писать в письмах такие же слова, такие же фразы, какие пишут друзья в письмах ко мне?» (Скороходова 2019, с. 323).

Тот, для кого письменная, «вторичная», форма коммуникации является еще более непривычной и/или чуждой в силу ее контринтуитивности по сравнению с возможностью тактильно и непосредственно взаимодействовать как с объектом, так и с другим субъектом коммуникации, ощущает, по-видимому, еще острее проблему возможного несовпадения *написанного слова* и того опыта, который этим словом необходимо передать. Примечательно то, что одно из возможных решений («придумывать свои новые слова и фразы») дублирует решение, предложенное литературным авангардом. В приведенной цитате стремление придумывать «новые слова и фразы» явно связывается со стремлением к некоей «подлинной» и доступной Другому передаче того, о чем «думает» пишущий. Вариантов, таким образом, два: обращение к конвенциональным моделям коммуникации («такие же фразы, какие пишут друзья») или «авангардный» путь изобретения собственного языка.

Получившееся письмо, на наш взгляд, обнаруживает стремление «пробиться к Другому»: «Здравствуй, Феничка! Феничка, я Ваше письмо получила. Феничка, я тоже хочу написать Вам письмо. Феничка, как Вы живете? Я живу хорошо. Феничка, со мной занимаются педагоги и Соколянский. <...> Феничка, любите и не забывайте меня. Милая Феничка, целую Вас и с этим до свидания» (Скороходова 2019, с. 323). Комментируя полученный текст, адресант поясняет свою стратегию: «Мне казалось, что эта девушка ничего не поймет, если я не буду начинать каждую фразу обращением к ней по имени. <...> Когда я писала это письмо, мне становилось даже скучно от того, что я так часто употребляла имя девушки, но если я писала фразу без имени, то начинала очень волноваться, полагая, что Феничке все будет непонятно» (Скороходова 2019, с. 324). Аутентичность высказывания, таким образом, связана здесь со стремлением зафиксировать саму подлинность коммуникации:

«я обращаюсь к Тебе, пишу Тебе», следствием и симптомом чего и является избыточное, на первый взгляд, повторение имени адресата.

Логичным продолжением отыскания аутентичного слова становится обращение не просто к конвенциональным – привычным и потому «автоматическим» – дискурсивным схемам, а к дискурсивным схемам классической литературы. «В дальнейшем я стала обращать внимание на форму и стиль тех писем, которые мне присылали подруги и товарищи, уезжавшие домой на каникулы. Когда же я начала систематически читать книги, то, конечно, обращала внимание на то, как написаны письма в книгах. С целью изучения стиля писем я несколько раз прочитала небольшой роман Достоевского "Бедные люди", пользуясь тем, что эта книга имела по Брайлю в библиотеке школы. Пользовалась я образцами писем и из других книг, а потом писала своим подругам, подражая этим образцам: "...Драгоценная моя Ниночка, друг мой сердечный...", "...Моя возлюбленная подруга Тонечка! Как страстно я жажду встретиться с тобой... Пламенно обнимаю тебя и много, премного раз целую..." В действительности я не любила ни пламенных объятий, ни многочисленных поцелуев, но писала об этом в письмах потому, что так было написано в книгах... Проходили годы, и я, наконец, научилась писать письма по-своему, зная, что мои друзья поймут их» (Скороходова 2019, с. 324). Здесь непосредственные желания и привычки субъекта находятся в очевидном диссонансе с тем их дискурсивным оформлением, на который пишущий субъект опирается.

Таким образом, перед субъектом стоит задача а) помыслить мир в категориях и формах, доступных для самого этого субъекта и – по возможности – совпадающих с категориями Другого, б) дискурсивно оформить свой опыт и в) сделать его представимым для Другого. Подобная коммуникация связана с делегированием зоны восприятия Другому: с помощью Другого, которому делегируется ответственность за интерпретацию знака, настраивается общность коммуникативного поля, к которому, так или иначе, принадлежат оба субъекта.

Источники фактического материала

Скороходова О.И. Слишком темно и невыносимо тихо. Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир. Москва: Родина, 2019. 432 с.

Библиографический список

Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Современный когнитивный подход к категории «образ мира» // Вопр. философии. 2002. № 8. С. 52–69.

Веккер Л.М. Мышление и интеллект // Психические процессы. В 2-х томах. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1976. Т. 2. 342 с.

Ильенков Э.В. Философия и культура. Москва: Политиздат, 1991. 464 с.

Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное / Пер. с фр. В.В. Фуре, под ред. Т. В. Щитцовой. Мн.: Логвинов, 2004. 272 с.

Потылицына Л.А. Особенности построения образа мира у слепоглухонемых лиц // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М.Ф. Решетнева, 2006. Вып. 5 (12). С. 206–211.

Рымарь Н.Т. Проблема аутентичности художественного высказывания в ситуации кризиса языка в XX в.: Учеб. пособие по курсу истории зарубежной литературы XX века для студентов филологического факультета. Самара: Самарский государственный университет, 2013. 53 с. URL: <http://media.samsu.ru/lectures/philol/rimar/index.html> (дата обращения: 26.12.2023).

Сироткин С.А., Смирнова О.И. Этика взаимоотношений и общения со слепоглухими: метод. пособие. Москва, 2006. 86 с.

Смирнов С.А. Умное тело или проблема формирования человеческой телесности в ситуации жизненного аутсорсинга. Часть 1 // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 4–13.

Vekker, L.M. (1976), Thinking and Intelligence, *Psikhicheskie protsessy = Mental processes*, vol. 2, Publ. Leningradskogo Universiteta, Leningrad, USSR.

Il'nikov, E.V. (1991), *The philosophy and culture*, Politizdat, Moscow, Russia.

Nancy, Jean-Luc (2004), *Being Singular Plural*, Logvinov.

Potylitsina, L.A. (2006), The peculiarities of the world outlook forming of blind-and-deaf people, *Vestnik of SibGAU [Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta im. akademika M. F. Reshetneva]*, vol. 5 (12), pp. 206–211.

Rymar, N.T. (2013), *The problem of the authenticity of artistic expression in the situation of the language crisis in the twentieth century*, Textbook for the course of the history of foreign literature of the twentieth century for students of the Faculty of Philology, Samara State University, Samara, 2013, [Online], available at: <http://media.samsu.ru/lectures/philol/rimar/index.html> (Accessed 26 Dec 2023).

Sirotkin, S.A. and Smirnova, O.I. (2006), *Ethics of restriction and communication with deaf-blindness: guide*, Moscow, Russia

Smirnov, S.A. (2016), Smart body or the problem of human corporeality development in the context of outsourced life. Part 1, *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-historical psychology*, vol. 12, no. 1, pp. 4–13, (In Russ., abstr. in Engl.).

References

Baksansky, O.E., Kucher, E.N. (2002), Modern cognitive approach to the category "image of the world", *Vopr. Philosophy*, vol. 8, pp. 52–69.

Submitted: 08.08.2023

Revised: 10.09.2023

Accepted: 01.10.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.422

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-3-67-76

Дата поступления: 01.07.2023
рецензирования: 23.08.2023
принятия: 29.09.2023

С.В. Егорова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Svetego@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5596-3854>

Социальный контракт как тренд трансформации государственной социальной поддержки малоимущих граждан: тенденции и риски

Аннотация: статья посвящена вопросу внедрения в практику государственной социальной поддержки малоимущих граждан социальных контрактов. Автор рассматривает социальный контракт в качестве тренда институциональной трансформации государственной социальной поддержки и инструмента снижения уровня бедности. Основная цель анализа – показать, какие существуют тенденции в процессе реализации данной меры государственной социальной поддержки, способные привести к риску нецелевого расходования средств, выделенных на решение задачи по снижению уровня бедности в стране и в самарском регионе. В статье отражены результаты социологического исследования с участием специалистов органов социальной защиты населения и анализа нормативно-законодательных актов. Эмпирическими методами исследования выступили глубинное интервью со специалистами Комплексных центров социального обслуживания населения Самарской области и традиционный анализ документов, в качестве которых привлекались федеральные и региональные законодательные акты, регламентирующие процесс оказания государственной социальной поддержки малоимущих граждан на основании социального контракта. В ходе анализа данных автором были разработаны эмпирические классификации типов заявителей на социальный контракт; определен приоритетный выбор направлений социального контракта получателями социальных услуг и специалистами; выделены основные тенденции и риски в реализации социальных контрактов на территории самарского региона. По результатам проведенного исследования автором сформулированы рекомендации по совершенствованию процесса реализации социальных контрактов с малоимущими гражданами.

Ключевые слова: бедность; малоимущие граждане; государственная социальная поддержка малоимущих граждан; трансформация; тренд; социальный контракт.

Цитирование: Егорова С.В. Социальный контракт как тренд трансформации государственной социальной поддержки малоимущих граждан: тенденции и риски // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 3. С. 67–76. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-67-76>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Егорова С.В., 2023 – кандидат социологических наук, доцент, декан социологического факультета, заведующий кафедрой методологии социологических и маркетинговых исследований, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

S.V. Egorova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: Svetego@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5596-3854>

The social contract as a trend of transforming the low-income state social support: trends and risks

Abstract: the article is devoted to the issue of introducing social contracts into the practice of state social support for low-income citizens. The author considers the social contract as a trend of the state social support institutional transformation and a tool for reducing poverty. The main purpose of the analysis is to show the existing trends in the process of implementing the state social support that can lead to the risk of misapp-

priation of funds allocated for reducing poverty in the country and in the Samara region. The article reflects the results of the sociological study with the participation of specialists from the population social protection bodies and the analysis of regulatory and legislative acts. Empirical research methods were in-depth interviews with specialists from the Complex Social Service Centers for the Samara region population and the traditional analysis of documents, including federal and regional legislative acts regulating the process of providing the state social support to low-income citizens on the basis of the social contract. In the course of data analysis, the author developed the empirical classifications of the types of social contract applicants; the social contract priorities for the social service recipients and specialists are determined; distinguished the main trends and risks in the social contract implementation in the Samara region. Based on the results of the study, the author formulated recommendations for improving the process of implementing social contracts for the low-income citizens.

Key words: poverty; low-income citizens; state social support for low-income citizens; transformation; trend; social contract.

Citation: Egorova, S.V. (2023), The social contract as a trend of transforming the low-income state social support: trends and risks, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 3, pp. 67–76, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-67-76>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Egorova S.V., 2023 – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Methodology of Sociological and Marketing Research, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (st.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Повышение благосостояния граждан и снижение уровня бедности продолжают оставаться ключевыми направлениями социальной политики современной России. Важнейшей задачей в этой связи выступает обеспечение устойчивого роста доходов населения и достижение к 2030 году снижения уровня бедности в стране в два раза (О национальных целях развития РФ 2020). Обозначенная задача актуализирует необходимость поиска наиболее оптимальных путей и инструментов снижения уровня бедности в Российской Федерации.

Поиск эффективных способов снижения уровня бедности все чаще связывают с государственной социальной поддержкой и ее трансформацией (Об утверждении государственной программы 2022), одним из трендов которой выступает социальный контракт с малоимущими гражданами. Заключив соглашение с органом социальной защиты населения, малоимущий гражданин реализует мероприятия, предусмотренные программой социальной адаптации, стимулирующие его к активным действиям по улучшению своего материального положения. Активизация ресурсов по выбору индивидуальной траектории действий малоимущим гражданином направлена на самообеспечение и самостоятельный выход из трудной жизненной ситуации.

Цель данной статьи – проанализировать тенденции и риски социальных контрактов как тренда трансформации государственной социальной поддержки малоимущих граждан. В статье отражены результаты социологического исследования с участием специалистов органов социальной защиты

населения, анализа нормативно-законодательных актов федерального и регионального уровней, а также данные исследовательских проектов автора, проводимые ранее по данной проблематике.

Теоретические и нормативно-организационные рамки исследования

Социологический анализ тенденций и рисков социального контракта способен углубить наши знания и раскрыть, как заметил З. Бауман, «некоторые весьма тонкие различия и не вполне очевидные связи, недоступные невооруженному глазу», «подстегнуть ленивое воображение» увидеть знакомые нам вещи в неожиданных ракурсах, рассеяв нашу обыденность и самодовольство» (Бауман 2007, с. 459–460).

Государственная социальная поддержка малоимущих граждан претерпевает институциональную трансформацию, меняется «конфигурация всей системы социальной защиты, ее принципы и приоритеты» (Горина 2019). Социальная защита и поддержка населения, как социальный институт, процесс его трансформации и смены приоритетов и трендов, активно изучается зарубежными и российскими учеными (Garcia-Domingo, Sotomayor-Morales 2017; Замараева 2008). Мотивационно-стимулирующая социальная поддержка мобилизует внутренние ресурсы самого человека для преодоления переживаемых им затруднений (Данакин 2021). В связи с этим на первый план выходит необходимость исследования социального контракта, направленного на развитие ресурсного потенциала малоимущих граждан, обладающих «индивидуальным потенциалом адаптации и раз-

вития» и возможностью «собственной социальной интегрированности» (Романычев 2012).

Социальный контракт, став трендом государственной социальной поддержки малоимущих граждан в Российской Федерации (Карелова 2021), активно изучается отечественными исследователями, акцентирующими внимание на адресности, как ключевом принципе оказания социальной помощи на основе социального контракта (Прокофьева, Корчагина, Мигранова 2010; Вахрушев 2022); на сборе данных и подготовке научных отчетов с предложениями по совершенствованию порядка заключения и реализации социальных контрактов (Подготовка предложений 2010); на оценке практик применения и эффективности государственной социальной помощи на основании социального контракта (Бобков, Джандосова, Бучкова 2015); на анализе зарубежного опыта реализации данной меры социальной поддержки (Прокофьева 2011).

Для зарубежных авторов данная проблематика также является приоритетной. Исследователи демонстрируют поиск адекватных мер на пути к сокращению бедности (Mikulášková, Kačmárová. 2019); обосновывают необходимость ухода от иждивенческих настроений получателей социальной поддержки (Fletcher, Flint 2018) и развития предпринимательских практик, которые могут стать способом выхода малоимущих граждан на самообеспечение (Si, Ahlstrom, Wei, Cullen 2020).

Согласно федеральному закону РФ социальный контракт – это «соглашение, которое заключено между гражданином и органом социальной защиты населения, в соответствии с которым орган социальной защиты населения обязуется оказать гражданину государственную социальную помощь, а гражданин - реализовать мероприятия, предусмотренные программой социальной адаптации» (О государственной социальной помощи 1999). Программа социальной адаптации разрабатывается совместно с заявителем и представляет собой перечень обязательных для реализации мероприятий, среди которых: «поиск работы, прохождение профессионального обучения и дополнительного профессионального образования, осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности (в том числе самозанятость), ведение личного подсобного хозяйства, осуществление иных мероприятий, направленных на преодоление гражданином трудной жизненной ситуации» (О государственной социальной помощи 1999). Государственная социальная помощь на основании социального контракта оказывается гражданам с целью стимулирования их активных действий по преодолению трудной жизненной ситуации, ухода от пассивной помощи в виде предоставления пособий, компенсаций, субсидий и пр.

Разграничение полномочий между федеральными органами государственной власти, орга-

нами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления в 2004 году привело к тому, что оказание государственной социальной помощи малоимущим гражданам начинает регулироваться региональным законодательством (О внесении изменений в законодательные акты 2004). В Самарской области действует ряд законодательных и нормативных актов, регламентирующих заключение и реализацию социальных контрактов с малоимущими гражданами, среди которых особое место занимают Закон «О социальной помощи в Самарской области» (О социальной помощи 2000), приказ министерства социально-демографической и семейной политики Самарской области «Об утверждении Административного регламента по предоставлению государственной услуги «Оказание государственной социальной помощи на основании социального контракта» (Об утверждении Административного регламента 2021), приказ министерства социально-демографической и семейной политики Самарской области «О внесении изменений в приказ министерства гуманитарного и социального развития Самарской области «Об оказании социальной помощи малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам», который законодательно закрепил перечень обстоятельств, свидетельствующих о наличии трудной жизненной ситуации у получателей социальных услуг на основании социального контракта (О внесении изменений в приказ министерства 2021) и др.

Стоит заметить, что в некоторых российских регионах социальный контракт, как инновационная форма социальной поддержки и помощи малоимущим гражданам, применялся уже с 2005 года. Согласно данным, опубликованным на сайте Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, в 2009 году социальный контракт реализовывался в 14 регионах, в 2010–2011 годах в 17 регионах, а с 2021 года во всех субъектах Российской Федерации.

Начиная с 2010 года, после выхода приказа министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации «О проведении в ряде субъектов Российской Федерации эксперимента по оказанию государственной социальной помощи малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам на основе социального контракта» (О проведении в ряде субъектов Российской Федерации эксперимента 2010), возросло число исследований, посвященных изучению социального контракта. В Самарской области, которая вошла в число экспериментальных площадок с 2010 года, началась реализация и исследования практики оказания социальной поддержки на основе социального контракта (Ханжин 2011). Исследования регионального опыта реализации социальных контрактов с малоимущими гражданами основывались на анализе нормативно-зако-

нодательных актов, данных статистики, глубинных интервью со специалистами учреждений социальной защиты и получателями социальной услуги в форме социального контракта (Егорова 2020, 2021).

Эмпирическая база и дизайн исследования

Эмпирическим объектом исследования выступили специалисты Комплексных центров социального обслуживания населения Самарской области. Методом глубинного интервью было опрошено 18 информантов, отобранных целевым способом. Критериями целевого отбора выступили: стаж не менее 1 года в учреждениях социальной защиты населения и непосредственная включенность специалистов в процесс консультаций потенциальных получателей социальных услуг; осуществление приема и оформления документов для заключения социального контракта с малоимущим гражданином, включая разработку программы его социальной адаптации. Опрос проводился в 2022 году.

Параллельно с опросом использовался традиционный анализ документов, в качестве которых выступили нормативно-законодательные акты федерального и регионального уровней, регламентирующие заключение и реализацию социальных контрактов с малоимущими гражданами.

Полученные результаты

Для анализа тенденций и рисков реализации социальных контрактов с малоимущими гражданами представляется важным определиться с типом заявителей на такую меру социальной поддержки и помощи, как социальный контракт. Транскрипты глубинных интервью со специалистами позволили провести типологический анализ (Татарова 2009) заявителей из числа получателей социальных услуг. Нами были выделены два критерия для конструирования эмпирических классификаций типов заявителей, назовем их «уровень реальной обеспеченности» и «уровень осведомленности».

По критерию «уровень реальной обеспеченности» результаты исследования позволяют выделить два типа заявителей на заключение социального контракта: «реально малоимущие граждане» и «условно малоимущие граждане».

По мнению большинства информантов, «реально малоимущие граждане» - это основной получатель данной меры государственной социальной поддержки. Прежде всего, это малоимущие семьи, в которых уровень среднедушевого дохода ниже прожиточного минимума, установленного в регионе. В Самарской области с 1 января 2023 года прожиточный минимум установлен в следующих размерах: в расчете на душу населения – 13513 рублей, для трудоспособного населения – 14729 рублей, для пенсионеров – 11621 рубль и для детей – 13108 (Об установлении величины прожиточного

минимума 2022). Данные заявители представляют пакет документов, подтверждающих статус малоимущих; активно взаимодействуют со специалистом; имеют сильную мотивацию в повышение материальной обеспеченности: *«Так это же для них придумано, они и идут в основном, часть из них готовы что-то делать сами, другие – не готовы, но интересуются»* (инф.4, стаж 2 года); *«По документам у них доход ниже среднедушевого, они на учете стоят, и все пособия получают, вот и пришли»* (инф. 5, стаж 20 лет). На втором месте, согласно данным опроса, – одиноко проживающие малоимущие граждане, прежде всего, обучающиеся средне-профессиональных и высших учебных заведений: *«Больше всего студентов идёт, живут в общежитиях, стипендия маленькая, хотят развиваться, увеличивать свой доход, идут к нам»* (инф.3, стаж 3 года).

Анализ транскриптов интервью позволил выявить среди «реально малоимущих граждан» тех, кто обращается по вопросу заключения социального контракта в Комплексный центр социального обслуживания населения в сопровождении посторонних граждан, называемых заявителями «адвокатами». При этом заявители представляют полный пакет документов, но на вопросы специалистов им помогают отвечать сопровождающие граждане. У специалистов в данной ситуации отсутствуют полномочия отказать в приеме документов, но участники опроса считают, что налицо использование реально малоимущих граждан в качестве «подсадных уток»: *«Это же понятно, что на человека оформляют соц. контракт, и большой вопрос кто его будет реализовывать и будут ли?»* (инф. 2, стаж 6 лет); *«Реально бедные часто не сильно грамотные, их используют, оформляя на них социальные контракты... мы же не им помогаем в таком случае, хотя... если у них долг какой закроется...»* (инф. 1, стаж 8 лет). Указанные кейсы находятся на особом контроле специалистов на предмет текущего контроля и эффективности заключенных социальных контрактов.

Особого внимания требует анализ группы «условно малоимущие граждане». Стоит напомнить, что, исходя из нормативного определения, малоимущий гражданин – это тот, кто имеет доход ниже установленного прожиточного минимума и подтвердил это документально. Во-первых: у специалистов отсутствует возможность проверить истинность предоставленных данных о доходах заявителя: *«Вот муж у нее предприниматель, несут выписку, что ничего он не зарабатывает, но он же просто не указывает свои доходы, чтобы налоги не платить, ну какие они бедные?»* (инф.14, стаж 5 лет) *«Спрашивает, а сколько нужно написать, чтобы пройти по доходу, я правильную справку принесу»* (инф.13, стаж 8 лет); *«Вот я знаю, что он вахтовым на север летает, зарабатывает много, но принес справку за последние*

3 месяца с нулевым доходом, но это ведь пока он здесь отдыхал, и снова потом полетит на работу. Ну, какие они малоимущие?» (инф. 7, стаж 2 года). Во-вторых, при заключении социального контракта не учитывается имущественная обеспеченность и наличие атрибутов материального благополучия заявителей на государственную социальную поддержку: «Да, некоторые свою дорогую машину хотя бы за углом прячут, золотые цепочки снимают, мы в окно видели, а другие даже и этого не делают, у них доходы нулевые по справкам, а айфоны последней модели» (инф. 9, стаж 2 года); «Пришли мы с актом материально-бытового обследования, там коттедж на 400 квадратов, чей? Наши. На что содержите, дорого же в таком жить? У нас старые запасы» (инф. 4, стаж 2 года); «Вот у него три квартиры в собственности, наверняка сдает, договоров нет, как и доходов. Вот почему бы ему одну квартиру не продать и не брать социальный контракт, есть же реально нуждающиеся люди» (инф.11, стаж 7 год). Стоит отметить, что на заявителей социального контракта при комплексной оценке нуждаемости в настоящее время не распространяются требования к имущественной обеспеченности. Напомним, что такой подход применяется при назначении единого пособия на ребенка, когда у получателя может быть в собственности только одна квартира, один дом, одна дача, один гараж, один земельный участок, одно нежилое помещение, один автомобиль, один мотоцикл, одна единица самоходной техники, один катер или моторная лодка, сбережения, годовой доход от процентов которых не превышает величину прожиточного минимума на душу населения в регионе.

Таким образом, выявленная нами тенденция заключения социальных контрактов с условно малоимущими гражданами, свидетельствует о фактах злоупотреблений со стороны получателей социальных услуг, способна привести к риску нецелевого расходования средств, выделенных на социальные контракты, и фактически не работать на цель – снижение уровня бедности в стране и регионе.

По критерию «уровень осведомленности» результаты данного исследования позволяют выделить следующие три типа заявителей на заключение социальных контрактов: «понимающие и готовые к заключению социального контракта», «понимающие, но не готовые к заключению социального контракта», «не понимающие, но готовые к заключению социального контракта».

По мнению абсолютного большинства информантов именно благодаря активной информационной и консультационной работе специалистов всех учреждений, подведомственных Министерству социально-демографической и семейной политики Самарской области, население региона знает о такой мере социальной поддержки, как со-

циальный контракт. Согласно результатам опроса специалистов, треть заявителей понимают суть данного соглашения, знают направления расходования средств социального контракта, условия его заключения, свои права и обязанности: «Конечно, есть такие, ну может каждый третий, кто все заранее прочитал, разобрался, или уже есть у него бизнес, и он готов его зарегистрировать и денег на него получить» (инф. 10, стаж 3 года); «девочки из бьюти индустрии идут, грамотные, многие с высшим образованием, точно знают, что и сколько хотят получить, требуют...» (инф. 15, стаж 24 года); «студент на новый компьютер контракт заключал, он веб дизайном занимается, все заранее изучил, пришел с полным пакетом документов» (инф.6, стаж 20 лет). Данную категорию малоимущих граждан мы относим к типу «все понимающие и готовые к заключению социального контракта».

Согласно данным опроса, новые условия и размер выплат по социальному контракту (с 2022 года до 350 тысяч рублей) сделали данную меру социальной поддержки более привлекательной для заявителей. Напомним, что до 2021 года размер выплаты составлял до 50 тысяч, а с 2021 года до 250 тысяч рублей. Однако, как показал анализ транскриптов, среди малоимущих граждан треть тех заявителей, кто после консультации со специалистом Комплексного центра социального обслуживания населения отказался заключать социальный контракт: «Оказывается, что договорные отношения с государством многих пугают. Меня один заявитель спрашивает: «а точно мне ничего не будет, если я после завершения срока контракта сразу бизнес закрою? Точно потом денег не надо будет отдавать? Не посадят меня?»» (инф. 12, стаж 9 лет); «Суммы заявлены же до 350, и когда комиссия принимает решение дать меньше, многие возмущены и отказываются совсем от соц. контракта» (инф. 18, стаж 2 года); «Каждый третий, узнав о нашем контроле и необходимости сдавать отчет, уходит, и не возвращается» (инф. 17, стаж 4 года). Именно таких заявителей мы условно относим ко второму типу данной классификации – «понимающие, но не готовые к заключению социального контракта».

Особый исследовательский интерес вызывает третий тип заявителей – «не понимающие, но готовые к заключению социального контракта». Большинство специалистов отмечали, что часть заявителей не понимают цели, сути и условий социального контракта: «Приходят и говорят, а тут деньги на велосипед дают, а нам тоже надо. Предлагаю заключить социальный контракт на поиск работы. Не хочет, но денег требует. В итоге мы ей на иные мероприятия оформили, но ведь соц. контракт – это про другое, они не вышли и не выйдут с таким настроением из бедности» (инф. 5, 20 лет), «Ну не все могут быть предпринима-

телями, а он видит цель, не видит препятствий» (инф. 6, стаж 20 лет); «А что такое бизнес-план мне точно там (прим. Мой бизнес) помогут его составить? Я же ничего не понимаю в этом» (инф. 16, стаж 3 года). Данные кейсы подтверждают необходимость дальнейшей информационной кампании по информированию малоимущих граждан о социальных контрактах, его сути, цели, условиях заключения такого соглашения, правах и обязанностях участников договора.

Анализ транскриптов интервью со специалистами, позволил вывить существующие проблемы при заключении социальных контрактов по направлениям, закрепленным в федеральном и региональном законодательстве. Напомним, что к таким направлениям, указанным в прилагаемой к социальному контракту программе социальной адаптации, относятся: поиск работы, осуществление предпринимательской деятельности (ИП) (размер выплаты до 350 тысяч рублей), ведение личного подсобного хозяйства (ЛПХ) (размер выплаты до 200 тысяч рублей), иные мероприятия, направленные на преодоление гражданином трудной жизненной ситуации (ТСЖ) (размер выплаты до 50-70 тысяч рублей), прохождение профессионального обучения или получение дополнительного профессионального образования (размер выплаты до 30 тысяч рублей).

Абсолютное большинство информантов отметили, что самым востребованным направлением заключения социальных контрактов у малоимущих граждан выступает самозанятость и индивидуальное предпринимательство: «Ну конечно самозанятость, индивидуальное предпринимательство, там же сумма самая большая» (инф. 17, стаж 4 года); «Да, у нас в сельской местности вроде как должно быть больше всего на ЛПХ (прим.: личное подсобное хозяйство), но у нас Комбинат развалился, и один берет контракт на салон красоты, другой на мастерскую часов. Я их понимаю, с коровой (улыбается), конечно, сложнее» (инф. 8, стаж 17 лет). По мнению большинства опрошенных специалистов, оформление социальных контрактов на индивидуальное предпринимательство и самозанятость потребовало от них расширения непрофильных функциональных обязанностей, необходимости изучения законодательства в сфере экономической деятельности: «Понятно, что государство заинтересовано в выходе из тени самозанятых, но почему эту задачу решаем мы – непонятно, ведь это задача не системы социальной защиты, это, наверное, другие органы и организации должны делать... Мин эконом.... Почему мы должны изучать правила получения лицензии на перевозки? И оказывается вот самозанятому нельзя этим заниматься, надо индивидуальное предпринимательство регистрировать. А бизнес план? Мы тут все экономистами стали, всё сначала сами изучаем, потом консультируем. И при-

ложение по самозанятости освоили и себе скачали. Я уверена, что это задача не учреждения социальной защиты» (инф. 6, стаж 20 лет).

Анализ транскриптов интервью позволил выявить, что специалисты обеспокоены приоритетным выбором заявителями именно самозанятости без регистрации ИП по причине легальной возможности самостоятельно указывать полученный доход. Специалисты отмечают, что уже на этапе заключения социального контракта, заявители анализируют свои обязательства и возможности: «Я же сама буду указывать свой доход для налога? И тогда отчислений не будет? Нет же никакой проверки?» (инф. 4, стаж 2 года). Подобные высказывания заявителей подтверждают возможность сокрытия роста доходов получателями социальных контрактов, что может быть подтверждено или опровергнуто только после завершения действия социального контракта и анализа его эффективности. Подобная ситуация имеет место и при оформлении контракта на ИП, но в этом случае контроль представляется более регламентированным.

При заключении социального контракта на развитие индивидуального предпринимательства каждый второй заявитель, по мнению большинства информантов, не имеет ни соответствующего образования, ни нужных предпринимателю компетенций: «Я ему предлагаю другое направление – на поиск работы, а он мне: но по ИП же больше денег дадут, буду предпринимателем» (инф. 2, стаж 6 лет); «Рекомендуем почитать законодательство о налогах, продумать сбыт, кто-то понимает, кто-то нет, кто-то настаивает на ИП, другие в итоге выбирают направление – поиск работы» (инф. 13, стаж 8 лет).

Важным для анализа представляется ситуация с выбором направления социального контракта на развитие личного подсобного хозяйства. По мнению большинства опрошенных специалистов, данное мероприятие не столь часто выбирают заявители, отдавая предпочтение оформлению на эти цели «осуществление предпринимательской деятельности»: «Но она же реализовывать свою продукцию будет, чем не предпринимательство, и сумма там больше по контракту» (инф. 17, стаж 4 года), «Сельское хозяйство – дело трудное, это же надо в 5 утра вставать, народ уже так не хочет, нам бы всем сразу и много» (инф. 8, стаж 17 лет). Данное обстоятельство, на наш взгляд, связано с условиями заключения данного социального контракта и меньшим, чем при осуществлении предпринимательской деятельности, размером выплаты. Согласно региональным нормативным документам для заключения социального контракта на ведение личного подсобного хозяйства необходима регистрация малоимущего гражданина в качестве налогоплательщика на профессиональный доход (то есть в качестве самозанятого).

Предметного анализа требует такое направление социального контракта, как иные мероприятия, направленные на преодоление гражданином трудной жизненной ситуации. Как отмечали информанты, особенно до выхода приказа №376 от 23.07.2021 года, достаточно часто малоимущие граждане при заключении социального контракта претендовали именно на данное основание. В настоящее время, согласно указанному нормативному документу, определены следующие обстоятельства, свидетельствующие о наличии трудной жизненной ситуации: наличие заболевания, подтвержденного медицинской справкой; заболевания, требующие периодических поездок в медицинские организации; необходимость в лечении или реабилитации; неполучение заработной платы более 3 месяцев подряд; потеря трудоспособного кормильца; уход за малолетним ребенком; утрата имущества вследствие чрезвычайных обстоятельств; частичная или полная утрата имущества в связи с погодными условиями; необходимость проведения благоустройства жилого помещения и пр.; увольнение в связи с сокращением численности или ликвидацией предприятия; неисполнение обязательств одного из родителей по выплате алиментов на несовершеннолетнего ребенка (Приказ министерства 376 2021).

Абсолютное большинство информантов считают, что заключение социального контракта на реализацию иных мероприятий, направленных на преодоление гражданином трудной жизненной ситуации, не соответствует сути социального контракта, не является способом активизации ресурсов самого получателя и является подобием материальной помощи: *«Никогда не понимала этого основания контракта, это же по сути своей материальная помощь...дали денег, они купили теплые вещи ребенку. Да, им они необходимы, но ребенок растет, и следующей зимой им снова потребуются средства»* (инф. 4, стаж 2 года); *«Как можно вывести из бедности, а это же цель социального контракта, выплатив 50 тысяч, а сам человек никакой активности не показывает. Лучше бы на поиск работы оформили ему контракт»* (инф.2, стаж 6 лет).

Согласно мнению большинства специалистов, приоритетным при выборе направления социального контракта должен стать «поиск работы», поскольку именно здесь закладывается долгосрочная основа получения дохода и его роста, кроме того более прозрачным представляется процедура анализа эффективности социального контракта: *«Я считаю, что самый большой эффект будет от направления поиск работы. Человек в этом случае выстраивает свой путь повышения дохода стратегически. Сумма ему дается небольшая, поэтому и расход средств с нашей стороны минимален в данном случае. Но проверить эффект становится проще»* (инф.3, стаж

3 года). Как отмечали информанты, со стороны заявителей это направление лишь на 3-м месте в ранжированном ряду. Итак, по мнению большинства опрошенных специалистов, приоритетными направлениями социальных контрактов должны быть: поиск работы, самозанятость, индивидуальное предпринимательство, ведение личного подсобного хозяйства, иные мероприятия. Выбор направлений заявителями из числа малоимущих граждан представляет собой следующий ряд: самозанятость, индивидуальное предпринимательство, поиск работы, иные мероприятия, ведение личного подсобного хозяйства.

Абсолютное большинство участников опроса считают социальный контракт важной мерой поддержки малоимущих. Анализ высказываний участников позволил нам выделить плюсы социального контракта. Среди них: активизация собственных ресурсов получателей социальных услуг, выход малоимущих граждан на самообеспечение, снижение уровня бедности в стране и регионе: *«Социальный контракт способен вывести из бедности, и если у человека есть желание, стремление, то для него это реальная поддержка реализовать себя и свою задумку.»* (инф.8, стаж 17 лет). Большинство опрошенных специалистов считают, что именно благодаря социальным контрактам, большое количество незарегистрированных работающих бизнесов будет легализовано, что принесет в казну дополнительные доходы, будет наращиваться социальный капитал российского общества. *«Ведь люди этим бизнесом и раньше занимались, но для выхода на легальный рынок им не хватало толчка, ресурсов, так вот соц. контракт им это и дал, в итоге все общество в выигрыше»* (инф. 11, стаж 7 лет), *«Идеи заявителей – это ведь как стартапы, и душа радуется, когда они могут реализовать свои уникальные задумки, а в выигрыше в итоге все общество»* (инф. 3, стаж 3 года).

Заключение

Таким образом, анализ транскриптов глубинных интервью со специалистами Комплексных центров социального обслуживания населения позволил нам выделить основные тенденции и риски в реализации социальных контрактов на территории самарского региона: отсутствие возможности исключить присутствие посторонних граждан при подаче документов на социальный контракт; отсутствие механизмов ограничения «условно малоимущих граждан» в оформлении социальных контрактов; недостаточный уровень межведомственного взаимодействия в процессе сбора и проверки представленных заявителями документов; низкий уровень компьютерного и программного обеспечения учреждений социальной защиты населения; повышенная нагрузка специалистов учреждений социальной защиты

населения, связанная, в том числе, с необходимостью развития у них непрофильных компетенций в сфере экономической деятельности и налогообложения; низкая осведомленность и финансовая грамотность малоимущих заявителей; пассивность и нежелание заявителей прилагать собственные усилия по выходу из бедности.

По результатам проведенного исследования представляется возможным сформулировать некоторые рекомендации по совершенствованию процесса реализации социальных контрактов с малоимущими гражданами:

- активизировать межведомственное взаимодействие с налоговой инспекцией, что будет способствовать оперативному получению информации о доходах заявителей и исключению ситуаций предоставления заведомо ложных сведений;

- при оформлении социального контракта ввести комплексную оценку нуждаемости с учетом имущественной обеспеченности заявителя, тем самым исключив нецелевое расходование средств, выделенных на борьбу с бедностью;

- исключить из перечня направлений социального контракта иные мероприятия, направленные на преодоление гражданином трудной жизненной ситуации, как несоответствующие сути социального контракта и цели активизации ресурсов и выхода на самообеспечение малоимущих граждан;

- расширить состав межведомственной комиссии, принимающей решение о назначении или отказе в заключение социального контракта, включив в нее представителей организаций, проверяющих и курирующих деятельность самозанятых и индивидуальных предпринимателей, тем самым сняв вопросы по условиям бизнеса, сертификации производимой продукции и услуг и пр.

Источники фактического материала

О социальной помощи в Самарской области (с изменениями и дополнениями) Закон Самарской области от 06.05.2000 №16-ГД (ред. от 11.11.2022). URL: <https://docs.cntd.ru/document/945004710> (дата обращения: 15.07.2023).

Об утверждении государственной программы «Социальная поддержка граждан». Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 296 (ред. от 01.09.2022 №1540). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162171/ (дата обращения 15.07.2023).

Об установлении величины прожиточного минимума в Самарской области на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения на 2023 год Постановление Правительства Самарской области от 21.12.2022 № 1198. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/samara/1602313> (дата обращения 15.07.2023).

О проведении в ряде субъектов Российской Федерации эксперимента по оказанию государствен-

ной социальной помощи малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам на основе социального контракта. Приказ министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 31.05.2010 № 399. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902221008> (дата обращения 15.07.2023).

О внесении изменений в приказ министерства социально-демографической и семейной политики Самарской области от 31.01.2006 №7 «Об оказании социальной помощи малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам Самарской области». Приказ министерства социально-демографической и семейной политики Самарской области от 23.07.2021 №376. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6301202111190004> (дата обращения 15.07.2023).

Об утверждении Административного регламента министерства социально-демографической и семейной политики Самарской области по предоставлению государственной услуги «Оказание государственной социальной помощи на основании социального контракта». Приказ министерства социально-демографической и семейной политики Самарской области от 06.09.2021 № 475. URL: <https://minsocdem.samregion.ru/dokumenty/administrativnye-reglamenti> (дата обращения 15.07.2023).

О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения 15.07.2023).

О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Федеральный закон РФ от 22.08.2004 №122-ФЗ (ред.03.08.2018). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49025/ (дата обращения 15.07.2023).

О государственной социальной помощи. Федеральный закон РФ от 17.07.1999 №178-ФЗ (ред. 28.04.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/ (дата обращения 15.07.2023).

Библиографический список

Fletcher, DR. and Flint, J (2018), Welfare conditionality and social marginality: The folly of the tutelary state?, *Critical social policy*,

vol. 38, issue 4, pp. 771–791, DOI: <https://doi.org/10.1177/0261018317753088>.

Garcia-Domingo, M. and Sotomayor-Morales, E. (2017), Role of social workers in a context of crisis: adaptation opportunities to change, *Trabajo Social Global-Global Social Work*, vol. 7, issue 12, pp. 47–68.

Mikulášková, G. and Kačmárová, M. (2019), Social representations of poverty: Causes of poverty, poverty perpetuation and possibilities of escaping from poverty, *Československá Psychologie: Časopis Pro Psychologickou Teorii a Praxi*, vol. 63, pp. 53–66.

Si, S., Ahlstrom, D., Wei, J. and Cullen, J (2020), Business, Entrepreneurship and Innovation toward Poverty Reduction, *Entrepreneurship and regional development*, vol. 32, issue 1–2, pp. 1–20, DOI: <https://doi.org/10.1080/08985626.2019.1640485>.

Бауман З. Мыслить социологически. Москва: Директ-Медиа, 2007. 513 с.

Бобков В.Н., Джандосова Ф.С., Бучкова Я.Ю. Эффективность государственной социальной помощи на основании социального контракта // Уровень жизни населения регионов России. 2015. №3(197). С. 75–108.

Вахрушев А.В. Социальный контракт как механизм перехода к адресной модели мер социальной поддержки малоимущего населения // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2022. № . С. 110–113.

Горина Е.А. Трансформация социальной поддержки населения в регионах России: направления и приоритеты // Журнал исследований социальной политики. 2019. № 17(2). С. 163–176.

Данакин Н.С. Смысл и профессиональные особенности социальной работы // Отечественный журнал социальной работы. 2021. № 3. С. 33–41.

Егорова С.В. Социальный контракт как инновационная форма государственной социальной помощи по выходу малоимущих граждан на самообеспечение: региональный опыт // Отечественный журнал социальной работы. 2020. № 1. С. 63–70.

Егорова С.В. Анализ реализации социального контракта в Самарской области // Вестник Самарского муниципального института управления. 2021. № 4. С. 34–43.

Замараева З.П. Институционализация социальной защиты населения в условиях современной России // Социальное обслуживание. 2008. № 5. С. 5–35.

Карелова Г.Н. Подведены итоги реализации социального контракта в 2021 году // Совет Федерации РФ [сайт]. URL: <http://council.gov.ru/events/news/133112/> (дата обращения 15.07.2023)

Подготовка предложений по совершенствованию порядка оказания государственной социальной помощи малоимущим гражданам на основе результатов мониторинга эксперимента по внедрению системы социальных контрактов в ряде субъектов Российской Федерации (2010) Научный отчет Всероссийского центра уровня жизни. URL:

<http://vcug.ru/nauchdeyat2008.html> (дата обращения 15.07.2023).

Прокофьева Л.М., Корчагина И.И., Мигранова Л.А. Социальный контракт – новая форма оказания государственной адресной социальной помощи населению в субъектах Российской Федерации // Аналитический вестник Совета Федерации. 2010. № 8 (394).

Прокофьева Л.М. Опыт Франции по социальной поддержке бедного населения и внедрению системы социального контракта адаптации с получателями социальной помощи. Проект Всемирного банка «Совершенствование системы АСП». Москва, 2011. 25 с.

Романычев И.С. Ресурсный подход в социальной работе: к вопросу о социологическом осмыслении // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 3 (24). С. 82–85.

Татарова Г.Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. Москва: Издательский дом «Высшее образование и Наука». 2009. 236 с.

Ханжин Е.В. Реализация технологии социального контракта с малоимущими гражданами в Самарской области // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 3. С. 37–41.

References

Fletcher, DR. and Flint, J (2018), Welfare conditionality and social marginality: The folly of the tutelary state?, *Critical social policy*, vol. 38, issue 4, pp. 771–791, DOI: <https://doi.org/10.1177/0261018317753088>.

Garcia-Domingo, M. and Sotomayor-Morales, E. (2017), Role of social workers in a context of crisis: adaptation opportunities to change, *Trabajo Social Global-Global Social Work*, vol. 7, issue 12, pp.47–68.

Mikulášková, G. and Kačmárová, M. (2019), Social representations of poverty: Causes of poverty, poverty perpetuation and possibilities of escaping from poverty, *Československá Psychologie: Časopis Pro Psychologickou Teorii a Praxi*, vol. 63, pp. 53–66.

Si, S., Ahlstrom, D., Wei, J. and Cullen, J (2020), Business, Entrepreneurship and Innovation toward Poverty Reduction, *Entrepreneurship and regional development*, vol. 32, issue 1–2, pp. 1–20, DOI: <https://doi.org/10.1080/08985626.2019.1640485>.

Bauman, Z. (2007), *Think sociologically*, Moscow, Russia.

Bobkov, V.N., Dzhandosova, F.S. and Buchkova, Ya.Yu. (2015), The effectiveness of state social assistance on the basis of a social contract, *Living standards of the population of regions of Russia*, no. 3, pp. 75–108, DOI: <https://doi.org/10.12737/13553>.

Vakhrushev, A.V. (2022), Social contract as a mechanism for transition to a targeted model of social support measures for the poor population, *Economic*

and humanitarian studies of the regions, no. 2, pp. 110–113.

Gorina, E.A. (2019), Transformation of social support of the population in the regions of Russia: directions and priorities, *Journal of Social Policy Research*, no. 17(2), pp. 163–176.

Danakin, N.S. (2021), Meaning and professional features of social work, *Domestic Journal of Social Work*, no. 3, pp. 33–41.

Egorova, S.V. (2020), Social contract as an innovative form of state social assistance for self-sufficiency of low-income citizens: regional experience, *Domestic Journal of Social Work*, no.1, pp. 63–70.

Egorova, S.V. (2021), Analysis of the implementation of the social contract in the Samara region, *Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management*, no. 4, pp. 34–43.

Zamaraeva, Z.P. (2008), Institutionalization of social protection of the population in the conditions of modern Russia, *Social service*, no. 5, pp. 5–35.

Karelova, G.N. (2021), *The results of the implementation of the social contract in 2021*, [Online], available at: <http://council.gov.ru/events/news/133112/> (Accessed 15 July 2023).

Preparation of proposals for improving the procedure for providing state social assistance to low-income citizens based on the results of monitoring an experiment on the introduction of a system of social contracts in a number of constituent entities of the Russian Federation. (2010), Scientific report of the

All-Russian Center for Living Standards, [Online], available at: <http://vcug.ru/nauchdeyat2008.html> (Accessed 15 July 2023).

Prokofieva, L.M., Korchagina, I.I. and Migranova, L.A. (2010), Social contract - a new form of providing state targeted social assistance to the population in the constituent entities of the Russian Federation, *Analytical Bulletin of the Federation Council*, no. 8.

Prokofieva, L.M. (2011), *France's experience in social support for the poor and the introduction of a system of social adaptation contract with recipients of social assistance.* World Bank Project «Improving the TSA System», Moscow, Russia.

Romanychev, I.S. (2012), Resource approach in social work: to the question of sociological understanding, *Society. Wednesday. Development*, no. 3 (24), pp. 82–85.

Tatarova, G.G. (2009), *Fundamentals of typological analysis in sociological research*, Moscow, Russia.

Khanzhin, E.V. (2011), Implementation of the technology of a social contract with low-income citizens in the Samara region, *Level of life of the population of regions of Russia*, no. 3, pp. 37–41.

Submitted: 01.07.2023

Revised: 23.08.2023

Accepted: 29.09.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.752

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-3-77-87

Дата поступления: 01.07.2023
рецензирования: 23.08.2023
принятия: 29.09.2023

Д.В. Зернов

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
E-mail: Zerdv@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2864-9253>

Н.В. Шалютина

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
E-mail: Shalyut@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6101-4551>

Отношение молодежи к фильмам о Великой Отечественной войне: ожидания от просмотра и жанровые предпочтения

Аннотация: в статье представлены результаты двух авторских исследований отношения молодежи к фильмам о Великой Отечественной войне: «История в кино: проблемы ремедиации» (10 фокус-групп) и «Память о войне в советском и постсоветском кинематографе: взгляд молодёжной аудитории» (анкетный опрос, n = 2003).

Авторами выделены основные нарративы, представляющие интерес для молодежной аудитории. Было отмечено, что популярные среди молодежи фильмы данной тематики являются мультижанровыми произведениями, совмещающими историческую достоверность и автобиографичность, мелодраматичность и элементы экшн-фильма.

Зрительская мотивация, связанная с просмотром фильмов о Великой Отечественной войне, проанализированная с точки зрения теории использования и удовлетворения, представляет собой сложную систему ожиданий. Авторы выделяют 6 групп нормативных ожиданий: идентичность и интеграция; установление приятной среды и узнавание; напряженность и поиск ощущений; достоверность и когнитивное удовлетворение; эскапизм и воображение; удивление и зрелищность.

Исторические военные фильмы реализуют социальные функции (удовлетворяя ожидания молодежи, связанные с интеграцией, установлением приятной среды и достоверностью), являясь при этом развлекательным медиапродуктом, соответствующим молодежному медиагабитусу (отвечая ожиданиям зрелищности, напряженности и эскапизма). Авторы констатируют, что историческому кино, посвященному событиям Великой Отечественной войны, удается успешно соблюдать баланс между форматом (близости по стилистике и языку молодежному зрителю) и контентом (идеологическим, патриотическим посланием).

Ключевые слова: Великая Отечественная война; зрительские ожидания; теория использования и удовлетворения; историческая достоверность; исторические фильмы; кино аттракционов; меморативные практики; молодёжь.

Цитирование: Зернов Д.В., Шалютина Н.В. Отношение молодежи к фильмам о Великой Отечественной войне: ожидания от просмотра и жанровые предпочтения // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 3. С. 77–87. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-77-87>.

Благодарности: статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00311 «Медиагитизация как фактор трансформации меморативных практик молодежи».

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Зернов Д.В., 2023 – кандидат политических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, 603022, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23.

© Шалютина Н.В., 2023 – кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, 603022, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23.

SCIENTIFIC ARTICLE

D.V. Zernov

National Research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation
E-mail: Zerdv@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2864-9253>

N.V. Shalyutina

National Research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation
E-mail: Shalyut@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6101-4551>

Young people's attitudes towards films about the Great Patriotic War: viewing expectations and genre preferences

Abstract: the article presents the results of two author's researches of young people's attitude towards films about the Great Patriotic War: "History in cinema: the problems of remediation" (10 focus groups) and "The Memory of the War in the Soviet and Post-Soviet Cinematography: the Young Audience View" (questionnaire survey, n = 2003).

The authors identified the main narratives of interest to young audiences. It was noted that the films popular among young people are multi-genre works which combine historical accuracy and autobiographical, melodramatic and action-film elements.

The viewing motivation associated with watching films about the Great Patriotic War, analyzed in terms of the theory of usage and satisfaction, is a complex system of expectations. The authors distinguish 6 groups of normative expectations: identity and integration; establishment of pleasant environment and recognition; tension and sensation seeking; authenticity and cognitive satisfaction; escapism and imagination; surprise and spectacularity.

Historical war films fulfil social functions (meeting young people's expectations of integration, establishing a pleasant environment and credibility), while being an entertaining media product appropriate to the youth mediahabitus (meeting expectations of spectacle, suspense and escapism). The authors state that historical films devoted to the events of the Great Patriotic War manage to successfully maintain a balance between format (proximity in terms of style and language to the youth audience) and content (ideological, patriotic message).

Key words: the Great Patriotic War; viewing expectations; use and satisfaction theory; historical accuracy; historical films; film attractions; commemorative practices; young people.

Citation: Zernov, D.V. and Shalyutina, N.V. (2023), Young people's attitudes towards films about the Great Patriotic War: viewing expectations and genre preferences, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 3, pp. 77–87, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-77-87>.

Acknowledgments: the research is supported by the Russian Science Foundation Grant (project No 22-18-00311 «Mediatization as a Factor of the Transformation of Young People's Commemorative Practices»).

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© Zernov D.V., 2023 – Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Sectoral and Applied Sociology, Faculty of Social Sciences Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23, Gagarina st., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation.

© Shalyutina N.V., 2023 – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sectoral and Applied Sociology, Faculty of Social Sciences Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23, Gagarina st., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation.

Введение

В условиях современных политических конфликтов и обострения конкуренции за возможность формирования исторической памяти молодежи особую актуальность приобретает исследование кинематографа как одного из основных агентов социализации и реализации функций патриотического воспитания и просвещения. В этой связи особый исследовательский интерес представляют исторические военные фильмы, в частности фильмы о Великой Отечественной войне, как эффективные инструменты политики памяти и важные коммеморативные практики. Авторы анализируют отношение молодежи к фильмам данной тематики с точки зрения зрительских ожиданий, потребностей и мотивов просмотра.

Фильмы о Великой Отечественной войне в кинопредпочтениях современной российской молодежи занимают особое место. Нельзя говорить, что молодежь целиком и полностью поддерживает этот жанр, не пропускает ни одной премьеры новых фильмов или постоянно пересматривает старые киноленты. Напротив, как и у всех других жанров игрового кино, у фильмов о Великой Отечественной войне в молодежной среде есть свои сторонники и свои противники (Игаева, Николай 2022, с. 202). Особое положение таких фильмов в том, что они находятся сразу на нескольких плоскостях восприятия, которые конфликтуют друг с другом. С одной стороны, как и все остальные фильмы, фильмы о Великой Отечественной войне молодежь рассматривает как продукт массовой культуры, основное назначение которых – развлекать зрителей. С другой стороны, очевидно, что молодежь наделяет фильмы о Великой Отечественной войне функцией исторического документа и однозначно требует от них исторической достоверности. На это накладывается немало важная социализирующая функция отечественных фильмов о войне, в контексте которой они превращаются в целом одобряемый молодежью элемент патриотического воспитания, а также в один из связующих элементов межпоколенческой коммуникации (Иванченко, Никифоров, Ситникова 2021). Представления молодежи о том, какими должны быть фильмы о Великой Отечественной войне, что и в каком объеме в них должно присутствовать, могут послужить яркой иллюстрацией обозначенного конфликта. Реализуя развлекательную и познавательную функции, военные кинофильмы транслируют и актуализируют специфические эмоции и дают возможность аудитории приобщиться к опыту, не имеющему прямого отношения к повседневности. А зрители, в свою очередь, имеют определенную систему ожиданий относительно эмоциональных и когнитивных состояний, вызываемых просмотром. С этих позиций, исторические военные фильмы, как прави-

ло, совмещают несколько жанров (драма, экшн, триллер, биография и т.д.) и имеют потенциал для удовлетворения когнитивных и эмоциональных потребностей зрителей.

Теоретико-методологические подходы

Современные исследования кино сосредоточены на изучении аудитории, признавая её активную и независимую роль в выборе и интерпретации медиатекстов, которые, впрочем, могут быть обусловлены зрительскими ожиданиями и медиагабитусом.

Нормативные ожидания относятся и к поведению, связанному с использованием СМИ, и к аспектам содержания и формата. Аудитория ожидает, что СМИ будут соответствовать определенным нормам хорошего вкуса и морали, а иногда и другим ценностям, таким как патриотизм или свобода. Нормы того, что уместно в художественных фильмах, обычно касаются насилия, секса и некоторых моделей поведения, предлагаемых СМИ. Кроме того, к источникам исторической тематики часто применяются завышенные требования, связанные с их достоверностью. Ценности, применяемые к контенту, часто связаны с различиями между каналами и жанрами: например, П. Аласуутари (Alasuutari 1992) показал, что финские телезрители используют своего рода «моральную иерархию», согласно которой новости и информация высоко ценятся, а мыльные оперы рассматриваются как «низкая» форма контента (даже поклонниками мыльных опер). Характер иерархии отражает традиционные культурные ценности и вкусы, особенно уважение к реальности и информации.

Медиа обычно рассматриваются аудиторией в рамках сложной системы ожиданий и суждений, которые, в конечном итоге, проистекают из понимания публичного и социального характера СМИ, их значимости в повседневной жизни и личного удовольствия, которое они могут доставить. Эта система оценок может не быть сознательно сформулирована средним членом аудитории, но предписания, которые возникают в отношении медиа и их содержания, обычно интуитивно понятны и выстроены с точки зрения теории «использования и удовлетворения» на основе ожидаемых эмоций от просмотра.

Теория «использования и удовлетворения» (UGT), появившаяся в рамках чикагской социологической школы, исходит из утверждения активной роли аудитории по отношению к каналам и контенту медиа. Предполагается, что зрители выбирают конкретное медиа для удовлетворения конкретных потребностей, а затем интерпретируют сообщения и интегрируют их в свою собственную жизнь. Представители UGT концентрируются на изучении социальных потребностей, которые зрители удовлетворяют теми или иными

способами (как медиатизированными, так и немедиатизированными), разрабатывая различные модели классификации зрительских мотивов и ожиданий. Аудитория кинофильмов хочет получить опыт, вызывающий различные эмоциональные и когнитивные состояния.

Джей Блумлер и Денис МакКуэйл (Blumler, McQuail 1968) классифицировали мотивы аудитории применительно к развлекательной медиапродуктам по четырём категориям: 1) отвлечение (эскапизм и эмоциональная разрядка); 2) социальные отношения (коммуникация и социальная полезность); 3) идентичность (самооценка и укрепление системы ценностей); 4) наблюдение (поиск информации).

Есть и другие классификации, например, А. Барш и Р. Вихофф (Bartsch, Viehoff 2010) выделяют 13 типов ожидаемых от просмотра эмоций, включая эмоциональные, социальные, когнитивные, моральные и т.д. потребности.

Все эти ожидаемые эмоции вознаграждения не являются взаимоисключающими, а могут пересекаться друг с другом, что и было выявлено в ходе авторского исследования.

Другим важным аспектом данного исследования является социальная (идеологическая) роль фильмов о Великой Отечественной войне, которые являются своеобразным «местом памяти» для современной молодежи. Историческое кино выступает актом коммеморации, своего рода социальным ритуалом, придающим смысл прошлому, дающим ориентацию в будущем и позволяющим дать оценку настоящему. Эффекты от участия в таких коммеморативных практиках актуализируются у зрителей в виде эмоциональных состояний. С этой точки зрения на микросоциологическом уровне эти эффекты могут быть описаны самими зрителями на языке переживаемых эмоций во время и после просмотра.

Таким образом, концептуальная модель исследований отношения к фильмам о Великой Отечественной войне включает в себя параметры ожидания и эмоций, полученных от просмотра, которые определяют социальный эффект медиавоздействия.

Эмпирическая база исследования

Эмпирической базой исследования являются данные опросов, проведённых авторами в 2022 году в целевых группах учащейся молодежи Нижнего Новгорода и Нижегородской области:

1. Серия фокус-групп «История в кино: проблемы ремедиации» среди студентов, получающих историческое образование в Мининском университете (6 фокус-групп), и среди студентов, получающих социологическое образование в Нижегородском университете им. Н. И. Лобачевского (4 фокус-группы).

2. Анкетный опрос «Память о войне в советском и постсоветском кинематографе: взгляд молодёжной аудитории» (n = 2003) среди студентов ведущих вузов Нижнего Новгорода (n = 1072), студентов, получающих среднее профессиональное образование в колледжах и техникумах Нижнего Новгорода (n = 358), и учащихся старших классов общеобразовательных учреждений Нижнего Новгорода и Нижегородской области (n = 573). Ошибка выборки – в пределах 5 %. Для построения факторной модели были отобраны студенты-первокурсники четырёх вузов Нижнего Новгорода (n = 560) и их ответы на вопрос «Что и в каком объеме должно быть в фильме о Великой Отечественной войне, чтобы он вам понравился?», содержащий 40 параметров. Анализ осуществлялся с помощью программы IBM SPSS Statistics 23. Объясняющая способность факторной модели составляет 46,8 %.

Результаты исследования

Когнитивные потребности молодежи относительно фильмов о Великой Отечественной войне связаны, прежде всего, с ожиданиями исторической достоверности и раскрытием наиболее важных и интересных зрителю исторических событий, сюжетов и тем. Наиболее интересные, с точки зрения зрителей, нарративы Великой Отечественной войны были объективизированы на фокус-группах в рамках рефлексии о гипотетическом собственном фильме. Молодёжь не очень охотно отвечает на вопрос о том, о чём они сами хотели бы снять фильм о Великой Отечественной войне, если бы у них была такая возможность (более пятой части ответили, что не знают или не хотели бы снимать фильм о войне), а все полученные ответы чаще односложны и находятся в рамках общественного дискурса о событиях Великой Отечественной войны и её трагического значения для страны.

Чаще всего и с большим отрывом от других возможных сюжетов молодые люди упоминают о блокаде и освобождении Ленинграда.

Блокада Ленинграда, голод и жестокость.

Точно о блокаде Ленинграда. Не видела еще фильмов, посвященных конкретно этому.

Я бы сняла фильм про Блокаду Ленинграда, потому что я считаю, что это очень важное событие.

Наряду с освобождением Ленинграда, молодёжь предлагает для экранизации основные сражения: Курскую дугу, Сталинградскую битву, оборону Москвы.

О Курской дуге, самом крупном танковом сражении в истории.

Он был бы посвящён процессу боевых действий с точки зрения простого солдата. В качестве ключевого события могли бы быть использованы битва за Москву или бой на Курской дуге.

Или же взятию Берлина как финальной точки наступления и завершения Великой Отечественной войны.

Я бы снял фильм о конце войны – взятии Берлина и взаимодействии, и общении солдат с его жителями, встречах Красной Армии с войсками союзников, возможно, о времени сразу после окончания войны.

Он был бы о капитуляции Германии и победе Советского Союза, ведь очень много фильмов сняты про войну, но лишь малая их часть принадлежит событиям после окончания военных действий.

В отдельную группу можно выделить сюжеты, не связанные непосредственно с боевыми действиями. Это, например, фильмы о детях войны или о роли женщины в военное время.

Скорее всего, это был бы фильм не о военных, которые воевали на фронте, а о том, как жили в это время дети и женщины.

Фильм был бы о быстром взрослении детей и сложной судьбе женщин в это время.

О том, как жил город, как женщины и дети встали у станков заводов, о том, как все ждали новостей с фронта.

Также молодые люди хотели бы быть авторами фильмов о судьбе простого человека и героизме русского народа, причем часто это описывается довольно патетично и с использованием штампов.

Он был бы о том, что русский народ выиграл войну, и все были счастливы.

О том, как русские не сдаются.

Таким образом, молодые люди преимущественно не отличаются особой рефлексией относительно сюжетных линий в фильмах о Великой Отечественной войне, а, скорее, повторяют общие нарративы: то, с чем они неоднократно сталкивались при просмотре советских и современных российских фильмов.

Если заглянуть на Кинопоиск, крупнейший отечественный ресурс, посвященный кино, которым активно пользуются молодые люди, то здесь практически во всех описаниях фильмов о войне используется набор жанров: например, «Т-34» – драма, военный, боевик, история, а «А зори здесь тихие...» – драма, военный, история; или у двух отечественных фильмов 2020 г. «Красный призрак» – триллер, военный, боевик и «Калашников» – биография, история. То есть совмещение различных жанров для фильмов о Великой Отечественной войне – довольно распространённое явление.

Среди жанров, которые способны повысить интерес к фильмам о войне, выделяются драмы и трагедии – к ним проявляют интерес 76 % молодых людей. Также повышен интерес к фильмам жанра автобиография, что свидетельствует о некотором запросе на документальность в фильмах о войне –

73 % проявят интерес к военному фильму такого жанра. Боевики и экшн-фильмы на третьем месте по проявленному интересу (70 %). Далее идут военные детективы, в них заинтересовано 66 % молодежи. Примерно в равной степени повышен интерес к фильмам о Великой Отечественной войне в жанре приключения и мелодрамы – такие фильмы интересуют 60 %. Среди жанров военных фильмов, которые способны испортить впечатление о фильме, выделяется эротический жанр, строго не приемлет его 38 %. Около трети строго против фильмов в жанре фэнтези, рассказывающих об истории Великой Отечественной. Примерно столько же считают, что пропагандистский нарратив однозначно испортит мнение о военном фильме. Со значительным отрывом далее идут жанры музыкального фильма и мультипликация – 19 % и 22 % соответственно находят эти жанры неприемлемыми для фильмов о Великой Отечественной войне.

Таким образом, историческое военное кино – сложный драматический жанр, который, согласно представлениям молодежи, должен совмещать историческую достоверность и автобиографичность, мелодраматичность и элементы экшн-фильма.

В структуре жанра фильмов о Великой Отечественной войне (рис. 1) молодежь ценит, прежде всего, историческую достоверность (70 %) и считает, что достоверности в таких фильмах должно быть как можно больше. Фильмы о войне как повод для размышлений – такую формулировку высказали 63 % опрошенных. На третьем месте вариант, согласно которому, сюжетов в военных фильмах, где раскрываются примеры мужества и стойкости, должно быть больше – так считает 60 % молодых людей. Также среди мнений о том, чего в фильмах должно быть больше, популярны такие факторы, как желание видеть сцены, вызывающие гордость за подвиг русского народа, наличие архивных кадров и фотографий, наличие захватывающего сюжета – так считает чуть меньше 60 % молодых людей.

Чаще всего молодые люди не хотят видеть в фильмах военного жанра супергероику и однополую любовь – больше половины не хотели бы встречать подобные сюжеты в художественных произведениях о войне (рис. 2). Также непопулярны сюжеты с эротическими сценами или видами обнаженного тела – больше 40 % считает это неприемлемым в фильмах такого жанра.

Приведённые данные говорят о том, что фильмы о Великой Отечественной войне во многом воспринимаются молодёжью в качестве исторического кинодокумента. Их основная цель – заставить задуматься над прошедшими событиями, воспитывать чувство гордости за подвиг народа. И уже только потом – увлекать захватывающим

Рис. 1. Должно быть как можно *больше* в фильмах и сериалах о Великой Отечественной войне, %
 Fig. 1. The information that the Great Patriotic War films and serials should contain as *much* as possible, %

Рис. 2. Должно быть как можно *меньше* в фильмах и сериалах о Великой Отечественной войне, %
 Fig. 2. The information that the Great Patriotic War films and serials should contain as *little* as possible, %

динамичным сюжетом. Отрицательные характеристики также свидетельствуют о важности достоверности показанного на экране. Поэтому зрители подчеркивают, что в таких фильмах не должно быть каких-либо преувеличений: суперспособностей персонажей, вымышленных драматических сцен, карикатурного изображения врага или же, собственно, преувеличения героизма с целью воодушевления зрителя.

В целом, молодёжь довольно осторожна в своих оценках, что и в какой мере должно присутствовать в фильмах о Великой Отечественной войне. Имея перед собой в качестве одобряемого образца фильмов о войне фильмы, вышедшие в Советском Союзе, молодые люди чаще стремятся не давать крайних оценок «больше» или «меньше», а отмечают, что «должно присутствовать в той мере, что есть сейчас». Простой частотный анализ ответов мало информативен, поэтому важно рассмотреть эти запросы с позиций теории «использования и удовлетворения».

В результате проведённого анализа были выделены шесть групп ожидаемых «эмоций вознаграждения» от просмотра молодыми людьми исторических фильмов, посвященных Великой Отечественной войне. Выделенные группы эмоций условно обозначены нами как идентичность, приятная среда, напряженность, достоверность, эскапизм и удивление.

Идентичность и интеграция

Согласно UGT, зрители используют развлекательные медиа для адаптации своего эмоционального состояния к происходящему в реальной жизни. Современная политическая ситуация, вызывая у молодежи беспокойство, способствует формированию запроса на редуцирование общей тревожности.

В ответах молодёжи прослеживается стремление, посмотрев исторический военный фильм, испытать гордость за свою страну, ощутить солидарность с другими поколениями и усилить социальную идентичность и интеграцию. Батальные сцены в художественных фильмах служат источником внутренней патриотической мотивации (Зернов, Игаева 2023). В эту группу триггеров вошли: воспитание чувства патриотизма; сцены, вызывающие гордость за подвиг русского народа; примеры мужества и стойкости; историческая достоверность; изображение красоты природы; архивные кадры и фотографии; подробности жизни и быта в военное время; сцены, которые наталкивают на размышления, заставляют задуматься.

Кроме того, эта группа включает ожидания от просмотра, связанные с потребностью в эмоциональном комфорте: эмоции, связанные с состоянием промежуточного возбуждения и удовольствия от сопереживания персонажам, которые воспри-

нимаются как «положительные»: захватывающий сюжет; сцены, которые заставляют плакать; счастливый конец.

Установление приятной среды и узнавание

Вторая выделенная нами группа ожиданий отражает тренды современной популярной культуры и объясняется спецификой молодежного медиагабитуса. Ожидания от просмотра, связанные с установлением приятной среды, включают достаточно разнообразные триггеры: присутствие в фильме кинозвезд, популярных саундтреков, любовную линию и юмор, захватывающий сюжет и счастливый конец.

Ожидания от просмотра, включенные в эту группу, связаны с позитивными эмоциями зрителей от узнавания знакомых культурных объектов в новом контексте. Кроме того, это дает возможность последующего обсуждения увиденного в фатическом режиме. Фатический дискурс, то есть общение ради общения, является процессом установления и поддержания контактов. Молодые люди ощущают потребность «быть в теме», следовать трендам современной культуры, при этом развлекательная медиапродукция дает общие темы для разговоров, релевантных для собеседников.

Триггеры «любовные взаимоотношения персонажей» и «счастливый конец», то есть требования к сюжетности, являются частью традиционной системы повествований. Зрители получают удовольствие, «разгадывая» дальнейшие события на основе хорошо знакомых (пусть не осознаваемых) нарративных фреймов, выделенных на основе русских сказок еще Владимиром Проппом (Пропп 2001). Модель В. Проппа легла в основу сторителлинга – обоснованных механизмов создания историй. Согласно этой модели, зрители интерпретируют медиатексты на основе автоматических когнитивных процессов; в основе сюжета лежат различные шаблоны действий и отношения между актерами в медиатекстах. С этой точки зрения развлекательные медиапроизведения создаются по определенным нарративным канонам; зрители испытывают удовольствие от легкости восприятия, узнавания персонажей и сюжетных ходов.

В зрительских ожиданиях присутствует экспектация «сцен, заставляющих смеяться»; по данным исследований (Брайант, Томпсон 2004, с. 385), юмор снижает осторожность и настраивает зрителей на положительное отношение к источнику общения. Кроме того, смех во время совместного просмотра формирует осознание общности восприятия и солидарности зрителей. Возможность «заразиться» общими эмоциями, почувствовать принадлежность к общей культуре действуют и в ситуации узнавания элементов популярной культуры в деталях фильма: персонажах, сыгранных популярными актерами, узнавании модных музы-

кальных мелодий. Все это подтверждает для зрителей их интегрированность в общий культурный контекст.

В этой группе присутствуют и общие для жанра блокбастера триггеры: «любовные взаимоотношения персонажей», «обнаженная натура» и «эротические сцены». В интерпретации теории использования и удовлетворения эти ожидания связаны с «переносом возбуждения» и поиском новых ощущений. Концепция «переноса возбуждения» (Zillmann 1996) предполагает, что эмоциональный подъём, возникающий в результате переживания эмпатического возбуждения, трансформируется в позитивные мысли и чувства, когда напряженный эпизод подходит к завершению.

В оптике UGT-триггеры «счастливый конец» и «захватывающий сюжет» являются эмоциями вознаграждения, связанными с состоянием эмоционального подъема от сопереживания «положительным» героям. Что касается специфики военных фильмов, идентификация себя с положительными героями фильмов о Великой Отечественной войне также отражает потребность испытать гордость за Родину.

Напряженность и поиск ощущений

Потребность «пощекотать нервы», находясь при этом в безопасности, реализуется через сцены жестокости в художественных фильмах. В выделенную группу ожиданий вошли следующие триггеры: натурализм, кровавые подробности в изображении ранений и смерти; чрезмерная жестокость (например, в изображении пыток в плену); гибель главных героев; страдание и муки; демонстрация преступлений фашизма, сцены, заставляющие плакать.

Притягательность натуралистических сцен жестокости и насилия, с точки зрения UGT, связывается с переживаемым катарсисом, то есть избавлением от собственных агрессивных наклонностей, доставляющих удовольствие. Катарсис объясняется концепцией «переноса возбуждения»: эмпатический дистресс трансформируется в позитивные мысли и чувства, когда напряженный эпизод подходит к счастливому концу. Те же эмоциональные реакции действуют на зрителей и при просмотре батальных сцен: напряжение, связанное с неуверенностью зрителей в развязке, делает сюжет увлекательней; а счастливый исход событий и снятие возникшего напряжения доставляет удовольствие.

Поиск ощущений предполагает, что зритель вряд ли сталкивается в реальной жизни с фактами крайней жестокости. Восприятие таких сцен связывается с новыми, сложными и интенсивными ощущениями и переживаниями на основе приобщения к табуированному опыту. Батальные сцены, гибель героев и сцены, заставляющие плакать, вы-

зывают у зрителей целый спектр сильных эмоциональных реакций, включая страх, тревогу, печаль. Вовлекаясь в сюжет фильма, зрители испытывают эмпатию по отношению к героям, и представляют себя на их месте, ощущая острые эмоции, которые, возможно, не получают в реальной жизни.

Достоверность и когнитивное удовлетворение

Несомненно, художественные фильмы, особенно основанные на реальных событиях, служат для зрителей источником просвещения и информации. Зачастую кинематографическая версия событий начинает превалировать над фактическим знанием о нём (Бугаева 2022, с. 252). В этом смысле исторические фильмы являются классическим примером инфотейнмента – медиапродукта, направленного как на развлечение, так и на информирование аудитории. Респонденты выделили ожидания от просмотра, связанные: с изображением других театров боевых действий (Европа, Китай, Япония и т.п.); интернационализмом и ролью других народов в достижении победы; подробностями жизни и быта в военное время; архивными кадрами и фотографиями. Отмечены также ожидания, связанные с исторической достоверностью.

По отношению к жанру исторических фильмов у зрителей формируются специфические когнитивные ожидания, подобные тем, что связываются с информационными медиа. С точки зрения UGT, информационные медиа выполняют три основные функции: наблюдение за внешней средой, связывание воедино фрагментов внешней среды и передача социальных норм.

Эти функции находят свое отражение в ожиданиях от просмотра художественных исторических фильмов. Этот жанр дает отсылку к действительным событиям, позволяет зрителям составить представление об окружающем мире и передает фрагменты «исторической памяти». В ответах респондентов прослеживается потребность в получении дополнительной информации о событиях, связанных с Великой Отечественной войной (другие театры боевых действий, интернационализм). Очевидно, респонденты уже имеют определенные представления о Великой Отечественной войне и указывают на ожидания, связанные с информационными лакунами.

Кроме того, молодежь связывает просмотр фильмов о Великой Отечественной войне с потребностью в размышлениях и рефлексии. Респонденты готовы видеть в фильмах отвлеченные философские рассуждения (например, о смысле жизни); намёки, отсылки к другим фильмам и художественным произведениям; художественные метафоры, иносказания, символизм; сцены, которые наталкивают на размышления. В термино-

логии UGT данная потребность обозначается как «эвдемоническая мотивация». Зрители обращаются к развлекательным медиапродуктам в поисках более глубоких смыслов, понимания цели в жизни, поиска красоты, повышения морального духа и понимания того, что думают и чувствуют другие.

Эскапизм и воображение

Наряду с ожиданиями достоверности, в исторических фильмах выявлена и группа ожиданий, связанных с вымыслом. Данная группа ожидаемых эмоций демонстрирует отношение к фильмам о Великой Отечественной войне как к развлекательным медиапродуктам. Являясь эффективным и приятным средством снижения неудовлетворенности и жизненных стрессов, развлечения предполагают получение удовольствия через отвлечение от реальности. Тем более что современное техническое развитие кинематографа этому во многом способствует (Эскенази 2012).

Являясь формой ухода от реальности, фильмы (как и другие произведения искусства) позволяют зрителю уходить в мир воображения, в терминологию А. Шюца, в «конечную область смысла» (Шюц 2003, с. 5), не связанную с повседневностью. Каждая из областей смысла предполагает использование специфического когнитивного стиля; погружение в мир фантазии дает возможность избежать на время необходимости «покорять внешний мир и преодолевать сопротивление его объектов» (Шюц 2003, с. 20), почувствовать эмоции, которым нет места в реальной жизни. В выделенную группу ожиданий входят триггеры, связанные с эскапизмом и выходом за пределы мира повседневной области смысла: преувеличение героизма с целью воодушевления зрителей; карикатурное или утрированное изображение врага с целью его расчеловечивания; способности персонажей, выходящие за рамки обычных (супергерои); вымышленные драматические сцены; религиозные мотивы.

Современные подходы в теории использования и удовлетворения обращают внимание на роль эмоций в удовлетворении сложных социальных потребностей, в том числе бегства от реальности, отвлечения и, как результат, – снятие общего напряжения. Исследования в рамках UGT показывают (Bartsch, Viehoff 2010), что эмоциональная вовлеченность в воображаемые миры художественных фильмов коррелирует с альтернативными способами восприятия (когнитивными стилями): «диегетической» вовлеченностью (погружение в сконструированный и сюжетно согласованный вымышленный мир); социововлеченностью (идентификация себя с персонажами) и эгововлеченностью (соотнесение фильма с собственной жизнью).

Кроме того, погружение в вымышленный мир фильма заставляет зрителя «читать между строк»,

требуя не только эмоциональной, но и когнитивной вовлеченности. Опосредованный опыт, переживаемый благодаря зрительскому воображению и следованию за сюжетом и персонажами, дает возможность задуматься о собственных ценностях; дать оценку поступкам героя и выборам, совершенным им; соотнести ситуации в фильме с собственной жизнью.

Удивление и зрелищность

Описанные выше потребности аудитории в выходе за пределы повседневной реальности находят свое отражение и в группе эмоций-ожиданий, связанных со зрелищностью. В эту группу ожиданий вошли требования к качеству визуального ряда фильмов: использование компьютерной графики, визуальные спецэффекты, зрелищность, масштабные батальные сцены, динамический сюжет, технические подробности вооружений. Требования к высокому качеству «картинки» связаны, с одной стороны, с практиками медиапотребления (просмотр в кинотеатрах); с другой стороны – это следствие «образного возврата» (Штомпка 2010, с. 5) современной культуры постмодерна.

Обилие «визуальных проявлений и представлений» (Штомпка 2010, с. 5), насыщенность социального пространства визуальными образами создает специфический медиагабитус, основной чертой которого становится примат образного, визуального измерения над текстовым и смысловым. Это черта не только художественных фильмов и медиасферы, но и всей современной культуры. Аудитория демонстрирует повышенные требования к зрительным образам, уровню обработки изображений, созданию виртуальной реальности, основанной на силе воображения.

На современные художественные фильмы, воспринимаемые аудиторией как «кино аттракционов» (The Cinema of Attractions Reloaded 2006), накладываются определенные ожидания, связанные с удивлением технологиями и удерживанием внимания различными кинематографическими средствами (монтаж, планы, спецэффекты и т.д.). Концепция «кино аттракционов» Тома Ганнинга (Gunning 2006) основана на понятии «монтаж аттракционов» Сергея Эйзенштейна, который обозначал этим термином сочетание «несочетаемых» планов и эффектов для усиления воздействия на зрителя режиссерского высказывания. Т. Ганнинг, исследуя ранний кинематограф, предложил рассматривать его не как примитивную фазу развития нарратива, а как особым образом сконструированное зрелище и, соответственно, антропологический феномен. Оформляясь в течение XX века как вид искусства, кинематограф использовал две возможности повествования, два визуальных языка: линию Люмьеров (нар-

ративное кино) и линию Мельеса (внимание к картинке и спецэффектам). Повышенные требования к визуальности демонстрируют своеобразный возврат к «кино аттракционов», к линии Мельеса, фильмы которого назывались феериями, вызывали шок, удивление и заставляли смеяться посредством использования трюков, красок и спецэффектов.

Исследователи, обсуждающие концепцию «кино аттракционов» применительно к современной стадии развития кинематографа, обращают внимание на то, что сама форма кинематографа 3D, 4D и жанр блокбастеров предполагает усиление роли технологий. Кино снова становится аппаратом, возможности которого зрителю интересно тестировать. Сама ситуация зрительского восприятия кинофильма предполагает погружение в мир аттракциона, увеличение доли эффектов прямого воздействия, переживания непривычных ощущений. Исторические фильмы, посвященные военной тематике, воспринимаются как фильмы в жанре экшн, с компьютерной графикой, визуальными спецэффектами, взрывами, масштабными батальными сценами и динамическим сюжетом.

Заключение

Выделенные группы ожиданий от просмотра (идентичность, установление приятной среды, напряженность, достоверность, эскапизм и удивление) демонстрируют, что военные фильмы с успехом совмещают идейное наполнение с жанром «блокбастера» для эмоционального вовлечения и удержания внимания зрителей. С одной стороны, они отвечают зрительским ожиданиям солидарности и интегрированности, реализуя функцию трансляции идеологии; воспитывают чувство гордости за родину и удовлетворяют потребность в информированности. С другой стороны, исторические военные фильмы отвечают современному медиагабитусу молодежи: они реализуют ожидания, связанные с чувством принадлежности к общей культуре, удовлетворяют потребности в зрелищности, эмоциональности. Можно констатировать, что историческому кино, посвященному Великой Отечественной войне, удастся соблюсти некий баланс между форматом (близости по стилистике и языку молодежному зрителю) и контентом (идеологическим, патриотическим посланием).

Библиографический список

Alasuutari, P. (1992), «I'm ashamed to admit it but I have watched Dallas». The moral hierarchy of television programmes, *Media Culture and Society*, 1992, vol. 14(1), pp. 561–582, DOI: <https://doi.org/10.1177/016344392014004>.

Bartsch, A., Viehoff, R. (2010), The use of media entertainment and emotional gratification, *Procedia Social and Behavioral Sciences*, 2010, vol. 5, pp. 2247–2255, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2010.07.444>.

Blumler, J.G., McQuail, D. (1968), *Television in politics: Its uses and influence*, Faber and Faber, London.

Gunning, T. (2006), The cinema of attraction: early film, its spectator, and the avant-garde, *The Cinema of Attractions Reloaded*, Ed. by W. Strauven, Amsterdam University Press, pp. 381–388.

The Cinema of Attractions Reloaded (2006), Ed. by W. Strauven, Amsterdam University Press, 464 p.

Zillmann, D. (1996), The psychology of suspense in dramatic exposition, *Suspense: Conceptualizations, Theoretical Analyses, and Empirical Explorations*, Eds. by P. Vorderer, H.J. Wulff, M. Friedrichsen, Mahwah, NY: Routledge, pp. 199–231.

Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. Москва: Издательский дом «Вильямс», 2004. 432 с.

Бугаева Л.Д. Советское прошлое на постсоветском телеэкране // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2022. Т. 12. Вып. 2. С. 243–258. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu15.2022.202>.

Ивченков С.Н., Никифоров Я.А., Ситникова С.В. Социальная память о Великой Отечественной войне в поколенческом ракурсе (кейс Саратовской области) // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 125–136. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250014473-3>.

Игаева К.В., Николаи Ф.В. Великая Отечественная война в советском и постсоветском кинематографе: проблемы ремедиации. // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 7. С. 197–211. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-7-197-211>.

Зернов Д.В., Игаева К.В. Белорусские партизаны в советском и постсоветском кино: взгляд студенческой аудитории, // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14, № 1 (123). DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840024131-3>.

Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Москва: Лабиринт, 2001. 144 с.

Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования. Москва: Логос, 2010. 126 с.

Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2. С. 3–34.

Эскенази Ж.-П. Кино, новые технологии и социальные диспозиции // Экранная культура. Теоретические проблемы. Отв. ред. К.Э. Разлогов. Санкт-Петербург: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2012. С. 563–578.

References

- Alasutari, P. (1992), «I'm ashamed to admit it but I have watched Dallas». The moral hierarchy of television programmes, *Media Culture and Society*, 1992, vol. 14(1), pp. 561–582, DOI: <https://doi.org/10.1177/016344392014004>.
- Bartsch, A., Viehoff, R. (2010), The use of media entertainment and emotional gratification, *Proceedia Social and Behavioral Sciences*, 2010, vol. 5, pp. 2247–2255, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2010.07.444>.
- Blumler, J.G., McQuail, D. (1968), *Television in politics: Its uses and influence*, Faber and Faber, London.
- Gunning, T. (2006), The cinema of attraction: early film, its spectator, and the avant-garde, *The Cinema of Attractions Reloaded*, Ed. by W. Strauven, Amsterdam University Press, pp. 381–388.
- The Cinema of Attractions Reloaded* (2006), Ed. by W. Strauven, Amsterdam University Press, 464 p.
- Zillmann, D. (1996), The psychology of suspense in dramatic exposition, *Suspense: Conceptualizations, Theoretical Analyses, and Empirical Explorations*, Eds. by P. Vorderer, H.J. Wulff, M. Friedrichsen, Mahwah, NY: Routledge, pp. 199–231.
- Bruant, J., Thompson, S. (2004), *Bases of influence of mass media*, Publishing House «Williams», Moscow, Russia.
- Bugaeva, L.D. (2022), The soviet past on post-soviet TV screen, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie = Vestnik of Saint Petersburg University. Arts*, vol. 12, no 2, pp. 243–258, DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu15.2022.202>.
- Ivchenkov, S.G., Nikiforov, Y.A., Sitnikova, S.V. (2021), Social memory of Russians about the Great Patriotic War (the case of the Saratov Region), *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, no 7, pp. 125–136, DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250014473-3>.
- Igaeva, K.V., Nikolai, F.V. (2022), Great Patriotic War in soviet and post-soviet cinematography: problems of remediation, *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, vol. 11, no 7, pp. 197–211, DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-7-197-211>.
- Zernov, D.V., Igaeva K.V. (2023), Belarusian partisans in soviet and post-soviet cinema: the view of a student audience, *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya» = online Journal of Education and Science «History»*, vol. 14, no 1 (123), DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840024131-3>.
- Propp, V.Y. (2001), *The morphology of a fairy tale*, Labyrinth, Moscow, Russia.
- Stompka, P. (2010), *Visual sociology. Photography as a research method*, Logos, Moscow, Russia.
- Schutz, A. (2003), On multiple realities, *Sociologicheskoe obozrenie = Sociological Review*, vol.3, no 2, pp. 3–34.
- Eskenazy, G.-P. (2012), Cinema, New Technologies and Social Dispositions, *In Screen Culture. Theoretical Problems*, Ed. By K.E. Raslogov, St-Petersburg: «Dmitry Bulanin», pp. 563–578.

Submitted: 01.07.2023

Revised: 23.08.2023

Accepted: 29.09.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.346.32-053.6

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-3-88-95

Дата поступления: 01.07.2023
рецензирования: 23.08.2023
принятия: 29.09.2023

С.Ю. Митрофанова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: mit_s@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9571-9883>

Социальные идентичности и практики консолидации современной молодежи: опыт отечественных и зарубежных исследований

Аннотация: статья основана на синтезе исследовательских наработок отечественных и зарубежных авторов, освещающих вопросы самоидентификации молодых людей и практик их объединения. Данный интерес продиктован проектом, реализуемым на территории Самарской области «Идентичности и практики консолидации молодежи: региональный аспект». В статье используются результаты исследований зарубежных ученых, в которых обсуждаются вопросы цифровой, этническо-расовой, религиозной идентичностей, а также идентичностей бедной молодежи в условиях утверждения ценностей потребительской культуры. Среди отечественных исследований значимы результаты всероссийского проекта по событийности детства под руководством С.Н. Майоровой-Щегловой: «Событийность поколения Z» (2018г.). Важны результаты исследований по изучаемому вопросу, полученные в Самарском регионе, это исследования, посвященные вопросам социально-медицинского волонтерства, значению деятельности народных творческих коллективов в сохранении и развитии культуры русского народа. Обнаружено, что за рубежом проблемы формирования идентичностей помещены преимущественно в контекст практик консолидации различных меньшинств, социально-уязвимых, дискриминируемых групп молодежи. В отечественных исследованиях иной подход: вопросы самоидентификации рассматриваются в соотношении с различного рода активностями самих молодых, их включения в различные просоциальные форматы групповых объединений. Считаем второй подход более продуктивным в российских условиях.

Ключевые слова: молодежь; идентичности молодежи; локальные идентичности; практики консолидации молодежи; опыт отечественных и зарубежных исследований; региональный проект.

Цитирование: Митрофанова С.Ю. Социальные идентичности и практики консолидации современной молодежи: опыт отечественных и зарубежных исследований // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 3. С. 88–95. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-88-95>.

Благодарности: статья выполнена при финансовой поддержке Губернского гранта в области науки и техники (Самарская область, 2023 г.).

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Митрофанова С.Ю., 2023 – доцент кафедры социологии и культурологии, доцент кафедры социологии региональных и политических процессов, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

S.Yu. Mitrofanova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: mit_s@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9571-9883>

Social identities and consolidation practices of the modern youth: the experience of Russian and foreign studies

Abstract: the article is based on the synthesis of research advances of Russian and foreign authors covering the issues of young people's self-identification and the practices of their association. This interest is caused by the project implemented in the Samara region «Youth Identity and consolidation practice: re-

gional aspect». The article uses the research results of foreign scientists, which discuss the issues of digital, ethnic-racial, religious identities, as well as the identities of poor youth in the context of establishing the consumer culture values. The results of the All-Russian project «Z Generation Eventivity» (2018) on the childhood eventivity, directed by S.N. Mayorova-Shcheglova, are significant. The research results on the issue under study, obtained in the Samara region, are important. These studies are on the social and medical volunteering, the importance of the activities of folk performance teams for preserving and developing the Russian culture. It was found that the identity problems in foreign studies are mainly placed in the context of consolidation practices of various minorities, socially vulnerable, discriminated youth groups. Russian studies have another approach: the self-identification issues are considered as related to various activities of the young people, their participation in various prosocial groups. We consider the second approach to be more productive in the Russian conditions.

Key words: youth; youth identities; local identities; youth consolidation practices; experience of Russian and foreign research; regional project.

Citation: Mitrofanova, S.Yu. (2023), Social identities and consolidation practices of the modern youth: the experience of Russian and foreign studies, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 3, pp. 88–95, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-88-95>.

Acknowledgments: the article is supported by the Gubernsky (regional) grant in science and technology (the Samara region, 2023).

Information on conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

© **Mitrofanova S.Yu., 2023** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociological and Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Sociology of Regional and Political Processes, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (st.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

В Самарском регионе в 2023 году реализуется проект «Идентичности и практики консолидации молодежи: региональный аспект», позволяющий выявить находящиеся в процессе формирования локальные идентичности молодых людей и практики их консолидации. Региональный характер проекта определяется научным интересом в осмыслении этого вопроса именно в Самарской области. Начальным этапом его реализации выступает анализ уже имеющихся исследовательских наработок в данной сфере.

В самом общем виде под социальной идентичностью молодых людей понимаем то, как они определяют себя в социуме. В качестве рабочей трактовки в определении самоидентификации молодых берем за основу позицию В.А. Ядова, рассматривавшего её вслед за И.С. Коном (Кон 1984) как «самооценку собственных личностных свойств и потенций в качестве деятельного субъекта, включая социорольевые, нравственные психические, физические и иные качества, как они представляются индивиду в его собственном самосознании и восприятии других, прежде всего со стороны референтных групп» (Ядов 1995, с.163). Нас будут интересовать социальные идентичности молодежи, формирование которых связано с траекториями, которые выстраивают молодые люди в поисках которых определении себя. Важными аспектами формирования самоидентичности молодых людей считаем коммуникативный, социализационный, ролевой. Исходим из того, что представления молодого человека о себе, соб-

ственной принадлежности к определенным социальным группам оказывают влияние на выбор тех объединений, в которые он/она будут включаться, на эмоциональную оценку его/её групповой принадлежности и в целом на межгрупповое поведение молодых. Нас будут интересовать, в первую очередь, групповые локальные идентичности молодежи, формирующиеся в процессах их взросления, а также практики консолидации, выступающие как условие и/или возникающие как результат формирования этих идентичностей.

Практики рассматриваем вслед за П. Бурдые как объективированные и инкорпорированные продукты практической истории, структуры и габитусы (Бурдые 1998, с. 45). Практики консолидации молодежи обсуждаем в контексте идеи молодежных солидарностей, развиваемой Центром молодежных исследований НИУ ВШЭ (Омельченко 2013а, 2013б), (Омельченко, Омельченко 2022), (Крупец 2013), (Желнина, Зиновьев, Кулева 2013). Таким образом, практики консолидации молодых определяем как объективированные и инкорпорированные ими способы объединения в различных форматах, определяющих групповую идентичность юношей и девушек, на основе их собственных интересов, желаний, устремлений. Нас в первую очередь будут интересовать просоциальные форматы объединения молодых, их включение в деятельность общественных организаций различной направленности: этнической, волонтерской и т. д., как те, что способствуют успешной социализации, формированию реальной гражданской позиции.

В соответствии с обозначенным исследовательским интересом отметим, что, в целом, в проанализированной нами литературе акцент ставится на исследовании идентичностей, коммуникативных практик молодых, значения для них эмоциональных привязанностей как способов формирования идентичностей и групповых форм консолидации, а также транзичиях молодежи во взрослую жизнь.

Как в отечественной, так и в зарубежной литературе в фокусе внимания различные идентичности молодых, например, потребительские, цифровые, этнические, религиозные и другие. Важным в этом ключе является понимание того, что какие-то идентичности могут препятствовать, а какие-то способствовать определенным форматам консолидации молодых людей. Идентичности создают как особые возможности, так и серьезные ограничения для субъективной трансформации юношей и девушек и формирования ими различных солидарностей. Остановимся на некоторых исследованиях как иллюстрациях осмысления идентичностей и практик консолидации молодежи, отдельные выводы которых могут быть полезны для понимания этого вопроса.

Что касается зарубежных разработок, то, во-первых, интерес представляет работа P. Vaе Brandtzaeg, M.-A. Chaparro-Domínguez, где исследуются цифровые идентичности молодежи на основе цифровых следов, которые они оставляют в контексте становления профессиональной идентичности журналиста (Brandtzaeg, Chaparro-Domínguez 2020). В другом аспекте обращает на себя внимание исследование S. Maiya, G. Carlo, A.M. Landor, M.K. Memmott-Elison, в котором изучалась роль этническо-расовой и религиозной идентичностей во взаимосвязи с этническо-расовой социализацией и просоциальным поведением чернокожей молодежи (Maiya, Carlo, Landor, Memmott-Elison 2021). Наконец, в статье L.R. De Castro поднимается проблема формирования идентичностей бедной молодежью Бразилии в противоречивых условиях, с одной стороны, утверждения значимости ценностей потребительской культуры, показателей развития, идущих от «стран севера» и диктующих для других стран «жизнеспособный» дальнейший маршрут, а с другой – отсутствия у молодежи Бразилии равенства возможностей, всеобщего образования и прав, т.е. условий для реального воплощения ценностей этой культуры, что связано с наличием экстремального социального расслоения на богатых и бедных в бразильском обществе (De Castro 2006). Отметим, что описанная L.R. De Castro ситуация очень схожа с современной российской действительностью, также характеризующейся существенным социальным расслоением.

Среди отечественных работ интерес представляет всероссийский проект по событийности

детства под руководством С.Н. Майоровой-Щегловой, где в качестве объекта заявлена молодежь (Майорова-Щеглова, Митрофанова 2020), (Майорова-Щеглова, Колосова, Губанова 2020). В этом проекте молодым юношам и девушкам были заданы вопросы, в том числе связанные как с формированием идентичностей, так и с формами объединений. Особое значение для нашего собственного исследования имеют данные по изучению идентичностей и практик консолидации молодежи, выполненные в Самарском регионе. Так, исследование Л.В. Вандышевой посвящено вопросам социально-медицинского волонтерства как одной из форм консолидации молодежи непрофильных направлений подготовки Самарского университета (Вандышева 2023). В свою очередь, А.А. Пустарнакова, Т.А. Батищева доказывают важную роль деятельности народных творческих коллективов в сохранении и развитии культуры русского народа по данным исследования, проведенного в Самарском регионе (Пустарнакова, Батищева 2022).

Таким образом, современными авторами на уровне эмпирических исследований заявляется широкий спектр тем и поднимаемых в них вопросов для обсуждения, однако нас в этих проектах будет интересовать фокус, связанный с формированием идентичностей и формами объединения молодежи. Исходя из этого факта, цель данной статьи: обобщить отечественный и зарубежный опыт изучения социальных идентичностей и практик консолидации современной молодежи, сфокусировав внимание на социальных и культурных формах объединений как условий формирования идентичностей.

Методы

Данная статья основана на синтезе отечественных и зарубежных разработок в области изучения идентичностей и практик консолидации современной молодежи. Исследовательские проекты были выделены на основе авторского интереса в этой сфере, вызванного представленными в статьях различными ракурсами исследования идентичностей и форм объединения молодежи. Однако выбор подвергающихся нами анализу исследований обусловлен не только рассматриваемыми в них вопросами, имеющими отношение к теме реализуемого проекта «Идентичности и практики консолидации молодежи: региональный аспект», но и другими обстоятельствами, связанными с текущей ситуацией в современном российском обществе. Что касается зарубежных исследований, то этот выбор определяется в том числе открытым характером размещения работ, а отечественных – включённостью автора в реализуемый проект и локальностью проектов, ориентированных на получение информации именно в Самарском регионе.

Зарубежные авторы Р.В. Brandtzaeg, М.-Á. Chaparro-Domínguez провели 15 глубинных интервью с молодыми людьми (9 молодых женщин и 6 молодых мужчин 21–26 лет из Испании и Норвегии), недавно вступившими в трудовую деятельность в качестве журналистов (опыт от 6 месяцев до 3 лет), подвергли их анализу и выявили проблемы, связанные с изменением их идентичности, управлением впечатлениями в социальных сетях. Учёные выясняли то, как молодые люди следили за своим имиджем и подвергали самоцензуре как предыдущий, так и текущий контент, созданный ими самими в социальных сетях с учетом сложившейся к настоящему моменту времени их профессиональной идентичности (Brandtzaeg, Chaparro-Domínguez 2020, p.162-164).

L.R. De Castro, анализируя идентичности бедной молодежи Бразилии, выдвигает гипотезу, объясняющую процесс её конструирования логикой их выживания, и иллюстрирует гипотезу, обращаясь к статистике по численности молодёжи Бразилии, уровню жизни населения, и особое внимание уделяет обсуждению трех кейсов с наркоторговцем, религиозным фанатиком и рабочим (De Castro 2006, p.179).

Участниками исследования S. Maiya, G. Carlo, A.M. Landor, M.K. Memmott-Elison выступили 208 чернокожих молодых людей от 18 до 25 лет из университетов США. Ученые выдвинули гипотезу о том, что этнически-расовая социализация будет положительно связана как с этнически-расовой идентичностью, так и с развитием религиозной идентичности, что, в свою очередь, будет положительно связано с просоциальным поведением чернокожей молодёжи. Исследование основывалось на данных, полученных с нескольких сайтов, на которых участники проходили онлайн-опрос, составленный с использованием шкалы Лайкерта, которая была разработана для выявления этнически-расовой идентичности и социализации, религиозной идентичности и просоциального поведения (Maiya, Carlo, Landor, Memmott-Elison 2021, p. 37–40).

Что касается отечественных авторов, то Л.В. Вандышева проводит исследование в несколько этапов. Объектом в рамках эмпирического этапа исследования выступили 87 волонтеров Самарского университета, принявших участие в акции помощи медицинскому персоналу учреждений здравоохранения во время пандемии COVID-19 в 2019–2021 гг. Основным эмпирическим методом заявлено анкетирование. Также проведены интервью с волонтерами, отработавшими от 10 до 20 смен (Вандышева 2023, с. 98).

А.А. Пустарнакова и Т.А. Батищева рассматривают проблемы сохранения и развития русской культуры в Самарском регионе на основе данных социологического исследования, в котором был

использован метод полуструктурированного качественного интервью, всего собрано 10 интервью с артистами Волжского русского народного хора (Пустарнакова, Батищева 2022 с.163).

Наконец, в рамках проекта по анализу событийности детства, выполненного под руководством С.Н. Майоровой-Щегловой в 2018 г. респондентов просили выбрать возраст от 3 до 18 лет, вспомнив и указав, когда в их биографии произошло одно из перечисленных событий, всего указано более 70 событий (N = 774; метод онлайн-анкетирования, ВНИК под рук. С.Н. Майоровой-Щегловой) (Майорова-Щеглова, Колосова, Губанова 2020).

Таким образом, мы выяснили, что в анализируемых работах как отечественных, так и зарубежных авторов используется широкая палитра эмпирических методов. Учёные применяют как качественную методологию и различные разновидности метода интервью в ее рамках, так и количественный подход, реализуемый через онлайн-опросы, анкетирование, статистический анализ данных.

Результаты

Рассмотрим, к каким итогам приходят учёные, изучая различные виды идентичностей молодых людей: профессиональной, цифровой, потребительской, этнической и других и форм их консолидации. В зарубежных исследованиях при рассмотрении этого вопроса акцент сделан преимущественно на исследовании социально уязвимых аспектов идентичности: проблем, которые мешают построению нынешней идентичности, идентичностей меньшинств и других.

Р. Вае Brandtzaeg, М.-Á. Chaparro-Domínguez приходят к выводам о том, что участники их исследования были озабочены цифровыми следами своей юности, которые несовместимы с их нынешней профессиональной идентичностью и репутацией. Опрошенные высказали опасения по поводу возможных будущих негативных реакций на старый контент, который они размещали в социальных сетях. Опыт работы информантов в Интернете может быть использован против них и нанести ущерб их профессиональной идентичности. И связано это с тем, что в прошлом они делились рискованным контентом или контентом, за который теперь испытывают чувство стыда (Brandtzaeg, Chaparro-Domínguez 2020, p.164-170). Р. Вае Brandtzaeg, М.-Á. Chaparro-Domínguez подчеркивают, что быстрый рост использования цифровых технологий с цифровыми отпечатками социальных взаимодействий и самовыражений со временем может нанести ущерб, связанный с обеспечением конфиденциальности, важной для вновь приобретаемых идентичностей, а также то, что цифровые следы могут иметь долгосрочные последствия и повлиять на важные жизненные

перемены (Brandtzaeg, Chaparro-Domínguez 2020, p. 170–171). Таким образом, цифровые следы, показывающие изменение идентичности в прошлом, могут служить препятствием для включения молодых людей в различные групповые формы солидарностей в настоящем и будущем. Для реализации замысла авторского проекта данная статья важна тем, что показывает значимость исследования динамики формирования идентичностей и включения молодежи в различные объединения, а также условий, способствующих и/или препятствующих этому включению.

L.R. De Castro, исследуя потребительскую идентичность молодых Бразилии, приходит к выводам о том, что стремление молодежи выжить в неблагоприятных материальных и экзистенциальных условиях приводит к недальновидной оценке себя и своих жизненных шансов, когда молодые люди принимают то, что кажется наиболее выгодным в краткосрочной перспективе и отказываются от перспективных представлений о себе. Учёный доказывает, что сочетание бедных условий жизни подавляющего большинства бразильской молодежи с культивируемой внешней средой потребностями в потреблении, наиболее ощутимыми в больших городах, не благоприятствует конструированию идентичности в терминах творческой гибридизации, выбору из множества возможностей. Для бедной молодежи Бразилии краткосрочные выгоды кажутся более привлекательными. Молодые люди становятся жертвами консюмеризма, когда глобальные требования «включённости» в культуру потребления товаров, удовольствий стали общим фоном, определяющим идентичность молодежи. L.R. De Castro подчеркивает, что в этих условиях большинство молодых людей лишены типичных для западных стран практик потребления, таких как поход в кино, знакомство с цифровыми технологиями и компьютером или просто езда на автомобиле. Потребительские ожидания бразильской молодежи в основном направлены на такие объекты, как одежда и досуг. Правильно одеваясь, приобретая модные вещи, можно посещать торговые центры, кинотеатры и другие места отдыха. Также L.R. De Castro поднимает проблему отсутствия в Бразилии значимых объединений как сетей, в которых культивировались бы установки, мировоззренческие позиции, альтернативные ценностям общества потребления. L.R. De Castro доказывает, что музыкальное самовыражение стало распространенным и, возможно, единственным культурным средством, с помощью которого бедные молодые люди могут озвучивать те неподобающие условия, в которых они находятся. Будучи отстраненными и бесправными зрителями потребительской культуры, бедные молодые люди как сообщество способны посредством своих песен конструировать потребление с иной точки зрения.

Ученый делает вывод о том, что несопоставимый и огромный разрыв между богатыми и бедными в Бразилии и доминирование требований потребительской культуры приводят к тому, что представления о себе и жизненные шансы бразильской молодежи, находящейся в неблагоприятном положении, сводятся к сиюминутным возможностям в ущерб более продуманным и творческим возможностям самоидентификации. В итоге автор статьи подчеркивает важность классовых различий в Бразилии, значимость которых ставится под сомнение в обществах постмодерна, и отмечает, что классовая принадлежность молодых обеспечивает неравный доступ к материальным и символическим богатствам, что важно для осмысления процессов идентификации и принадлежности молодежи к тем или иным объединениям (De Castro 2006, p. 179–201). Для понимания идентичностей молодых и практики их консолидации данная статья важна и тем, что показывает значение социальных и культурных объединений. Последние могут обеспечить альтернативное асоциальным траекториям формирование идентичностей, ориентированных на просоциальные цели и практики, в отличие от сиюминутных выгод, которые могут привлекать ту часть молодежи, которая некритично воспринимает в ценности общества потребления и слепо в них верит.

S. Maiya, G. Carlo, A.M. Landor, M.K. Memmott-Elison, изучая опосредующую роль расово-этнической и религиозной идентичностей в формировании просоциального поведения чернокожих студентов США, исходили из того, что люди, которые идентифицируют себя как чернокожие, разделяют социально-исторический контекст, который приводит к общему культурному опыту в Соединенных Штатах. Ученые доказывают, что многие практики этнически-расовой социализации развивают этнически-расовую идентичность молодых людей, знакомя их с положительными аспектами их культурной истории и наследия. Авторы статьи показывают, что этнически-расовая социализация в семьях чернокожих может также включать в себя религиозные и духовные послания. Чернокожие семьи обычно посещают религиозные учреждения, где чернокожую молодежь знакомят не только с религией, но и с их уникальным этнорасовым происхождением. Исследователи доказывают, что этнически-расовая социализация связана как с этнически-расовой, так и с религиозной идентичностью молодых людей из числа этнических меньшинств. S. Maiya, G. Carlo, A.M. Landor, M.K. Memmott-Elison приходят к ключевому выводу о том, что как этнические, так и расовые идентичности и религиозная принадлежность опосредуют связи между этнорасовой социализацией и просоциальным поведением черноко-

жей молодежи. В то время как прямых связей между этнически-расовой социализацией и просоциальным поведением чернокожей молодежи обнаружено не было (Maiya, Carlo, Landor, Memmott-Elison 2021, p. 40–44). Это исследование для понимания замысла авторского проекта важно тем, что показывает опосредующую роль идентичности между социализацией и формированием просоциального поведения молодежи.

В отечественных исследованиях вопросы идентичности и формы объединений молодежи рассматриваются в контексте различных активностей молодежи, считаем этот ракурс очень продуктивным для реализуемого нами проекта «Идентичности и практики консолидации молодежи в Самарском регионе».

Л.В. Вандышевой выявлена мотивация участия обучающихся Самарского университета в волонтерстве; проблемы, с которыми они столкнулись; уровень готовности к продолжению участия в волонтерской деятельности. Автор отмечает, что среди мотивов волонтеров непрофильных направлений подготовки преобладают гражданские и практические мотивы. Основной проблемой волонтеры называли проблему транспортной доставки. Автор предполагает, что речь шла о недостаточно хорошо организованной работе муниципального транспорта. Л.В. Вандышева делает вывод о недостаточно сформированной готовности волонтеров выступать в роли социально-медицинских волонтеров, объясняя эти данные спецификой данного вида деятельности (Вандышева 2023, с. 98–101). Данная статья может быть полезна для реализуемого проекта тем, что показывает значимость форм консолидации, (не)готовность включаться в эти объединения в контексте определения собственных мотивов, навыков, готовности

к соответствующим видам деятельности, характерным для данных объединений.

А.А. Пустарнакова и Т.А. Батищева, обсуждая проблемы сохранения и развития русской культуры, приходят к выводу о том, что «сегодня важно возрождать национальное достоинство и авторитет России в современном мире, укреплять духовно-нравственное здоровье россиян, что невозможно без осознания собственной культурной самобытности, богатейшего наследия народной культуры» (Пустарнакова, Батищева 2022, с.164). Творческие коллективы, по мнению авторов, реализуют эту задачу и способствуют сохранению и развитию национальных, историко-культурных традиций. Для реализуемого нами проекта данная статья важна тем, что показывает значимость объединений, защищающих национальные и государственные интересы России, и тем самым задающих ориентиры взросления молодежи, демонстрирующие успешные практики их социализации.

Данные исследования молодежи по событиям детства (рук. С.Н. Майорова-Щеглова) указывают на то, что различные виды идентичностей и практик объединения молодых имеют свою биографическую историю, начинают формироваться в разных возрастах детства (см. табл. 1).

Возраст наступления рассматриваемых событий детства показывает динамичность процесса формирования этнической, коммуникативной, гражданской, профессиональной, политической идентичностей молодых. Это своего рода «маршрут» формирования этих идентичностей в типичной индивидуальной биографии. Отметим, что профессиональная и политическая идентичности имеют выраженный гендерный аспект: девочки позже, чем мальчики, определяются с профессией

Таблица 1

Некоторые события детства как показатели формирования различных идентичностей и солидарностей молодых (2018, N=774)

Table 1

Some childhood events as markers of the youth various identities and solidarities (2018, N=774)

№	Событие	Средний возраст наступления у всех (в годах)	Средний возраст наступления у мальчиков (в годах)	Средний возраст наступления у девочек (в годах)
1	Я узнал(а), какой я национальности	5,8	5,9	5,7
2	Я сам(а) стал(а) выбирать себе друзей, подруг	6,8	7	6,8
3	Я участвовал(а) в волонтерском проекте (помогл(а), организовывол(а) что-то без денег, от души)	14,2	14,1	14,3
4	Я решил(а), кем я хочу стать по профессии	15	14,7	15,4
5	Я ходил(а) на политические митинги и выборы	16,5	16	16,7

и проявляют политическую активность. Данное исследование для нашего собственного проекта важно пониманием того, что идентичности и практики консолидации необходимо рассматривать в гендерном измерении и во временном аспекте в контексте индивидуальных биографий, посредством анализа которых можно выйти на определенные траектории формирования идентичностей молодых и форм их солидарностей.

Обсуждения и заключение

За рубежом проблемы формирования идентичностей помещены преимущественно в контекст исследования различных меньшинств, социально уязвимых, дискриминируемых групп молодёжи. В отечественных исследованиях иной подход. Здесь вопросы самоидентификации рассматриваются в соотношении с различного рода активностями самих молодых, их включения в различные форматы групповых объединений. Считаю второй подход более продуктивным в российских условиях, позволяющим изучать так называемую «обычную» молодёжь, типичные самоидентификации молодых и практики их консолидации.

В контексте исследовательского интереса проведенный обзор существующих наработок актуализирует вопросы исследования того, как изменялись идентичности молодых людей, включенных в те или иные общественные объединения, как предыдущий их опыт мешал или наоборот способствовал вхождению в различные просоциальные объединения, каково эмоциональное отношение к последним. Важно понимание значения уже существующих социальных и культурных форм объединений молодёжи как условий формирования их идентичностей, понимание механизмов рекрутирования в них, а также осмысление опосредующей роли идентичности между процессами социализации и формирования просоциального поведения молодёжи, и в том числе их включения в соответствующие объединения. Данные исследовательские вопросы составят теоретико-методологическую основу для разрабатываемого нами проекта по исследованию идентичностей молодых и практик их консолидации в Самарском регионе.

Библиографический список

Brandtzaeg, P.B., Chaparro-Domínguez, M.-Á. (2020), From youthful experimentation to professional identity: Understanding identity transitions in social media, *Young*, vol. 28(2), pp. 157–174, DOI: <https://doi.org/10.1177/1103308819834386>.

De Castro, L.R. (2006), What is new in the 'so uth'? Consumer culture and the vicissitudes of poor youth's identity construction in urban Brazil, *Young*, vol.14 (3), pp. 179–201, DOI: <https://doi.org/10.1177/1103308806065815>.

Maiya, S., Carlo, G., Landor, A.M., Memmott-Elison, M.K. (2021), Ethnic-racial and religious identity as mediators of relations between ethnic-racial socialization and prosocial behaviors among black young adults, *Journal of Black Psychology*, vol. 47(1), pp. 31–50, DOI: <https://doi.org/10.1177/0095798420971388>.

Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 44–59.

Вандышева Л.В. Социально-медицинское волонтерство в непрофильном вузе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29. № 1. С. 95–103. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-95-103>.

Желнина А.А., Зиновьев А.А., Кулева М.И. «На районе»: Молодёжные солидарности на городской периферии // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 69–76.

Кон И.С. В поисках себя (личность и ее самосознание). Москва: Политиздат, 1984.

Крупец Я.Н. Студенческая молодёжь в СМИ: особенности репрезентации // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 61–69.

Майорова-Щеглова С.Н., Митрофанова С.Ю. Раннее взросление или инфантилизация: парадокс событийности современного детства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020 Т. 13. Вып. 1. С. 25–39. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.102>.

Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А., Губанова А.Ю. Событийность детства: к вопросу об эмпирических доказательствах теории поколений // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 3–15. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250008796-8>.

Омельченко Е.Л. Молодёжный вопрос: поворот к исследованию новых молодёжных солидарностей (вступительное слово) // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 51–51.

Омельченко Е.Л. Солидарности и культурные практики российской молодёжи начала XXI века: теоретический контекст // Социологические исследования. 2013. № 10. С.52–61.

Омельченко Д.А., Омельченко Е.Л. В поисках дома. Региональная идентичность молодых калининградцев: жизненные стратегии и миграционные намерения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 309–332. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2317>.

Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы социальной идентификации личности // Мир России. 1995. № 3–4. С. 158–181.

Пустарнакова А.А., Батищева Т.А. Проблемы сохранения и развития русской культуры в деятельности творческих коллективов // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокуль-

турных процессов в регионах Российской Федерации. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти Л.М. Дробизиной. Под редакцией Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань), 2022. С. 162–165.

References

- Brandtzaeg, P.B., Chaparro-Domínguez, M.-Á. (2020), From youthful experimentation to professional identity: Understanding identity transitions in social media, *Young*, vol. 28(2), pp. 157–174, DOI: <https://doi.org/10.1177/1103308819834386>.
- De Castro, L.R. (2006), What is new in the 'so uth'? Consumer culture and the vicissitudes of poor youth's identity construction in urban Brazil, *Young*, vol.14 (3), pp. 179–201, DOI: <https://doi.org/10.1177/1103308806065815>.
- Maiya, S., Carlo, G., Landor, A.M., Memmott-Elison, M.K. (2021), Ethnic-racial and religious identity as mediators of relations between ethnic-racial socialization and prosocial behaviors among black young adults, *Journal of Black Psychology*, vol. 47(1), pp. 31–50, DOI: <https://doi.org/10.1177/0095798420971388>.
- Burd'e, P. (1998), Structure, habitus, practice, *Sociology and Social Anthropology Research*, vol. 1, no.2, pp. 44–59.
- Vandyshcheva, L.V. (2023), Social and medical volunteering in a non-core university, *Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology*, vol.29, no.1, pp. 95–103, DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-95-103>.
- Zhel'nina, A.A., Zinov'ev, A.A., Kuleva, M.I. (2013), "In the district": Youth solidarity on the urban periphery, *Sociological Research*, no. 10, pp. 69–76.
- Kon, I.S. (1984), *In search of self (personality and its self-consciousness)*, Politizdat, Moscow, Russia.
- Krupec, Ja.N. (2013), Student youth in the media: features of representation, *Sociological Research*, no. 10, pp. 61–69.
- Majorova-Shheglova, S.N., Mitrofanova, S.Ju. (2020), Early adulthood or infantilization: the paradox of the eventfulness of modern childhood, *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*, vol. 13, issue 1, pp. 25–39, DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.102>.
- Majorova-Shheglova, S.N., Kolosova, E.A., Gubanova, A.Ju. (2020), The eventfulness of childhood: on the question of empirical evidence of the theory of generations, *Sociological Research*, no.3, pp. 3–15, DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250008796-8>.
- Omel'chenko, E.L. (2013a), The youth question: a turn to the study of new youth solidarities (introductory word), *Sociological Research*, no. 10, pp. 51–51.
- Omel'chenko, E.L. (2023b), Solidarity and cultural practices of Russian youth of the beginning of the XXI century: theoretical context, *Sociological Research*, no. 10, pp. 52–61.
- Omel'chenko, D. A., Omel'chenko, E. L. (2022), In search of a home. Regional identity of young Kaliningrad residents: life strategies and migration intentions, *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 6, pp. 309–332, DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2317>.
- Jadov, V.A. (1995), Social and socio-psychological mechanisms of social identification of a person, *The World of Russia*, no. 3–4, pp. 158–181.
- Pustarnakova, A.A., Batishheva, T.A. (2022), Problems of preservation and development of Russian culture in the activity of creative collectives, *Positive Experience of Regulation of Ethnosocial and Ethnocultural Processes in the Regions of the Russian Federation*, Materials in the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the memory of L.M. Drobizheva, Edited by G.F. Gabdrakhmanova, G.I. Makarova, L.V. Sagitova, Shigabutdin Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan), Kazan: pp. 162–165.

Submitted: 01.07.2023

Revised: 23.08.2023

Accepted: 29.09.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-3-96-106

Дата поступления: 01.07.2023
рецензирования: 23.08.2023
принятия: 29.09.2023

И.Л. Сизова

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: sizovai@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5656-0670>

Н.С. Орлова

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: orloka135t@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4018-2940>

Е.Д. Елагина

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: st098982@student.spbu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8602-3470>

Цифровая компетентность сотрудников: современные реалии и запросы работодателей

Аннотация: статья посвящена анализу цифровой трансформации рынка труда через призму цифровых компетенций. В первом пункте представлен теоретически обзор цифровых компетенций в современном мире. В условиях цифровой экономики появляются новые профессии, происходит пересмотр системы образования с акцентом на непрерывность образовательного процесса и обучения в течение всей жизни, что особо актуально в контексте вовлечения трудоспособных лиц старших возрастов в цифровую среду. Скоростные процессы цифровизации становятся общим вызовом для системы образования и государства, бизнеса и самих работников. На определенном этапе встает вопрос о том, как работодатели воспринимают происходящие изменения и каковы требования современных российских работодателей к цифровым компетенциям сотрудников. На основании современных теоретических идей о процессах цифровизации экономики и общества авторы изучили мнения работодателей в отношении цифровых знаний и умений сотрудников. Результаты социологического исследования представлены во втором пункте. Авторы пришли к выводу, что в реальной экономике возрастает значимость цифрового капитала и культуры сотрудников, однако само понимание «цифрового капитала» не является устойчивым. Это выражается в изменении требований к работникам, в необходимости разработки новой системы мотивации сотрудников к труду и обучению, а в целом – в создании адекватных институциональных условий для развития трудовых сил страны.

Ключевые слова: компетенции работников; рынок труда; цифровизация экономики; представления работодателей.

Цитирование: Сизова И.Л., Орлова Н.С., Елагина Е.Д. Цифровая компетентность сотрудников: современные реалии и запросы работодателей // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 3. С. 96–106. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-96-106>.

Благодарности: статья выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 23-28-00011 «Дефицит компетенций работников на открытых дистанционных рынках труда в условиях социально-экономической неопределенности».

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Сизова И.Л., 2023 – доктор социологических наук, профессор Факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.

© Орлова Н.С., 2023 – аспирантка факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.

© Елагина Е.Д., 2023 – аспирантка факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.

SCIENTIFIC ARTICLE

I.L. Sizova

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: sizovai@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5656-0670>

N.S. Orlova

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: orloka135t@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4018-2940>

E.D. Elagina

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: st098982@student.spbu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8602-3470>

Digital competence of employees: modern realities and the requests of employers

Abstract: the article is devoted to the analysis of the digital transformation of the labor market through the prism of digital competencies. The first and second sections provide an overview of digital competencies in the modern world. In the conditions of the digital economy, new professions are emerging, the education system is being revised with an emphasis on the continuity of the educational process and learning throughout life. This is especially relevant in the context of involving able-bodied older people in the digital environment. High-speed digitalization processes are becoming a common challenge for the education system and the state, business and employees themselves. At a certain stage, the question arises about how employers perceive the changes taking place and what are the requirements of modern Russian employers for digital competencies of employees. Based on the mentioned theoretical ideas, the authors conducted a sociological study of the attitude of employers to digital competencies of employees, the results of which are presented in the second section. The authors came to the conclusion that the importance of digital capital of employees is increasing, but the "digital capital" itself is undergoing constant changes. This is expressed in an ever-expanding list of "basic" digital skills.

Key words: competence of employees; labor market; digitalization of the economy; employers' views.

Citation: Sizova, I.L., Orlova, N.S., Elagina, E.D. (2023), Digital competence of employees: modern realities and the requests of employers, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 3, no. 3, pp. 96–106, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-96-106>.

Acknowledgments: the article was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00011 «Deficit of competencies of workers in open remote labor markets in conditions of socio-economic uncertainty».

Information about conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© Sizova I.L., 2023 – Doctor of Sociology, Professor of the Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St.-Petersburg, 199034, Russian Federation.

© Orlova N.S., 2023 – Postgraduate Student of the Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St.-Petersburg, 199034, Russian Federation.

© Yelagina E.D., 2023 – Postgraduate Student of the Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St.-Petersburg, 199034, Russian Federation.

Введение

Цифровизация труда – многоплановый процесс, связанный с развитием и внедрением в современную экономику множества разнообразных средств и инструментов (роботизация, коммуникация, информатизация, автоматизация и т.д.), позволяющих значительно сократить издержки на производство продукции и обеспечить рост результативности и эффективности труда. Кроме того, цифровизация труда понимается как многомерная концепция, обозначающая, помимо внедрения и использования многообразных технологий и их оценки, еще глубокие социальные изменения, происходящие в трудовой сфере общества. Хотя в настоящее время концепция цифровизации труда широко распространена и значительно влияет на исследования в области труда и занятости, все же необходимо учитывать, что труд и занятость меняются под воздействием комплекса факторов. В России влияние на труд и занятость оказывают серьезные внешние шоки, к которым относится пандемия covid-19, СВО, экономические кризисы и санкции зарубежных стран.

Цифровизация труда является не только широким, но и длительным процессом. Помимо самого труда, она охватывает многие сферы жизни, в частности, систему профессионального образования, государственное управление, бизнес-модели, повседневную жизнь. С другой стороны, едва ли современную экономику и общество можно назвать полностью оцифрованными. Это приводит к тому, что в принятии решений о цифровизации (в том числе и в требованиях к работникам) менеджмент исходит из прагматических целей. Для экономических акторов цифровизация имеет значение только в том случае, если это приводит к ускорению трудовых процессов, сокращению издержек на труд, большей эффективности и рентабельности деятельности. Кроме того, во многом цифровизация труда для предприятий связана с наличием инвестиционных средств, со степенью технического оснащения и зависит от того, насколько цифровые средства и инструменты адаптированы к текущим бизнес-процессам.

В целом, данный дискурс способствует развитию нового направления в изучении цифровизации труда, в рамках которого авторы стремятся показать появление новых аспектов и трудовых практик. Так, в литературе обсуждаются практики менеджмента, часто негативно оцениваемые, например, возникновение новых форм насилия над трудом и эксплуатации (тема «цифрового контроля» (Юдина 2022)), или речь идет об ухудшении условий труда (Рукинов 2019) и интенсификации труда работников (Побиянская, Кипервар 2019). Вместе с тем отмечаются положительные результаты, например, связанные с организацией дополнительного обучения работников, возник-

новением большей ответственности со стороны менеджмента за знания и навыки персонала. Такие практики и их распространение влияют на процесс модернизации сферы труда и занятости.

Целью данной статьи является попытка раскрыть существенные аспекты текущей цифровизации труда на базе оценок работодателей. В фокусе внимания авторов из всего комплекса возможностей находятся проблемы изменений в профессиональных знаниях и поведении работников в связи с ростом требований по цифровой грамотности и компетентности современных работников. В статье анализируется, как воспринимают работодатели поведение своих сотрудников на предмет их способности развить в себе качества, востребованные в цифровой экономике, и насколько сами организации и фирмы стремятся обеспечить себе компетентных специалистов. Предлагаемый в статье авторский подход содержит разделение цифровых компетенций трудящихся на две основные группы: 1) пользовательские компетенции (могут подразделяться на базовые и специализированные) и 2) профессиональные. Если к «профессиональным цифровым компетенциям» относятся знания и навыки, необходимые профильным специалистам для обслуживания информационно-коммуникационных систем, то «пользовательские цифровые компетенции» включают повседневные навыки использования ИКТ, применяемые также в трудовой деятельности и в процессе обучения.

1. Значение цифровых компетенций на рынке труда и в системе занятости населения

В настоящее время все еще не существует универсального определения «цифровых компетенций XXI века». Современные знания, умения и навыки скорее основаны на концепциях и тревогах общества знаний и информационного общества (Anderson 2008). Зарубежные авторы рассматривают цифровые компетенции в контексте критических навыков, включающих информационную и медиаграмотность (González-Pérez, Ramírez-Montoya 2022). Такое широкое восприятие приводит к тому, что помимо собственно владения технологиями, необходимыми для выполнения конкретной работы и продвижения будущей карьеры, предлагается обрести эвристические знания. Например, использование технологий в информационной среде приводит к тому, что работники должны быть способны распознавать, находить, оценивать и эффективно использовать информацию (Saranto, Novenga 2004).

Вместе с тем цифровые навыки и компетенции выходят сегодня на передний план в общем дискурсе о навыках, необходимых для успешного трудоустройства и осуществления трудовой деятельности (Сухомлин, Зубарева, Якушин 2017). В

целом, в литературе и в практике часто выделяются блоки (Ларионов, Шереметьева, Горшкова 2021), а также отдельные востребованные компетенции (Кондратюк 2018). Однако, чтобы указать на актуальные компетенции в современных условиях, стоит определить, какие из них считаются востребованными в современном мире. Исследователи прежде всего основываются на критерии вклада определенных цифровых компетенций в производительность труда и тех цифровых средствах, которые используются на рабочих местах (Карапетян, Сизова, Бакаев 2020). Кроме того, под конкретными цифровыми навыками часто понимается владение офисным пакетом (например, Microsoft Office) и использование сети Интернет, а также готовность получить необходимые знания для анализа, выбора и осмысления данных. Практический опыт показывает, что в настоящее время подавляющее большинство рабочих мест требует от сотрудников использование ИКТ. По данным Европейской комиссии (European Commission, 2023), прогнозируется, что к 2030 году не менее 80 % взрослого населения должно обладать базовыми цифровыми навыками. Таким образом, очень быстро цифровые знания и навыки становятся «сквозной компетенцией» (OECD 2016). Это означает, что на современном этапе базовой цифровой грамотностью должны владеть все трудящиеся без исключения.

Много внимания среди исследователей уделяется новому феномену «цифровой восприимчивости» (digital agility). В общем виде «цифровая восприимчивость» характеризуется как основа для накопления и освоения цифровых навыков и компетенций, она отражает степень согласия и готовности сотрудников обучаться новым цифровым знаниям и навыкам, а также обуславливает их отношение к цифровым технологиям и способности применять их в своей работе (Беляцкий, Подупейко 2019). Этот же факт обновленного отношения к цифровым компетенциям как к новой антропологической способности человечества подчеркивается в работах, повествующих о развитии «цифровой культуры» труда (Сизова, Карапетян, Орлова 2022) в новом обществе, основанном на инкорпорировании культурного капитала в капиталистические отношения и образ жизни людей (Реквиц 2022).

В Российской Федерации с 2019 года действует Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (2019). Она направлена на ускоренное внедрение цифровых технологий в экономику и социальную сферу. Однако, несмотря на активную работу со стороны государства и прочное вхождение цифры во все сферы жизни, далеко не все современные российские работники обладают необходимым уровнем цифровых компетенций. Данные российских исследований

показывают, что у населения присутствует отставание в освоении компетенций в области цифровой грамотности (Карапетян, Сизова, Бакаев 2020). Также отмечается, что большинство россиян не стремятся повышать востребованные на рынке труда знания и навыки, поскольку с ними не связан уровень их доходов (Гимпельсон 2018; Сизова, Русакова, Александрова 2022). По данным НИУ ВШЭ (ИСИЭЗ, 2020), в России в 2020 году уровень владения цифровыми навыками был ниже, чем в европейских странах. 55 % россиян имели только базовый набор владения цифровыми навыками. Авторы исследований отмечают особенно низкий уровень владения цифровыми компетенциями среди лиц старше 45 лет. Вместе с тем пандемия covid-19 привела к значительному улучшению ситуации. Согласно исследованию НАФИ (НАФИ, В России выросла доля людей с продвинутым уровнем цифровой грамотности 2023), в 2022 году уровень цифровых компетенций россиян вырос: сократилась доля россиян с начальным уровнем цифровой грамотности до 2 %, выросла доля россиян с продвинутым уровнем (29 % россиян демонстрируют отличные знания и компетенции в этой сфере, в 2020 году эта доля составляла 27 %).

Таким образом, значение цифровой компетентности работников в последние годы продолжает расти, в особенности увеличивается количество рабочих мест требующих знания как минимум базовых цифровых навыков, что связано с цифровизацией средств труда. Важной задачей становится повышение лояльности населения к новым технологиям и стремления их использования в работе. Однако в России, несмотря на проводимую работу со стороны государства, уровень цифровых компетенций трудящихся еще недостаточно высок. Все усилия по развитию компетентности не приводят к искомому результату, т.е. устойчивому развитию, росту благосостояния, технологической независимости. Скорее, текущая ситуация заключается в том, что работодатели недовольны уровнем компетентности работников. Между отдельными группами работников и сферами деятельности растет неравенство, которое затрагивает даже лиц с одинаковым уровнем квалификации. В данных условиях работодатели вынуждены адаптироваться к процессам цифровизации и выдвигать новые требования к соискателям. На этой стороне также существуют значительные сложности, прежде всего, в оценках самого цифрового капитала работников и потенциальных соискателей на должности, что приводит как к игнорированию части трудящихся, так и к неадекватному росту конкуренции высоко дефицитных трудовых ресурсов.

2. Методология и результаты исследования оценки работодателями цифровизации труда и цифровой компетентности сотрудников

С целью изучения оценок работодателей процесса цифровизации труда и цифровой компетентности современных работников авторами проведено исследование с использованием качественной стратегии.

Объектом исследования выступили российские работодатели. Выборочная совокупность включает работодателей (частично представленных руководителями – 23 %), являющихся представителями разных отраслей (культуры, образования, производства, медицины, ЖКХ, торговли, финансов, страхования, ИТ, бытовых услуг населению) и сфер экономики (государственной и частной).

Всего опрошено 13 респондентов. Все респонденты на момент опроса проживали и работали в г. Санкт-Петербурге (табл. 1).

текстов интервью выступили открытое и осевое кодирование, тематический и дискурс-анализ.

Материалы интервью позволили проанализировать дискурсы и практики работодателей в условиях цифровизации труда. Всего было выделено *четыре ключевых темы*, оказавших наибольшее влияние на ход и результаты интервью:

1) Востребованность цифровых компетенций на предприятиях.

2) Влияние цифровых компетенций на производительность труда сотрудников.

3) Обучение и стимулирование цифровых компетенций сотрудников.

4) Цифровой капитал работников.

Востребованность цифровых компетенций на предприятиях

Анализ интервью показал, что работодатели в 2020-е гг. продолжают активно внедрять цифровые технологии в трудовые процессы. При этом большинство работодателей отмечает, что цифровые

Таблица 1

Сведения о респондентах

Information about respondents

Table 1

№	Пол	Возраст	Занимаемая должность	Сфера деятельности
1	Мужской	66 лет	Декан факультета	Наука и образование
2	Мужской	45 лет	Зам. председателя комитета по труду и занятости населения	Региональные органы власти
3	Женский	55 лет	Зам. директора по концертной деятельности	Дополнительное образование
4	Мужской	60 лет	Советник председателя комитета по труду и занятости	Региональные органы власти
5	Мужской	45 лет	Зам. начальника департамента корпоративного кредитования акционерного банка	Банковская сфера
6	Мужской	50 лет	Владелец сети частных медицинских клиник	Медицина
7	Мужской	51 год	Управляющий производством хлебобулочной продукции	Общепит
8	Мужской	47 лет	Директор (совладелец) строительной фирмы	Строительство
9	Мужской	62 года	Генеральный директор управляющей компании	ЖКХ
10	Мужской	42 года	Директор ИТ-компании	ИТ-сфера
11	Женский	35 лет	Руководитель кадастрового отдела	Кадастровый учет
12	Мужской	56 лет	Технический директор	Химическое производство
13	Женский	22 года	Администратор магазинов	Ритейл

Период проведения основной серии интервью – ноябрь-декабрь 2021 г. Общее время интервью составило 9 часов. Все данные записывались на аудионосители и расшифровывались дословно. Объем транскриптов составил 46 408 семантических единиц. Способы проведения интервью – личная встреча, онлайн-интервью, беседа по телефону. Качественный анализ текстовых материалов проведен в программном пакете Atlas.ti, контент-анализ – в программе NVivo. Основными методами качественного исследования корпуса

технологии активно использовались еще до пандемии, но именно вынужденное и широкое использование удаленного режима работы оказалось тем триггером, который способствовал быстрому и часто принудительному стимулированию сотрудников к освоению дополнительных цифровых навыков. Таким образом, в целом, цифровизация рассматривается работодателями в настоящее время как вынужденный, но необратимый процесс, которому необходимо подчиниться и следовать. Это касается как сотрудников, так и самих бизнесменов:

«Цифровизация будет идти даже без нашей воли, мы все идём туда и противостоять этому процессу бессмысленно и глупо» (Работодатель, образовательная организация);

Неумолимое движение цифровизации труда приводит в действие механизм перманентного наращивания спроса на цифровые навыки и компетенции среди работодателей. Вместе с тем, именно в условиях пандемии стал действительно ощутимым для всех без исключения значительный дефицит цифровых навыков трудящихся. В отсутствие должной базы (цифровых средств и навыков), предприятиям пришлось без подготовки и быстрыми темпами перестраиваться на рельсы «цифровой экономики»:

«Первоначально возникали трудности, когда мы сели в локдаун, и мы должны были начать работать через дистанционные системы. Пришлось осваивать всё «с лёта» (Работодатель, образовательная организация)

Некоторые различия существуют в оценках цифровых технологий у представителей бизнеса и государственных структур. Если для государственных структур часто цифровизация труда означает процесс, осуществляемый «сверху», то в бизнесе цифровизация выглядит, скорее как саморегулирование, при котором принимаются во внимание интересы всех вовлеченных сторон:

«Проблема внедрения агрегаторов [в том], что пациенты сами записываются на прием.

Можно записаться к терапевту, к семейному врачу. А если записываться к специалисту? Например, к проктологу. Вот что проктологу с ним делать? Технологии в нашей стране не надо просто всем раздавать» (Работодатель, владелец сети частных медицинских клиник).

Включение владения цифровыми компетенциями в требования к соискателям вакансий становится повсеместным явлением. В зависимости от должности, специфики работы и ее сложности, работодатели дифференцированно подходят к описанию того, что они хотят. К базовым цифровым навыкам, как правило, они относят знание ПК, опорных программ, умение пользоваться смартфоном:

«Если мы привлекаем нового сотрудника, у нас это указано в объявлении, что необходимо владеть и знать на базовом уровне офис, и они обязаны иметь, разумеется, смартфон» (Работодатель, сфера строительства);

«Если человек не может воспользоваться компьютером, то мы его просто не берем» (Работодатель, владелец сети частных медицинских клиник).

По мере усложнения труда и роста его специфики становятся все более востребованными углубленные познания в сфере информационных технологий:

«Если я буду говорить, что маркетолог или социолог без умения и навыков работы именно с большими данными, в т.ч. на уровне, пусть базовом, но программиста, то его никто не возьмёт на работу» (Работодатель, государственный сектор).

Особенность современной ситуации в управлении цифровыми знаниями и умениями работников состоит в том, что если цифровые компетенции напрямую влияют на трудоустройство работников, то в то же самое время абсолютно не связаны с принимаемыми работодателями решениями по увольнению сотрудников и по размеру заработной платы. Увольнение и уровень заработной платы в компаниях зависят от опыта сотрудника и его профессиональной квалификации, то есть от других компетенций. Почему-то считается, что трудоустроенный работник способен в процессе своей работы непроизвольно повышать эти навыки, поэтому никаких стимулов со стороны работодателя не требуется. Возможно также, что цифровые навыки воспринимаются как такие, к которым человек, проживающий в цифровом мире, должен стремиться по умолчанию:

«Вообще-то, каждый человек за себя отвечает: надо ему или не надо свои знания повышать в той или иной сфере» (Работодатель, строительная компания).

В целом, кандидат без цифровых навыков, имеет очень мало шансов на трудоустройство на вакансии, не связанные с физической работой. В настоящее время большинство вакансий содержит требования к использованию ПК и офисной техники. Однако за наличие более продвинутых цифровых компетенций работодатели доплачивают не готовы.

Влияние цифровых компетенций на производительность труда сотрудников

Это тем более странно, поскольку работодатели в интервью отмечают, что развитие и распространение цифровых технологий ускоряет и упрощает трудовые процессы, тем самым увеличивая производительность труда:

«Скорость обмена данными намного выше, чем раньше и, соответственно, быстрее реакции на всякие ситуации, проблемы и решения. Это все помогает» (Работодатель, управляющая компания);

«Если ты хорошо разбираешься в цифровых средствах связи, технологиях, это тебе помогает работать и быстрее выполнять какие-то задачи, меньше тратишь на это времени» (Работодатель, строительная компания).

Приведенные цитаты помогают понять, что работодатели представляют себе влияние цифровых технологий на труд как фактор, скорее помогающий только самим сотрудникам проще выполнять свою работу. О повышении производительности

труда, которое таким образом происходит, умалчивается. Скорее всего, работодатели просто не имеют возможности оценить в объективных величинах влияние цифровых технологий на рост производительности труда. Кроме того, перманентно возникающие внешние факторы и шоки в последние годы не предоставляют удобного случая оценить возрастание прибыли. Поэтому работодатели признают пока только рост объёма работы и увеличение/диверсификацию круга задач, которые может выполнять конкретный сотрудник с использованием цифровых средств:

«Кто пользуется цифровыми технологиями, гораздо больше выполняют» (Работодатель, ЖКХ);

«Подготовка презентации — очень часто уже сами себе все готовят, а не отдают кому-то дизайнеру и организации. Получается так, что большое количество функций, именно технических, оно не уходит в компьютер, оно накладывается на исполнителя в плюс» (Работодатель, государственный сектор).

Одной из существенных тем, связанных с цифровизацией труда, является изменение классических представлений о рабочем графике (5/2, с понедельника по пятницу) и стирание временных и пространственных границ трудовой деятельности:

«Вопрос, что уже считается трудом, что считается работой, потому что ключевое, что изменилось — люди не приходят по гудку заводской трубы к 7 утра и не уходят в 3 часа дня, отработав 8 часов на конвейере или у станка и т.д., а начинают работать где-то из дома» (Работодатель, государственный сектор).

Современный сотрудник при помощи цифровых средств и системы удаленных подключений может находиться на связи без перерыва. Это понимают работодатели, оценивая распространение работы за границы официально установленного рабочего времени. Однако еще не настал момент для новой, количественной оценки такого труда:

«В 2013 году я был на мероприятии очень далеко от всех источников цивилизации, и мне на телефон пришло письмо по работе, и я понял, что всё, на этом принципиальный какой-то пласт изменился. С одной стороны, это очень большая цифровая несвобода, потому что до этого было [так]: вы закончили работу, вы ушли, и в экстренном случае вам по домашнему телефону звонят и говорят, надо выйти. Сейчас этот процесс бесконечен. Вам в любое время могут написать сообщение» (Работодатель, государственный сектор).

Помимо сказанного, существенным ускорителем рабочих процессов является цифровая коммуникация, которая, по мнению работодателей, страдает от серьезных недостатков. Их основная претензия заключается в том, что удаленная комму-

никация не позволяет полностью удовлетворить запрос на эффективное взаимодействие сотрудников, как это происходит при живом общении. Данной позиции прежде всего придерживаются те работодатели, у которых бизнес выстроен на общении: образование, медицина, сфера обслуживания и т.д.:

«Удалённо — это хорошо, с моей точки зрения, для решения определённых задач, и очень недостаточно для решения других задач. Деловое совещание — конечно, общение — конечно, переговоры с коллегами и обсудить что-то, ну в общем, это даже неплохо. Но абсолютно заменить вот этим, это живое общение — невозможно» (Работодатель, образовательная организация).

Таким образом, выявляется существенная недооценка работодателями влияния цифровых компетенций и навыков сотрудников на производительность труда. Этому необходимо учиться, в том числе уделять внимание обучению сотрудников и поощрять их стремления повышать свои знания. Всеобщее распространение методик учета экономических эффектов — это, скорее всего, дело не ближайшего будущего. Однако уже сейчас выражены проблемы, которые способны снизить удовлетворенность трудом и демотивировать сотрудников. Если данные вопросы не регулировать, то будут умножаться неформальные практики, которые снизят положительное влияние цифровых компетенций трудящихся в новой экономике.

Обучение и стимулирование цифровых компетенций сотрудников

Именно пандемия во многом подтолкнула развитие цифровых навыков у населения. В условиях распространения удаленной работы большинство работодателей были вынуждены начать обучать своих сотрудников необходимым цифровым компетенциям для продолжения нормальной работы:

«Всё это было организовано, причём фактически в обязательном порядке, был экзамен, нужно его сдать в формате общения с компьютером» (Работодатель, образовательная организация).

Вместе с тем работодатели, указывая на факты отсутствия на рынке труда «готовых специалистов», все-таки признают необходимость в обучении сотрудников на рабочем месте:

«Если еще не так давно мы искали готового специалиста. Мы с ним заключили трудовой договор, и он пошел выполнять работу, ему понадобится до полугода на акклиматизацию в коллективе, но при этом он уже может работать с первого дня. Сейчас эта картина очень сильно изменилась. Во-первых, готового персонала на рынке нет. Надо быть готовым, что его под нужды конкретного работодателя надо доучить, подготовить» (Работодатель, государственный сектор).

Причины изменений в подготовке специалистов с точки зрения работодателей заключаются

не столько в пандемии, сколько в быстром устаревании знаний и навыков на фоне технологического прогресса:

«Получается, что [необходим] процесс дообучения, подготовки, обновления навыков, потому что они устаревают с ужасающей скоростью. Те программные решения или технологии, которые были, даже если они принципиально не изменились, очень сильно изменились с точки зрения интерфейса, особенностей и прочего» (Работодатель, ИТ).

В этой связи возрастает значимость удержания в организации опытных и обученных сотрудников. Их подготовка для полноценной реализации трудовых задач связана с серьезными временными и финансовыми затратами для организации. Поэтому на современном рынке труда ценность таких работников многократно возрастает:

«Прежде чем мой сотрудник войдет в рабочую колею и начнет приносить пользу, мне нужно потратить на это как минимум полтора года. Полтора года он доходит до кондиции и таким образом обрывает всей этой структурой, чтобы уже выйти в свободное плавание. Получить ту нагрузку, которая должна быть. Это очень серьезные временные и в том числе и финансовые вложения. Поэтому постоянной чехарды кадров у нас нет» (Работодатель, сфера строительства).

Некоторые трудности во внедрении новых технологий в трудовую деятельность работодатели связывают с сопротивлением российских сотрудников, их нежеланием осваивать новые средства труда:

«Все новое внедряется достаточно тяжело, и этому идет активное сопротивление. Это в принципе присуще русскому или российскому характеру, мне кажется. Сопротивляться новому и как-то находиться в своих привычных, стандартных рамках, и бояться за них выйти и не хотеть этого делать» (Работодатель, сфера общественного питания).

Работодатели выделяют следующие способы мотивации сотрудников: денежная мотивация; возможность карьерного роста; интересные задачи; повышение внутренней мотивации сотрудника (любовь к работе, ценность труда, отношение к работе как к призванию). Самым главным фактором внешней мотивации работодатели называют материальное стимулирование:

«В этом мире мотивация одна. Финансы» (Работодатель, банковский сектор).

Однако большинство работодателей все еще полагаются на привычные нормы и не развивают программы дополнительного поощрения работников при переходе к цифровым средствам или при работе в пандемию.

Сталкиваясь с дефицитом цифровых компетенций большинство работодателей работают над

внедрением системы наставничества. По сути, она начинает возрождаться в России, причем часто на низовом уровне, т.е. с учетом действительных потребностей реального бизнеса. Так, в интервью руководители описывали, как они привлекают к обучению сотрудников тех, кто владеет ключевой технологией. Однако поскольку речь идет не о специальных профессиональных знаниях или базисных универсальных навыках, то этот процесс разворачивается с трудом и требует системного подхода:

«У нас наставничество, но, кстати, есть сотрудники, которые не очень как-то хотят внедрять знания. Им просто лень, ну, типа, удобнее сказать, чем...действовать, как было раньше» (Работодатель, кадастр).

Скорость появления новых технологий и их обновления вызывает необходимость постоянного обновления и модернизации цифровых навыков работников. Данный процесс связывает экономических акторов в единое целое и возникает общая задача обучения кадров. Она становится общим вызовом для правительства, вузов, бизнеса. Для подготовки специалистов, соответствующих запросам динамично меняющегося рынка труда, требуются не только современные образовательные программы, но и большая вовлеченность работодателей в этот процесс.

Цифровой капитал работников

Цифровая компетентность сотрудников, по мнению работодателей, во многом зависит от их личностных качеств, половозрастных характеристик и от отношения к цифровым технологиям (в том числе от цифровой восприимчивости). Особенно выраженной проблема дефицита цифрового капитала является для старших поколений работников. Они в меньшей степени используют цифровые технологии не только в работе, но и в повседневной жизни. Только под давлением необходимости в работе, тяжело и сопротивляясь, в этой группе происходит освоение элементарных навыков ИКТ:

«Когда человек говорит «я в этом ничего не понимаю, не хочу, мне и так нормально. Зачем это нужно» (Работодатель, строительство);

«Говорят так: «я не пользуюсь, у меня этого нет». Но надо завести «ящик», надо начать им пользоваться, надо что-то менять в этой жизни. «Зачем? Мне и так хорошо» (Работодатель, ЖКХ).

Мы сталкиваемся с проблемой различий в стартовом цифровом капитале работников, что особо актуально в вопросе интеграции в цифровую экономику сотрудников старших возрастов, а также с точки зрения решения вопроса о том, где и как современный работник должен овладевать цифровыми знаниями и умениями. Даже когда речь идет только об элементарных цифровых компетенци-

ях, возможен рост дискриминации, например, на основе разных материальных возможностей российских семей обеспечить детям условия для их изучения. Хотя работодатели понимают и поднимают вопросы неравенства доступа, они считают, что решение этой проблемы не находится в зоне их ответственности:

«Для такого подхода нужны компьютер, техника определенная, доступ в интернет. Естественно, те, у которых нет изначальных условий, им сложнее в данном случае» (Работодатель, государственный сектор).

В современных условиях рынка труда возраст сотрудника является значимой характеристикой. Работодатели, не стесняясь, высказывают свои предпочтения о принятии на работу молодых работников:

«Мы не берем сотрудников старше определенного возраста, так и пишем в объявлениях – возраст 25-35 лет. Но всеравно звонят 55-летние регулярно» (Работодатель, строительство).

Как раз одной из причин отказа в трудоустройстве пожилым является их плохое взаимодействие с цифровыми технологиями. Иногда такая убежденность работодателей связана больше не с реальной ситуацией, а с наличием стереотипного мышления:

«Так как мы даем хорошие зарплаты людям, у нас компетентные люди работают. Не приходится к нам работать 70-летняя бабушка, которая не умеет компьютером пользоваться» (Работодатель, сфера общественного питания);

«После сорока пяти, и особенно женщины, не очень хотят как-то внедрять и изучать» (Работодатель, ЖКХ);

«Во многих компаниях до сих пор работают сотрудники, которым за 50 лет, у которых кнопки телефоны, полное отсутствие каких-либо электронных средств связи, они не пользуются ничем» (Работодатель, строительство).

Как известно, эйджизм в трудоустройстве относится не только к пожилым, но и к молодым работникам. Некоторые работодатели объявляют их «легкомысленными ходоками за зарплатой», готовыми легко менять работу, выдавая себя за специалистов, хотя, как правило, трудового опыта и достаточных знаний в большинстве случаев не хватает. Такие практики молодежи на рынке труда серьезно порицаются, поскольку затраты работодателей на удержание сотрудника со временем только возрастают:

«Это значит, что я взял человека, молодого парня или там девушку, они не мыслят категориями лояльности, у них уровень осознанности достаточно низкий, у них в голове чего – экспертиза, компетенции, заработная плата. Так вот мы их взяли, в них вложились, они считают уже себя экспертами, на хедхантер повесили резюме,

им дали денег в два раза больше, они ушли» (Работодатель, ИТ).

Влияние цифровизации и технологического процесса в целом также негативно отражается на возможностях занятости женщин как наиболее слабой группы на рынке труда. В современности это выражается достаточно курьезно, поскольку работодатели вместо действительных причин апеллируют к стереотипам:

«Женщины умеют уходить в декрет. Поэтому ни на одну ответственную должность я девушку в детородном возрасте не буду брать.

Даже если она не собирается рожать, у нее есть дети. Они ухаживают за детьми, уходят на больничные, я теряю сотрудников. Я буду давать им менее ответственные работы. С точки зрения влияния на общий процесс» (Работодатель, техническая служба).

Заключение

Цифровизация затрагивает все фундаментальные основы жизни, в том числе и сферу труда и занятости. Здесь она выражается в повышении значимости цифровой компетентности сотрудников и более требовательном отношении к этому ресурсу со стороны руководящего менеджмента. В настоящее время цифровые навыки в том или ином виде необходимы практически в каждой сфере трудовой деятельности. Цифровизация способствует трансформации характера и содержания современной работы, поэтому овладение цифровыми компетенциями связывается с процессом непрерывного обучения (lifelong learning) и формированием так называемого цифрового мышления у трудящихся. Лежащий в основе такого мышления цифровой капитал становится важным элементом процесса образовательной социализации трудящихся и на этом основании требует инвестиций со стороны государства, самих работников и предприятий/фирм. Однако, как показали результаты исследования, основная нагрузка в развитии цифрового капитала легла на плечи трудящихся, которые вынуждены в условиях внешних шоков (пандемии) и растущих требований со стороны рынка труда интенсивно овладевать новыми цифровыми знаниями и навыками. Особенно наличие усилий по обретению цифровых компетенций требуется работнику при трудоустройстве, тогда как на рабочих местах большинство рисков и издержек принадлежит предприятию/работодателю. Так, сталкиваясь с дефицитом цифровых навыков сотрудников, бизнес занимается обучением своего персонала своими силами. Как следует из материалов исследования, менеджмент в настоящее время испытывает значительную потребность в формировании системы наставничества, однако, подобные положительные процессы тормозит извечная слабость российского бизнеса (нехватка средств на инвестиции).

Способность человека к занятости в цифровой экономике России ослабляется сильными практиками дискриминации (по полу и возрасту). На этом основании женщины, наиболее молодые и пожилые сотрудники сталкиваются с двойными ограничениями: они вынуждаются всегда доказывать потенциальному работодателю свою «особую» компетентность.

Вместе с тем со временем меняется само понимание «цифрового капитала». Постепенно расширяются списки «базовых» цифровых навыков, востребованных на рынке труда. Кроме того, цифровой капитал дифференцируется в зависимости от квалификации его носителя и сложности выполняемой работы. Укореняясь в структуре общего образовательного капитала современного работника, цифровая компетентность приводит к тому, что, помимо выполнения узко профессиональных обязанностей, современный работник должен овладевать новыми функциями, ранее выполнявшимися профильными сотрудниками или отделами.

Распространение цифровых технологий и средств коммуникации приводит к увеличению производительности труда и расширению пространства и времени работы. Одновременно возрастают нагрузки, объемы труда и диверсифицируются трудовые задачи. Особенно усиливается нагрузка на молодое поколение сотрудников, которое в большей степени владеет новыми технологиями.

Проблема соответствия цифровых компетенций сотрудников запросам современных работодателей не потеряет своей актуальности еще долгое время. Цифровая восприимчивость, мышление и культура являются данностью этого мира и будут еще больше востребованы в будущем. Цифровая экономика развивается в форме комплексного феномена, которому требуются адекватные образование и институциональные условия. Однако образовательная система в силу своей инертности не в состоянии удовлетворить все запросы рынка труда. Помимо растущей вовлеченности организаций и фирм в процессы обучения сотрудников, необходимы значительные образовательные реформы в области переподготовки и повышения квалификации трудящихся. Развитие цифровой экономики предполагает разработку новой системы мотивации самих сотрудников к освоению новых технологий труда и к росту индивидуальной ответственности каждого за свои способности к обеспечению занятости.

Источники фактического материала

НАФИ. В России выросла доля людей с продвинутым уровнем цифровой грамотности: <https://nafi.ru/analytics/v-rossii-vyros-la-dolya-lyudey-s-prodvinutym-urov-nem-tsifrovoy-gramotnosti/?ysclid=ljq3gunr56465158973> (дата обращения: 17.06.2023).

Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/?utm_referer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (дата обращения 15.06.2023).

НИУ ВШЭ. Уровень владения цифровыми навыками в России и странах ЕС: <https://issek.hse.ru/news/377859466.html?ysclid=ljq3ds2hwj169727412> (дата обращения 15.06.2023).

European Commission. Digital skills and jobs coalition: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-skills-coalition> (дата обращения 15.06.2023).

OECD. (2016). New skills for the digital economy: Measuring the demand and supply of ICT skills at work. OECD Digital Economy Papers, no. 258(258), pp. 1–140.

«Atlas.ti» - система анализа неструктурированных данных (<https://atlasti.com>)

«NVivo» - аналитическая система для анализа данных (<https://lumivero.com/products/nvivo/>)

Библиографический список

Anderson, R.E. (2008), Implications of the information and knowledge society for education, *International handbook of information technology in primary and secondary education*, pp. 5–22.

González-Pérez, L.I. and Ramírez-Montoya, M.S. (2022), Components of Education 4.0 in 21st century skills frameworks: systematic review, *Sustainability*, vol. 14, to. 3, pp. 1–33, DOI: <https://doi.org/10.3390/su14031493>.

Saranto, K. and Hovenga, E.J.S. (2004), Information literacy – what it is about? Literature review of the concept and the context, *International Journal of Medical Informatics*, vol. 73, no. 6, pp. 503–513.

Беляцкий Н.П., Подупейко А.А. Цифровые трансформации управления персоналом. 2019. № 4 (135). С. 24–30.

Гимпельсон В.Е. Возраст, производительность, заработная плата / Препринт WP3/2018/07. Серия WP3 Проблемы рынка труда. Москва: ВШЭ, 2018. 66 с.

Карапетян Р.В., Сизова И.Л., Бакаев М.А. Параметры роста цифровых компетенций у занятого населения (пример Санкт-Петербурга) // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. №. 1. С. 113–136. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.1.629>.

Кондратюк Т.В. Четвертая промышленная революция: какие компетенции необходимы сотрудникам? // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2018. №. 3 (108). С. 66–79.

Ларионов В.Г., Шереметьева Е.Н., Горшкова Л.А. Цифровая трансформация высшего образования: технологии и цифровые компетенции // Вестник Астраханского государственного техни-

ческого университета. Серия: Экономика. 2021. № 2. С. 61–69. DOI: <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2021-2-61-69>.

Побиянская А.В., Кипервар Е.А. Влияние цифровизации на качество использования рабочего времени // Экономика труда. 2019. Т. 6. № 3. С. 1169–1178. DOI: <https://doi.org/10.18334/et.6.3.41079>.

Реквиц А. Общество сингулярностей. О структурных изменениях эпохи модерна / Пер. с нем. Т.Ю. Адаменко, И.Г. Соколовской. Москва, Берлин: DirectMESIA, 2022.

Рукинов М.В. Риски цифровизации экономики для социально-трудовых отношений в России // Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития. 2019. С. 434–439.

Сизова, И.Л. Русакова М.М., Александрова А.А. Рынок труда соискателей и трения в поиске работы на современных онлайн-платформах // Экономическая социология. 2022. Т. 23. № 5. С. 45–77. DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-5-45-77>.

Сизова, И.Л., Карапетян Р.В., Орлова Н.С. Особенности цифровизации труда современных российских работников // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. Т. 171. № 5. С. 231–256. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2246>.

Сухомлин В.А., Зубарева Е.В., Якушин А.В. Методологические аспекты концепции цифровых навыков // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2017. Т. 13. № 2. С. 146–152. DOI: <https://doi.org/10.25559/SITITO.2017.2.253>.

Юдина М.А. Цифровой контроль труда – вызов времени // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 92. С. 42–56. DOI: <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-92-42-56>.

References

Anderson, R.E. (2008), Implications of the information and knowledge society for education, *International handbook of information technology in primary and secondary education*, pp. 5–22.

González-Pérez, L.I. and Ramírez-Montoya, M.S. (2022), Components of Education 4.0 in 21st century skills frameworks: systematic review, *Sustainability*, vol. 14, no. 3, pp. 1–33, DOI: <https://doi.org/10.3390/su14031493>.

Saranto, K. and Hovenga, E.J.S. (2004), Information literacy – what it is about? Literature review of the concept and the context, *International Journal of Medical Informatics*, vol. 73, no. 6, pp. 503–513.

Balyatsky, N.P. and Podupeyko, A.A. (2019), Digital transformations of personnel management, no. 4 (135), pp. 24–30.

Gimpelson, V.E. (2018), *Age, productivity, wages*, Preprint WP3/2018/07. WP3 series Labor market Problems, HSE, Moscow.

Karapetyan, R.V., Sizova I.L., Bakaev M.A. (2020), Current and expected parameters of digital competence growth in the employed population (the example of St. Petersburg), *Bulletin of the Institute of Sociology*, vol. 11, no. 1, pp. 113–136, DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.1.629>.

Kondratyuk, T.V. (2018), The Fourth Industrial Revolution: what competencies do employees need? *Strategic decisions and risk management*, no. 3 (108), pp. 66–79.

Larionov, V.G., Sheremetyeva, E.N., Gorshkova, L.A. (2021), Digital transformation of higher education: technologies and digital competencies, *Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics*, no. 2, pp. 61–69, DOI: <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2021-2-61-69>.

Pobiyanskaya, A.V. and Kipervar, E.A. (2019), The impact of digitalization on the quality of working time use, *Labor economics*, vol. 6, no. 3, pp. 1169–1178, DOI: <https://doi.org/10.18334/et.6.3.41079>.

Reckwitz, A. (2022), *Society of Singularities. About the structural changes of the Modern era* Transl. from German by T.Y. Adamenko, I.G. Sokolovskaya, Directmedia, Moscow, Berlin.

Rukinov, M.V. (2019), Risks of digitalization of the economy for social and labor relations in Russia, *Digital economy: problems and prospects of development*, pp. 434–439.

Sizova, I.L., Karapetyan, R.V., Orlova, N.S. (2022), Features of the Digital Work Culture of Modern Russian Workers, *Public opinion monitoring: economic and social changes*, vol. 171, no. 5, pp. 231–256, DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2246>.

Sizova, I.L., Rusakova, M.M., Alexandrova, A.A. (2022), The job seekers market and the frictions of finding jobs on online platforms, *Economic Sociology*, vol. 23, no. 5, pp. 45–77. DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-5-45-77>.

Sukhomlin, V.A., Zubarova, E.V., Yakushin, A.V. (2017), Methodological aspects of the concept of digital skills, *Modern information technologies and OT-education*, vol. 13, no. 2, pp. 146–152, DOI: <https://doi.org/10.25559/SITITO.2017.2.253>.

Yudina, M.A. (2022), Digital labor control- the challenge of time, *Public Administration. Electronic Bulletin*, no. 92. pp. 42–56, DOI: <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-92-42-56>.

Submitted: 01.07.2023

Revised: 23.08.2023

Accepted: 29.09.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.44

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-3-107-114

Дата поступления: 07.07.2023
рецензирования: 30.08.2023
принятия: 02.10.2023

Л.В. Орлова

Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), г. Москва, Российская Федерация
E-mail: Orlovalv313@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2790-3149>

А.А. Моисеева

Медицинский университет «Реавиз», г. Самара, Российская Федерация
e-mail: fpdoreaviz@bk.ru

Академическая мобильность казахстанских и российских студентов: теоретико-методологический анализ

Аннотация: актуальность статьи обусловлена тем обстоятельством, что образование в России и Республике Казахстан приобретает в большей степени практикоориентированный характер. Целью данной работы является освещение академической мобильности студентов и анализ различных аспектов и факторов, которые влияют на успешность и эффективность процесса мобильности. Задачи: уточнение понятийного аппарата академической, профессиональной и социальной мобильности, рассмотрение междисциплинарного аспекта этих понятий, разработка рекомендаций и стратегий для улучшения программ академического обмена, создания условий для успешной академической мобильности и содействия развитию студентов в глобальном образовательном пространстве. В работе используются методы моделирования, классификации, метод анализа документов стран-участниц образовательного пространства. Авторами выделены особенности организации академической мобильности в области международного сотрудничества высшей школы, способствующие развитию качеств мобильности. Перед высшим образованием стоит задача создания и организации условий для становления специалиста, мобильного в социально-профессиональном плане. Назрела потребность в проведении целевой работы по организации академической мобильности студентов, а также разработке нормативно-правовой базы этой деятельности.

Сделаны выводы о формировании модели организации академической мобильности студентов, которые были бы конкурентоспособны в условиях быстро меняющегося мира.

Ключевые слова: академическая мобильность; профессиональная мобильность; социальная мобильность; трудовая мобильность; адаптация; концепция; саморазвитие.

Цитирование: Орлова Л.В., Моисеева А.А. Академическая мобильность казахстанских и российских студентов: теоретико-методологический анализ // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 3. С. 107–114. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-107-114>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Орлова Л.В., 2023 – доктор социологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ), 109004, Российская Федерация, г. Москва, ул. Земляной Вал, д. 73г.

© Моисеева А.А., 2023 – директор центра продвижения Медицинского университета «Реавиз», 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 243.

SCIENTIFIC ARTICLE

L.V. Orlova

K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University), Moscow, Russian Federation
E-mail: Orlovalv313@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2790-3149>

A.A. Moiseeva
Medical University "Reaviz"
Samara, Russian Federation
E-mail: fpdoreaviz@bk.ru

Academic mobility of Kazakh and Russian students: theoretical and methodological analysis

Abstract: the relevance of the article is caused by the fact that education in Russia and the Republic of Kazakhstan is becoming more practice-oriented. The purpose of this work is to highlight the academic mobility of students in understanding and analyzing various aspects and factors that affect the success and effectiveness of the mobility process. Tasks: clarification of the conceptual apparatus of academic, professional and social mobility, consideration of the interdisciplinary aspect of these concepts, development of recommendations and strategies for improving academic exchange programs, creating conditions for successful academic mobility and promoting the development of students in the global educational space.

The work applies the methods of modeling, classifying and analyzing the documents of the countries within the educational space. The authors highlight the features of the academic mobility organization in the field of higher education international cooperation that contribute to the development of mobility qualities. The higher education faces an urgent need to create and organize the conditions for the formation of the specialist, who is mobile in socio-professional terms. There is a need to carry out a targeted work on the organization of the academic mobility of students, as well as the development of a regulatory framework for this activity.

Conclusions are drawn about the formation of a model for the organization of academic mobility of students who would be competitive in a rapidly changing world.

Key words: academic mobility; professional mobility; social mobility; labor mobility; adaptation; concept; self-development.

Citation: Orlova, L.V., Moiseeva, A.A. (2023), Academic mobility of Kazakh and Russian students: theoretical and methodological analysis, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 3, pp. 107–114, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-107-114>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Orlova L.V., 2023** – Doctor of sciences in Sociology, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (PKU), 73g, ul. Zemlyanoy Val, Moscow, 109004, Russian Federation.

© **Moiseeva A.A., 2023** – Director of the of the "Reaviz" Medical University Promotion Center, 243, Sovetskaya Armiya str., Samara, 443011, Russian Federation.

Введение

В современном казахстанском и российском образовании изменились приоритеты как в учебной, так и во внеучебной деятельности обучающихся, и первостепенное значение приобретает формирование социальной и профессиональной мобильности будущего специалиста с высоким уровнем готовности к предстоящей деятельности. Развитие академической мобильности студентов в современных условиях выступает как стратегическая цель не только на уровне вуза, но и в масштабах всей страны. В современных условиях становится все более очевидным, что национальные системы высшего образования не могут развиваться вне глобальных процессов и тенденций, вне запросов мирового рынка труда. В этой связи интернационализация образования становится целенаправленной политикой государства. На третьем форуме политики Болонского процесса в число приоритетных целей вошли как государственная ответственность за высшее образование, так и глобальная академическая мобильность. Отличительной чертой национальных

систем образования и науки XXI в. является возросшая академическая и научная мобильность. Академическая мобильность является неотъемлемой формой существования интеллектуального потенциала, отражающая реализацию внутренней потребности этого потенциала в движении в пространстве социальных, экономических, культурных, политических взаимоотношений и взаимосвязей. Академическую мобильность в области международного сотрудничества высшей школы нельзя свести к конкретным действиям, технологиям и механизмам, связанным только с системой обмена студентами учебных заведений разных стран. Академическая мобильность студентов рассматривается как фактор и инструмент повышения конкурентоспособности образования, выступает своеобразной гарантией качества высшего образования, способствует формированию компетентных кадров. Проблема формирования академической мобильности студентов имеет различную историю исследования и практического применения в Казахстане, России и за рубежом.

Материалы и методы

В работе используются методы моделирования и классификации. Проблемные аспекты академической мобильности в Республике Казахстан осветили Г.И. Абдикеримова, А.М. Газалиев, В.Н. Головачёва, В.В. Егоров (Абдикеримова 2014, с. 17–21), Д.А. Куланова, Г.Н. Сулейменова (Сулейменова 2012, с. 58–62), А.Д. Умбиталиев, О.А. Яновская (Умбиталиев 2016) и др.

Непосредственно вопросам развития академической мобильности студентов в России и за рубежом посвящены исследования В.А. Галичина, Л.В. Зновенко, А.А. Кропотченко, А.В. Кузьмина, А.Н. Шеремет и др. (Жмакина, Телегина, Брунсгаард 2018). Важность и значимость роли академической, социальной и профессиональной мобильности студента во время обучения в высшем учебном заведении требует уточнения понятий, связанных с процессом адаптации студента вуза, подробно рассмотренных в работах многих исследователей Ф.Б. Березина, Ф.Е. Василюка, Е.Б. Евдокимовой, Н.Н. Обозова, Т.С. Табуровой и др. Международная академическая мобильность в современных условиях рассмотрена в работах М.А. Юревича и В.А. Малахова (Юревич, Малахов 2019, с. 103–117), международное сотрудничество российских вузов и академическая мобильность (Трофимова 2021, с. 1–10) и др.

Исследование международной академической мобильности ведется достаточно активно. В сфере высшего образования процесс международной академической мобильности изучается G. Altbach, D.V. Damme, I.R.K. Dittrich, M. Rostan, M. Stohl, U. Teichler и др. (Altbach 2001, Dittrich 2004, Damme 2001, Rostan 2014, Stohl, Teichler 2007).

Результаты и дискуссия

В научной литературе положительно влияющими на результат интеграции обучающихся в совершенно другую образовательную среду считаются социально-демографические, педагогические, психологические и другие условия. Всестороннее развитие обучающихся, их коммуникабельность и умение быть психологически гибким, способности к работе в команде, стремление к активным действиям, навыки ориентации в интегральном электронном пространстве, изменение в зависимости от запросов меняющегося социума, находящегося в постоянном развитии, составляют требования высокопрофессиональной подготовленности будущих профессионалов. Показателем их востребованности является сопровождающаяся успехом адаптация, которая создается формированием компетенций, приобретением навыков в профессиональной деятельности.

В эпоху быстро меняющихся социальных перемен необходимо через различные формы адаптировать обучающихся к будущей профессиональ-

ной деятельности, что, безусловно, будет способствовать их положительной самореализации и комфортности миропознания и мироощущения в современном обществе. Считаем, что обеспечение постоянного развития студентов возможно для тех людей, обладающих свойствами личностной мобильности, что становится возможным при правильной организации академической, социальной и профессиональной мобильности студентов вузов (Афонин, Орлова 2015, с. 59–63).

Целесообразность рассмотрения и анализа основных онтологически взаимосвязанных понятий, отражающих существенные свойства, связи, отношения предметов и явлений относительно предмета исследования вызвана его осмыслением и системным моделированием в будущем его результатов.

Необходимость действенного, результативного и корректного определения основных понятий исследования продиктовано тем, что большей частью они относятся к несформировавшимся. Это происходит в результате того, что ученые-исследователи при изложении проблемы организации профессиональной и академической мобильности студентов часто применяют различные денотаты терминов для обозначения одного и того же явления или одним и тем же термином обозначают различные понятия.

Мобильность в социологии, психологии и педагогике означает способность и готовность человека или группы к перемещению, изменению места проживания, работы, образа жизни и общественного положения, а также к адаптации к новым условиям и требованиям среды. В социологии мобильность рассматривается с различных точек зрения. Например, социальная мобильность относится к способности индивида изменять свое социальное положение в иерархии общества. Это может быть достигнуто через образование, профессиональную карьеру или изменение статуса в социальной группе.

В психологии мобильность рассматривается как способность человека адаптироваться к новым ситуациям и менять свое поведение и мнения. Это может включать гибкость мышления, умение принимать решения, адаптивность к изменениям и умение быстро адаптироваться к новым условиям.

В педагогике мобильность относится к готовности обучаемого к передвижению и изменению образовательной среды. Это может включать готовность к переходу из одного уровня образования на другой, готовность получать новые знания и навыки, а также готовность к адаптации к изменениям в обучающей среде.

Систематическое исследование мобильности началось в послевоенные пятидесятые годы с работ американских ученых Элтона Ф. Джексона и Гарри Д. Крокета о характере передвижений раз-

личных социальных групп и отдельных индивидуумов внутри одного общества (Каплина 2008, с. 87–89), причем в подавляющем большинстве социологи эмпирическим материалом для своего анализа выбрали профессиональную мобильность.

Изучение современной научной литературы позволяет детерминировать основные понятия проводимого исследования. Обратимся к анализу базовых понятий, используемых в нашей работе. Рассмотрим термины «*социально-профессиональная и академическая мобильность*», *системно зависимое от него* ближайшее понятие «*мобильность*» и дополняющее – «*профессиональная*», «*социальная*» и «*академическая*».

Исходя из вышеназванных базовых понятий, отмечаем, что предмет исследования находится в объектной связи как в учебной (академическая мобильность), так и во внеучебной деятельности (социально-профессиональная мобильность). В этой связи рассмотрим функциональные признаки учебной и внеучебной деятельности в вузе, поскольку полагаем, что организация и внедрение в учебный процесс академической мобильности (АМ) является системообразующим фактором в формировании социально-профессиональной мобильности казахстанских студентов.

В современной социологической науке одной из самых известных концепций мобильности является концепция, разработанная Р. Бендиксом и М. Липсетом. Эта концепция исследует социальную мобильность, то есть перемещение людей по социальной иерархии (Колобкова 2004). Ричард Бендикс и Мартин Липсет предложили концепцию мобильности как результат сочетания двух факторов: социоэкономических условий и индивидуальных способностей. Они считали, что социальная мобильность возникает в результате экономических возможностей и усилий индивидуума.

Концепция Бендикса и Липсета выделяется тем, что они уделяли большое внимание роли образования в социальной мобильности. Они считали, что образование играет важную роль в определении социального статуса и возможностей человека. Они также утверждали, что мобильность может быть ограничена факторами, такими как расовая или этническая принадлежность, пол и социальный класс.

П.А. Сорокиным введено понятие «социальной мобильности» и определено как социальные перемещения определенных индивидов или социальных объектов в обществе.

В соответствии с концепцией П.А. Сорокина видами мобильности являются: вертикальная и горизонтальная, групповая и индивидуальная, межпоколенная и внутрипоколенная, особо выделяются трудовая, профессиональная и культурная мобильности (Сорокин 1992).

В российской и казахстанской педагогике понятие «мобильность» связано с интересами общества, нуждающегося в готовых к функциональной жизнедеятельности личностях в условиях быстро меняющегося под воздействием технологий мира. Ученые считают, что воспитание молодежи, которая обладает мобильностью и сможет с успехом реализовать себя в таких условиях, становится на сегодняшний день одними из самых первостепенных целей системы образования.

По мнению Б.М. Игошева, объективной необходимостью на сегодняшний день является всестороннее и полное изучение вопросов мобильности с точки зрения педагогики (Игошев 2018). Мы согласны с данной позицией ученого, так как считаем, что именно в центре внимания педагогики должна стоять проблема организации индивидуальной мобильности обучающегося, соответственно, важной становится сущностная характеристика и структура мобильности. Из этого следует, что необходимо подготовить мобильных и в социальном, и в профессиональном плане специалистов, готовых к передвижениям внутри общества.

Социологи изучают различные аспекты мобильности: социальная мобильность (перемещение людей по социальной лестнице), профессиональная мобильность (перемещение по карьерной лестнице).

Предметом анализа научных трудов М. Вебера, Э. Дюркгейма, П. Сорокина стал функциональный подход рассмотрения понятия «профессиональная мобильность».

Исследования других ученых – А. Шюца, М. Шелера – раскрыли понятие «профессиональная мобильность» в качестве социального явления (Материалы IX Симпозиума 2018).

Российские ученые рассматривают профессиональную мобильность с разных сторон: основательно исследованы психологические аспекты трудовой деятельности; изучена методология анализа трудовой карьеры; освещено профессиональное самоопределение выпускников вуза; рассмотрен социо-культурологический подход подготовки будущих специалистов; проанализированы основные проблемы вузов в рамках социопарадигмы. Анализ исследований ученых позволил прийти к выводу о том, что мобильность имеет дуальный характер, который заключается, с одной стороны, в мобильности обладающего отдельными качествами индивида, с другой стороны, можно говорить о мобильности личности только в том случае, если она проявляется в какой-либо деятельности, в частности в подготовке выпускников к трудовой деятельности. Существует подход к профессиональной мобильности как форме трудовой мобильности, которая, по утверждению Т.И. Заславской, является не столько экономиче-

ским или социальным, сколько междисциплинарным понятием, выражается в профессиональном, квалификационном, социальном, отраслевом, территориальном и других перемещениях индивидов, является своеобразной формой их адаптации к новым технологическим и экономическим условиям функционирования (Пилецкая 2014). Главным фактором в достижении социальной и трудовой мобильности студентов является учеба в вузе, в котором персоналистический рост обучаемых, круг их интересов, определенных способностей достигается как через учебную, так и через внеучебную деятельность. Организация академической мобильности, которая приводит к социальной и трудовой мобильности, связана с развитием у студентов потребности в саморазвитии по нескольким причинам.

Во-первых, академическая мобильность предоставляет студентам возможность расширения своих знаний и компетенций за пределами университетского кампуса. Она позволяет студентам познакомиться с другими культурами, языками и образовательными системами. Это помогает им развить толерантность, межкультурное понимание и адаптивность к различным ситуациям. В результате, студенты становятся более гибкими и открытыми для новых возможностей, что способствует развитию их саморазвития.

Во-вторых, академическая мобильность часто связана с возможностями профессионального роста и получения работы. Образование за рубежом или обучение в другом университете может предоставить студентам широкий круг престижных контактов и повысить их competitiveness на рынке труда. Кроме того, обучение в международной среде может дать студентам уникальный опыт, который пригождается при поиске работы в международных компаниях или организациях.

Наконец, академическая мобильность способствует личностному росту и саморазвитию студентов. В процессе участия в программе обмена или стажировки, студенты сталкиваются с новыми ситуациями, вызовами и требованиями. Это помогает им развить личностные качества, такие как самоорганизация, самодисциплина, уверенность в себе и принятие решений. В результате, студенты становятся более независимыми и самостоятельными, что способствует их саморазвитию.

Таким образом, организация академической мобильности является важным фактором, способствующим саморазвитию студентов. Она помогает им расширить свои горизонты, развить новые навыки и качества, открывает новые возможности для личностного и профессионального роста, а также способствует повышению конкурентоспособности на рынке труда.

Роль академической мобильности в создании единого рынка труда и необходимость материаль-

ного обеспечения данного процесса в целях обретения возможности обучения в вузах других стран указывается в совещании Европейской Комиссии, состоявшемся в 2001 году в Брюсселе. В данной трактовке мы прослеживаем следующую параллель: обучение – главный труд студента, академическая мобильность – один из важных компонентов учебы, значит, можно утверждать взаимную связь между академической и трудовой мобильностью (ACA Paper on International 2004).

В настоящее время миграция академически ориентированной молодежи стала центральным звеном мировой системы высшего образования. Количественные показатели развития академической мобильности студентов очень внушительны: за последние пятьдесят лет прирост количества иностранных студентов во всем мире превысил общие темпы расширения сферы высшего образования.

В соответствии с данными ЮНЕСКО, около трех миллионов студентов проходят обучение вне пределов своей родины. Согласно исследованиям ОЭСР, с 1965 года (250 000) мобильность обучающихся из разных стран увеличилась до четырех миллионов к 2011 году. Эти данные характеризуют не только семестровый или годовой опыт обучения за рубежом, но и получение полного образования. Причем во всех источниках указывается, что более половины из вышеназванных студентов составляют обучающиеся из азиатских стран, что доказывает мобильность азиатов (ACA Paper on International 2004).

Совокупная численность иностранных студентов в России на начало 2015/2016 академического года составила 237 538 человек (5 % от общего числа студентов в Российской Федерации). Наибольшее число иностранных студентов из Республики Казахстан (36 % от общего числа студентов) (Факты образования 2016).

Как в России, так и в Казахстане разработано нормативно-методическое обеспечение АМ. В обеих странах данный процесс внедрен в учебный процесс и идет полным ходом.

Так, учеными Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова полно и всесторонне изучен вопрос о развитии академической мобильности как в России, так и за рубежом. В своей работе они детально рассмотрели разные аспекты нормативного обеспечения АМ в российском образовательном пространстве. Высоко оцениваем попытку московских ученых обеспечить нормативные документы для реализации АМ: положение об АМ, порядок признания периодов обучения и перезачета дисциплин, пройденных в зарубежных вузах и др.

В Республике Казахстан разработан основной документ по академической мобильности «Стратегия академической мобильности в Республике Казахстан» как обучающихся, так и профессор-

ско-преподавательского состава. В данном документе даются основные понятия и термины, приводится анализ состояния данной проблемы, четко и конкретно излагаются стратегические направления, цели и задачи развития АМ.

Кроме того, на сегодняшний день эти вопросы рассматриваются в Концепции академической мобильности обучающихся в вузах республики. Так, на сайте одного из ведущих вузов страны – Казахского Национального университета им. Аль-Фараби (<http://www.kaznu.kz/ru/11427/page>) сообщается об успешной реализации программ внешней и внутренней АМ как одном из стратегических направлений развития. Пройдя по гиперссылкам, все заинтересованные лица могут получить полную информацию о реализуемой в университете программе АМ: о министерской Программе «Семестр за рубежом», различных стипендиальных программах, о двудипломном образовании, об оформлении заграничной поездки, о подписанном меморандуме о сотрудничестве с Университетом Шанхайской организации сотрудничества, о международном сотрудничестве с двумястами университетами зарубежных стран, о транскрипте об обучении и др.

Заключение

Анализ источников становления в теоретической литературе таких понятий, как «профессиональная мобильность», «социальная мобильность», «академическая мобильность», позволил прийти к выводу о том, что мобильность обучающихся и выпускников означает их уверенность в своем будущем на основе веры в собственные силы и возможностей, предоставляемых этой программой.

Для разработки механизма академической мобильности студентов в программах академического обмена стран-участниц образовательного пространства следует обратить внимание на следующие аспекты:

1. Планирование программы обмена: необходимо определить цели, приоритетные области и параметры академической мобильности. Это может включать выбор университетов-партнеров, уровень образования, специальности и языки обучения.

2. Организационный аспект: важно установить процедуры подачи заявок, отбор студентов, подготовку документов и оформление необходимых виз и страховок. Также нужно предусмотреть механизмы поддержки студентов во время обмена, включая проживание, питание и медицинское обслуживание.

3. Академический аспект: следует разработать систему признания и трансфера учебных результатов, чтобы студентам было понятно, какие предметы можно изучить во время обмена и какие пре-

диды они смогут зачесть при возвращении в свой университет.

4. Финансовый аспект: необходимо определить источники финансирования программы обмена, включая возможности грантов и стипендий для студентов, а также предусмотреть расходы на организацию обмена и поддержку студентов на месте.

5. Оценка и мониторинг: рекомендуется установить систему оценки эффективности программы обмена и мониторинга достижений студентов для улучшения качества и результативности обмена.

6. Важнейшими мерами по увеличению роста академической мобильности являются также совершенствование нормативной базы сотрудничества стран – участниц образовательного пространства.

Для разработки механизма академической мобильности студентов в программах обмена может быть полезным изучение опыта других университетов и рассмотрение существующих моделей и практик в данной области литературы, включая исследования, статьи и руководства.

Библиографический список

Altbach, P.G. (2001), Internationalization and exchanges in a globalized university, *Journal of Studies in International Education*, vol. 5, iss. 1, pp. 5–25, DOI: <http://doi.org/10.1177/102831530151002>.

ACA Paper on International cooperation in education Promoting innovation and internationalization (2004), [Online], available at: https://www.lemmens.de/dateien/medien/buecher-ebooks/aca/2004_on_cooperation_and_competition.pdf (Accessed 26 Sep 2023).

Dittrich, K. (2004), The Implementation of ‘Bologna’ in Flanders and the Netherlands, *European Journal of Education*, vol. 39, iss. 3, pp. 299–316, DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1465-3435.2004.00185.x>.

Damme, D.V. (2001), Quality issues in the internationalisation of higher education, *Higher Education*, vol. 41, iss. 4, pp. 415–441.

Rostan, M. (2014), The International Mobility of Faculty, *The Internationalization of the Academy: Changes, Realities and Prospects*, ed.: F. Huang, M. Finkelstein, M. Rostan, *Springer Netherlands*, vol. 10, pp. 79–104, DOI: http://doi.org/10.1007/978-94-007-7278-6_5.

Teichler, U. (2007), Research on Internationalization in Higher Education, *Journal of Studies in International Education*, vol. 11, iss. 3/4, pp. 260–273, DOI: <http://doi.org/10.1177/1028315307303534>.

Stohl, M. (2007), We Have Met the Enemy and He Is Us: The Role of the Faculty in the Internationalization of Higher Education in the Coming Decade, *Journal of Studies in International Education*, vol. 11, iss. 3/4, pp. 359–372, DOI: <http://doi.org/10.1177/1028315307303923>.

Газалиев А.М., Егоров В. В., Головачёва В.Н. Проблемы и перспективы развития академической мобильности // *Alma mater. Вестник высшей школы*. 2014. № 3. С. 17–21.

Афонин Ю.А., Орлова Л.В. Профессиональные качества современного лидера-управленца: социологический анализ // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2015. № 3(12). С. 59–63.

Жмакина Н.Л., Телегина И.С., Брунсгаард М.Х. Организация производственной практики студентов университетского колледжа южной дании (дания) в рамках академической мобильности // *Вестник Нижневартовского государственного Университета*. 2018. №2. С. 21–27.

Игошев Б.М. Организационно-педагогическая система подготовки профессионально мобильных специалистов в педагогическом университете. Текст: монография. Москва: Гуманитар, изд. центр ВЛАДОС, 2018. 201 с.

Каплина С.Е. Концептуальные основы формирования профессиональной мобильности будущих специалистов в процессе изучения гуманитарных дисциплин // *Высш. образование сегодня*. 2008. №3. С. 87–89.

Подходы к построению систем оценки качества в образовании. Текст. // *Материалы IX Симпозиума «Квалиметрия человека и образования: методология и практика»*. Москва: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2000. 132 с.

Сорокин П.А. Социальная мобильность // *Человек. Цивилизация. Общество*. Москва, 1992.

Сулейменова Г.Н. Академическая мобильность как необходимость для повышения конкурентоспособности вуза // *Международный журнал экспериментального образования*. 2012. № 10. С. 58–62;

Умбиталиев Л.Д., Яновская О.А. Система управления качеством образования в вузе // *Международный журнал экспериментального образования*. Москва, 2016. № 8–1.

Трофимова И.Н. Международное сотрудничество российских вузов и академическая мобильность (по материалам отчетов о самообследовании) // *Социодинамика*. 2021. № 9. С. 1–10. DOI: <http://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.9.36241>.

Пилецкая Л.С. Профессиональная мобильность личности: новый взгляд на проблему // *Молодой ученый*. 2014. № 2 (61). С. 693–697. URL: <https://moluch.ru/archive/61/9004/> (дата обращения: 26.09.2023).

Факты образования Выпуск №7 (июль 2016 г.). Электронный ресурс. Режим доступа: <https://ioe.hse.ru/data/2016/08/04/1119531130/%D0%A4%D0%9E7.pdf> (дата обращения: 26.09.2023).

Юревич М.А., Малахов В.А. Социологические исследования международной академической мо-

бильности // *Управление наукой: теория и практика*. 2019. Т. 1. № 2. С. 103–117. DOI: <http://doi.org/10.19181/Бт1р.2019.1.2.6>.

References

Altbach, P.G. (2001), Internationalization and exchanges in a globalized university, *Journal of Studies in International Education*, vol. 5, iss. 1, pp. 5–25, DOI: <http://doi.org/10.1177/102831530151002>.

ACA Paper on International cooperation in education Promoting innovation and internationalization (2004), [Online], available at: https://www.lemmens.de/dateien/medien/buecher-ebooks/aca/2004_on_cooperation_and_competition.pdf (Accessed 26 Sep 2023).

Dittrich, K. (2004), The Implementation of ‘Bologna’ in Flanders and the Netherlands, *European Journal of Education*, vol. 39, iss. 3, pp. 299–316, DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1465-3435.2004.00185.x>.

Damme, D.V. (2001), Quality issues in the internationalisation of higher education, *Higher Education*, vol. 41, iss. 4, pp. 415–441.

Rostan, M. (2014), The International Mobility of Faculty, *The Internationalization of the Academy: Changes, Realities and Prospects*, ed.: F. Huang, M. Finkelstein, M. Rostan, *Springer Netherlands*, vol. 10, pp. 79–104, DOI: http://doi.org/10.1007/978-94-007-7278-6_5.

Teichler, U. (2007), Research on Internationalisation in Higher Education, *Journal of Studies in International Education*, vol. 11, iss. 3/4, pp. 260–273, DOI: <http://doi.org/10.1177/1028315307303534>.

Stohl, M. (2007), We Have Met the Enemy and He Is Us: The Role of the Faculty in the Internationalization of Higher Education in the Coming Decade, *Journal of Studies in International Education*, vol. 11, iss. 3/4, pp. 359–372, DOI: <http://doi.org/10.1177/1028315307303923>.

Gazaliev, A.M., Egorov, V.V., Golovacheva, V.N. (2014), Problems and prospects of academic mobility development, *Alma mater. Bulletin of the Higher School*, no. 3, pp. 17–21.

Afonin, Yu.A. and Orlova, L.V. (2015), Professional qualities of a modern leader-manager: a sociological analysis, *Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*, no. 3(12), pp. 59–63.

Zhmakina, N.L., Telegina, I.S., Brunsgaard, M.H. (2018), Organization of student internship in university college south denmark within the framework of academic mobility, *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, no. 2, pp. 21–27.

Igoshev, B.M. (2018), *Organizational and pedagogical system of training professionally mobile specialists at the Pedagogical University*, Publishing house of the VLADOS Center, Moscow, Russia.

Kaplina, S.E. (2008), Conceptual foundations of the formation of professional mobility of future spe-

cialists in the process of studying humanities, *Higher education today*, no. 3, pp. 87–89.

Approaches to the construction of quality assessment systems in education Text (2000), *Proceedings of the IX Symposium "Qualimetry of man and education: methodology and practice"*, Research Center for Quality problems of training specialists, Moscow, Russia.

Sorokin, P.A. (1992), Social mobility, *Man. Civilization. Society*, Moscow, Russia.

Suleimenova, G.N. (2012), Academic mobility as a necessity for improving the competitiveness of the university/achievements and problems of the educational system of Kazakhstan, *International Journal of Experimental Education*, no. 10, pp. 58–62.

Umbitaliev, L.D. and Yanovskaya, O.A. (2016), Quality management system of education in higher education, *International Journal of Experimental Education*, no. 8–1.

Trofimova, I.N. (2021), International cooperation of Russian universities and academic mobility (based

on the materials of self-examination reports), *Socio-dynamics*, no. 9, pp. 1–10.

Piletskaya, L.S. (2014), Professional mobility of personality: a new look at the problem, *Young scientis*, no. 2 (61), pp. 693–697, [Online], available at: <https://moluch.ru/archive/61/9004/> (Accessed 26 Sep 2023).

Facts of education, Issue no. 7 (2016), [Online], available at: <https://ioe.hse.ru/data/2016/08/04/1119531130/%D0%A4%D0%9E7.pdf> (Accessed 26 Sep 2023).

Yurevich, M. and Malahov, V. (2019), Sociological Studies Of International Academic Mobility, *Upravlenie naukoj: teoriya i praktika*, vol. 1, no 2, pp. 103–117, DOI: <http://doi.org/10.19181/smtp.2019.1.2.6>.

Submitted: 07.07.2023

Revised: 30.08.2023

Accepted: 02.10.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 070:316.477

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-3-115-122

Дата поступления: 08.07.2023
рецензирования: 01.09.2023
принятия: 01.10.2023

А.А. Нечитайло

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: nechitaylo.aa@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3854-1542>

Н.В. Прядильникова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: pryadilnikova.nv@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6692-2858>

Т.Ю. Депцова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: depcova.tyu@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0347-5231>

А.А. Гнутова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: gnutova.aa@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2317-804X>

С.А. Нечитайло

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: s.nechit@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4390-335X>

**Медиаиндустрия в условиях информационного общества:
векторы профессиональной самореализации**

Аннотация: в статье рассмотрены особенности современного этапа развития медиаиндустрии в условиях информационного общества. Предлагается эксплицировать медиаиндустрию в аспекте ее взаимодействия с другими сегментами экономики, а также с позиций ее влияния на социальную стратификацию в связи с так называемым цифровым неравенством. Авторы приходят к выводу о том, что цифровые возможности делают сферу медиаиндустрии максимально перспективной и эффективной как для бизнеса, так и для профессиональной самореализации, при этом подчеркивается, что обучаемость, способность к интеллектуально-творческому развитию становятся в информационном обществе решающим фактором профессиональной реализации.

Ключевые слова: медиаиндустрия; информационное общество; цифровизация; медиапродукт; интеллектуальная элита; социальная стратификация; лидогенерация.

Цитирование: Нечитайло А.А., Прядильникова Н.В., Депцова Т.Ю., Гнутова А.А., Нечитайло С.А. Медиаиндустрия в условиях информационного общества: векторы профессиональной самореализации // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 3. С. 115–122. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-115-122>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Нечитайло А.А., 2023** – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры издательского дела и книготорговли, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© **Прядильникова Н.В., 2023** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры издательского дела и книготорговли, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© **Депцова Т.Ю., 2023** – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой издательского дела и книготорговли, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© **Гнутова А.А., 2023** – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры издательского дела и книготорговли, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© **Нечитайло С.А., 2023** – кандидат экономических наук, доцент кафедры издательского дела и книготорговли, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.A. Nechitaylo

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: nechitaylo.aa@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3854-1542>

N.V. Pryadilnikova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: pryadilnikova.nv@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6692-2858>

T.Yu. Deptsova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: depcova.tyu@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0347-5231>

A.A. Gnutova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: gnutova.aa@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2317-804X>

S.A. Nechitaylo

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: s.nechit@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4390-335X>

Media industry in the information society: tracks of the professional self-realization

Abstract: the article considers the features of the modern media industry development in the information society. The media industry is proposed to explicate in terms of its interaction with other economy segments, and also with regard to its influence on the social stratification due to the so called digital divide. The authors conclude that the digital opportunities make the media industry extremely advanced and efficient both for business and professional self-realization, upon that the authors emphasize that the learning ability, ability to the intellectual and creative development are becoming determinants of professional realization in the information society.

Key words: media industry; information society; digitalization; media product; intellectual elite; social stratification; lead generation.

Citation: Nechitaylo, A.A., Pryadilnikova, N.V., Deptsova, T.Yu., Gnutova, A.A., Nechitaylo, S.A. (2023), Media industry in the information society: tracks of the professional self-realization, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 3, pp. 115–122, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-115-122>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Nechitaylo A.A., 2023** – Doctor of Sciences in Economy, Professor, Professor of the Publishing Business Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Pryadilnikova N.V., 2023** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Publishing Business Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Deptsova T.Yu., 2023** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Publishing Business Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Gnutova A.A., 2023** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Publishing Business Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Nechitaylo S.A., 2023** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Publishing Business Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Вектор развития человечества обусловлен стремлением к биологическому, социальному и эмоциональному комфорту, достижение которого в различные эпохи обеспечивалось имеющимися ресурсами и являлось стимулом социальных и экономических изменений. Развитие промышленного производства позволило рассматривать в качестве ресурса не только сырье и товары повседневного спроса, но также товары, не являющиеся предметами первой необходимости (ювелирные изделия, парфюмерия, одежда haute couture, предметы искусства и коллекционирования), возникает понятие роскоши, формируются группы элит, в первую очередь финансово-промышленных. Индустриализация привела к расширению производственного сектора экономики, но вместе с тем стимулировала развитие сектора непроизводственного – возникают компании, не занятые в каком-либо производстве, но обеспечивающие его сопровождение – страхование, юридическая поддержка, консультирование, начинает активно развиваться сфера услуг – особая отрасль экономики, специализирующаяся на удовлетворении нематериальных потребностей – транспорт и коммуникации, организация досуга и ритуальных церемоний и т.д.

Переход к постиндустриальной экономике исследователи связывают с максимально устойчивым темпом и достаточным объемом производства товаров и услуг, их количественное увеличение более не является приоритетной задачей, появляется необходимость улучшить их качество и расширить ассортимент, привлечь покупателя/потребителя, происходит перераспределение занятости людей с преимущественной ориентацией на такие сферы, как торговля, финансы, транспорт, здравоохране-

ние, индустрия туризма, наука, образование, искусство, управление и др. При этом сохраняется промышленное производство, сельское хозяйство, но реальный сектор экономики обеспечивает свое существование и развитие на основе инновационных решений и интеллектуальных разработок, в связи с чем становится необходимостью непрерывное образование: чтобы иметь возможность достойного заработка, необходимо повышать квалификацию, обучаясь в течение всей жизни. Начинает формироваться новый этап общественного развития, получивший название информационного общества (Уэбстер 2004, Белл 2004).

Основным вектором постиндустриального развития традиционно принято считать идею информационной трансформации общества, основанной на производстве и передаче знаний, таким образом ставится знак идентичности между понятиями постиндустриального общества и общества информационного. Полагаем, что с организационно-экономической и технологической точек зрения – это все же разные категории, предполагающие разные сценарии общественного развития. Концепция постиндустриального общества базируется на основе максимальной реализации возможностей сферы услуг, информационное же общество следует рассматривать в контексте актуализации прежде всего сферы развития рынка информационных и телекоммуникационных услуг и технологий, то есть в аспекте цифровизации экономики и социально-экономической сферы в целом, а также возможности профессиональной самореализации в этих сферах. При этом цифровизация связана не только с внедрением и активным использованием информационных технологий в разных сферах жизни социума – бизнесе, производстве, политике, экономике, культуре, образовании, но и с функ-

ционированием новых алгоритмов генерации и использования продуктов интел-лектуальной собственности.

Ход исследования

Наиболее показательными и значимыми изменениями, связанными с цифровизацией, являются изменения в таком секторе экономики, как медиаиндустрия, которая, с одной стороны, характеризуется широкомасштабным использованием цифровых способов сбора, производства, распространения и хранения медиапродуктов (Буряк 2014, Варганова 2017), а с другой – является мощным драйвером развития цифровой экономики, вовлекая в цифровую среду все большее количество потребителей и оказывая таким образом значительное влияние на все сферы жизнедеятельности человека и общества.

Понятие медиаиндустрии в настоящее время не имеет четких характеристик и находится в процессе формирования, несмотря на частотность использования самого слова. По справедливому замечанию А.Н. Фоминой, в континууме определений понятия медиаиндустрии «большинство исследователей в качестве основного результата производственной деятельности выделяют распространение содержания (медиапродуктов) с целью информирования и развлечения населения и полностью игнорируют ее целевую бизнес-ориентацию на извлечение прибыли из производства, хранения и распространения/потребления медиапродуктов» (Фомина 2023, с. 79).

Действительно, на сегодняшний день можно утверждать, что этот сектор экономики имеет структуру, присущую сложившейся индустрии: средства производства, производимый продукт, дистрибуцию, конечного потребителя, создаваемые рабочие места и т.д. Основополагающей характеристикой современной медиаиндустрии является тесная взаимосвязь между интеллектуальным трудом и цифровыми технологиями, чему способствовали следующие факторы:

- увеличение роли информации, знаний и цифровых технологий в жизни общества;
- возрастание числа людей, занятых информационными технологиями, коммуникациями и производством информационных продуктов и услуг, рост их доли в валовом внутреннем продукте;
- нарастающая цифровизация общества с использованием телефонии, радио, телевидения, сети Интернет, а также традиционных и электронных СМИ;
- создание глобального цифрового пространства, обеспечивающего эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам, удовлетворение их потребностей в информационных продуктах и услугах.

В данной статье на основе анализа имеющихся дефиниций (Бирюков 2014, McQuail 2010, Дзялошинский 2020) в качестве рабочего определения будем использовать следующее: медиаиндустрия – совокупность видов деятельности, связанных с производством, упаковкой, хранением, распределением и дистрибуцией медиасодержания в цифровой технологической медиасреде, имеющих целью извлечение прибыли посредством удовлетворения запросов потребителя на информационный контент любого свойства (новости, развлечения, игры, онлайн-экскурсии, предложение товаров и услуг и т.д., вплоть до кулинарных рецептов), а также обеспечения доступа производителей, продавцов и рекламодателей к аудитории.

Продуктом медиаиндустрии может считаться любой феномен, созданный посредством интел-лектуально-творческого подхода с применением цифровых технологий, например, приложения для смартфонов. Факторы, которые обеспечивают монетизацию таких продуктов, – это удобство использования, технологичность и эстетичность. И это результат деятельности не одного человека, а целой многочисленной группы людей, занятых интеллектуальной деятельностью, – разработчиков, специалистов, UI- и UX-дизайнеров, маркетологов, что также свидетельствует о сформированности цифровой медиаиндустрии как самостоятельной экономической отрасли.

По данным группы «Система управления репутацией мониторинга СМИ и соцмедиа», 84 % россиян заходят в интернет в поисках информации. На втором месте стоит потребность быть в курсе новостей, знать, что происходит в мире. Далее идёт общение с друзьями, своими знакомыми и просмотр видеоконтента. 53 % пользователей заходят в интернет, чтобы получить инструкции по решению конкретной задачи

Быструю динамику развития демонстрирует и онлайн-торговля. Так, по данным Яндекс Маркета и GfK Rus, опубликованным в начале 2023, за последние пять лет число онлайн-покупателей в России выросло почти вдвое, сейчас в интернете не реже двух раз в год покупают примерно 60 % городских жителей 16–55 лет. Почти 85 % из них делают заказы минимум раз в месяц, почти 30 % – минимум раз в неделю. При этом доля покупок со смартфонов и планшетов продолжает расти и уже превысила 67 %, люди почти в четыре раза чаще пользуются приложениями магазинов, чем сайтами. Возможность прочитать отзывы о товарах, сравнить сами товары и цены на них в разных магазинах делает покупку максимально удобной.

Стремление потребителей пользоваться онлайн-сервисами стимулирует бизнес переходить на цифровые каналы коммуникации, которые являются реально работающим инструментом привлечения новых и удержания существующих

потребителей, что может обеспечить более высокую прибыльность бизнесу. Продукты медиаиндустрии дают возможность более широкого охвата аудитории и удержания ее интереса путем использования таких механизмов, реализовать которые в принципе возможно только в цифровом пространстве, пример такого механизма – лидогенерация. Принципиальное отличие лидогенерации от традиционной рекламы состоит в том, что это не просто попытка побуждения к приобретению товара или услуги, а возможность получения обратной связи от покупателя/потребителя, создание клиентской базы и взаимодействия с потенциальным потребителем. Для стимулирования к приобретению товара, особенно дорогостоящего, уже недостаточно рекламного эмоционального нажима, в условиях перепроизводства необходимо персонализировать процесс покупки или предоставления услуги – предложить те характеристики товара, которые будут интересны конкретному потребителю, или создать условия, которые потенциальный потребитель сочтет комфортными при взаимодействии с продавцом товара или поставщиком услуг, например, предложить изготовление мебели по размерам и пожеланиям заказчика в максимально сжатые сроки, бесплатную ее доставку и сборку. Но такое предложение должно быть адресным, в противном случае оно просто растворится в информационном шуме, и вот эту адресность и позволяет обеспечить лидогенерация, путем использования различных продуктов медиаиндустрии: DMP-платформ, чат-ботов, видеороликов.

DMP-платформы собирают неструктурированные данные об аудитории из открытых источников: интернет, мобильное приложение, инструменты веб-аналитики, CRM, точки продаж, социальные сети и т.д. Эти данные могут быть собраны на основе определенного поведения пользователей (клики, лайки, загрузки) или указанных ими интересов (спорт, воспитание детей, хобби и т.п.) и социально-демографических характеристик.

Чат-бот – это программа для лидогенерации и автоматического общения с клиентами на сайте, в мессенджерах и соцсетях, мобильном приложении компании. Виртуальный помощник отвечает на вопросы, предоставляет информацию о продукте или услуге, помогает решить проблемы, например, потенциальный потребитель на этапе выбора через чат-бот может получить информацию о примерной стоимости товара или услуги, о местонахождении точек сервисного обслуживания, получить рекомендации по устранению неполадок и т.п. В ходе переписки потенциальный потребитель получает предложение подписаться на рассылку, скачать полезный материал, оставить телефон или адрес электронной почты. Затем чат-бот передает данные клиента в CRM-систему

или отдел продаж. Такой подход эффективнее, чем просто попросить заполнить форму обратной связи, в некоторых отраслях коэффициент обратной связи в чат-ботах достигает 70 %.

Видеоролики – инструмент стратегии использования видеоконтента для лидогенерации и лучшей узнаваемости бренда, получившей название видеомаркетинга. Современные потребители предпочитают визуализированную форму подачи информации текстовой или аудио. Видео способно показать продукт в действии, по данным статистики, после просмотра видеоролика 84 % людей соглашаются купить товар или услугу. Инструментами видеомаркетинга могут быть ролики в социальных сетях, на YouTube, на сервисах бесплатных объявлений, площадках маркетплейсов и т.п.

Сформировались и другие способы маркетинга, также основанные на использовании цифровых технологий: Influence-маркетинг, мессенджер-маркетинг, контент-маркетинг, овниканальный маркетинг и др. Безусловно, возможности медиаиндустрии для бизнеса в эпоху цифровизации не ограничиваются только описанными процессами, а имеют гораздо более широкое применение во многих сегментах экономики и формируют новые возможности. Показателен в этом смысле пример компании Netflix, которая сумела в максимальной степени использовать преимущества цифровых технологий, превратившись в крупнейшую площадку по производству и стримингу медиапродуктов.

В качестве еще одного примера можно привести неожиданный, на первый взгляд, ажиотаж вокруг NFT, оказывающий сейчас значительное влияние на рынок коллекционирования объектов искусства. На самом же деле покупка NFT – это есть ни что иное, как покупка медиапродукта в статусе цифрового имущества, то есть с правом исключительного владения и использования. По сути NFT представляет собой реестровую запись в блокчейне, которая содержит сам цифровой объект (при этом с технической точки зрения неважно, является ли этот объект оцифрованным произведением искусства или просто случайным файлом, содержащим изображение, звуковую дорожку, текст, фотографию и т.п.), информацию о создателе произведения (защита авторских прав NFT) и данные о владельце NFT в форме информации о номере его кошелька в системе Ethereum. Кроме того, NFT предполагает встроенную информацию о наборе прав владельца, это может быть разрешение на свободную демонстрацию изображений или воспроизведение музыки и видео офлайн или более широкий спектр прав, предполагающий, например, трансляцию музыки или видео в интернете, то есть онлайн, производство ремиксов, получение других лицензий и т.д.

Как было отмечено выше, информационное общество предоставляет возможность профессиональной самореализации для людей, занятых исключительно созданием продуктов интеллектуальной деятельности, что, в свою очередь, ведет к новой стратификации общества. Э. Тоффлер еще в 1970 году писал о «когнитариате», понимая под этим термином высокообразованных интеллектуалов, обладающих профессиональными навыками работы с информацией, как в смысле ее потребления и переработки, но главным образом – в смысле ее генерации и производства, которые и составляют элиту информационного общества (Тоффлер 2001). Десятилетием позже он же указал на феномен, который сейчас получил название «цифровое неравенство и цифровая дискриминация» – расслоение общества по возможности получать и использовать информацию, передаваемую посредством современных информационно-коммуникационных технологий. В частности, Э. Тоффлер отмечал, что люди с уже сформированными в постиндустриальном обществе профессиональными навыками «чувствуют себя вырванными из пространства новых средств информации не только потому, что многое из того, что они видят и слышат, пугает, но и тип подачи материала незнаком» (Тоффлер 2004, с. 27). Следовательно, профессиональная самореализация и возможность получения высокого дохода все больше ставятся в зависимость от способности к трансформации, получения новых знаний и формирования необходимых компетенций.

Выводы

Можно констатировать, что обучаемость, способность к интеллектуально-творческому развитию становятся в информационном обществе решающим фактором профессиональной реализации. В результате в экономике формируются новые базовые принципы, происходит трансформация профессиональной деятельности и структуры социальной стратификации в целом, образуется слой интеллектуальной элиты, которая является собственником средств производства, обеспечивает запросы потребителя и при этом порой даже не нуждается в постоянном работодателе и производственно-офисном помещении: блогеры, разработчики программного обеспечения и его тестировщики, SEO-специалисты, аналитики данных, Frontend-разработчики, веб-дизайнеры, UI/UX-дизайнеры, редакторы текстов для нейросети и т.д.

В заключении остановимся на явлении, которое является прямым следствием расширения медийного пространства, – возможности монетизировать индивидуальные ресурсы без владения какими-либо уникальными знаниями или компетенциями, хотя это утверждение и вступает в про-

тиворечие с тем, о чем было сказано выше. Современная медиаиндустрия значительно расширило число так называемых «людей известности» и в некоторой степени примитивизировала способы, которыми известность достигается. Если говорить о современной медиаиндустрии, то это как раз та сфера, в которой высокий доход обеспечивается в том числе личной популярностью, известностью производителя медиапродукта. На известность как социальный ресурс обратил внимание Райт Миллс еще в середине 50-х годов XX века (Миллс 1959), исследованию этого явления в условиях информационного общества посвящены работы Л.Е. Гринина (Гринин 2004), Д.Р. Гимадеевой (Гимадеева 2011). Подчеркнем, что речь идет о медийной известности, то есть приобретенной посредством тиражирования имени или портрета в медиaprостранстве, благодаря чему персона становится популярной и обсуждаемой уже за его пределами.

Ключевое отличие «доцифрового» периода функционирования медиаиндустрии от современного состоит в том, что теперь тиражировать свое имя и изображение в медиaprостранстве можно самостоятельно – по сути, наличие смартфона и умение использовать его функции иногда оказывается достаточным условием для того, чтобы стать «человеком известности» – например, разместить на одной или нескольких платформах видеоролик, который может оказаться вирусным, то есть активно распространяться интернет-пользователями. Есть немалое количество примеров, когда интернет-популярность делала человека известным уже в реальной жизни. Парадокс информационного общества состоит в том, что парадигма оценивания контента сужается практически до критерия количества просмотров.

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что в информационном обществе технологические навыки генерирования, передачи и использования цифрового контента приобретают все большую значимость для успешной профессиональной самореализации, поскольку уже практически невозможно найти сферу экономики, в которой эти навыки не оказались бы востребованы.

Библиографический список

- McQuail, D (2010), *Mcquail's mass communication theory*, SAGE Publications, London.
- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Изд. 2-ое, испр. и доп. Москва: Academia, 2004. 788 с.
- Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. Москва: Прогресс, 1986. С. 330–342.
- Бирюков В.А., Борисова С.Г. Трансформация медиаиндустрии в условиях информационно-се-

тевой экономики // Известия высших учебных заведений: Проблемы полиграфии и издательского дела: Москва: МГУП им. Ивана Федорова. Москва, 2014. с. 122–130. Буряк М.А. Медиа-сфера: концептуализация понятия // Вестник СПбГУ. Сер.9. 2014. № 2. С. 200–212.

Вартанова Е.Л. Теория медиа: отечественный дискурс. Москва: Фак. журн. МГУ; Изд-во МГУ, 2019. 224 с.

Вартанова Е.Л., Вырковский А.В., Makeenko М.И., Смирнов С.С. Индустрия российских медиа: цифровое будущее. Москва: МедиаМир, 2017. 160 с.

Гимадеева Д.Р. Популярность и социальная мобильность в эпоху информационного общества // Вестник экономики, права и социологии, 2011, № 4, Социология. С. 227–229.

Гринин Л.Е. Феномен информационного общества: «люди известности» // Философия и общество. 2/2004. С. 5–23.

Дзялошинский И.М., Лободенко Л.К., Пильгун М.А. Социальные сообщества и коммуникационные сервисы в эпоху цифровой цивилизации: монография. Челябинск: Издательский центр ЮурГУ, 2020. 746 с.

Маккуэйл Д. Теория массовой коммуникации. 6-е изд. Лондон: Sage, 2010. 632 с.

Миллс Ч.Р. Властвующая элита / Пер. с англ. Е.И. Розенталь [и др.]; Предисл. В.Е. Мотылева, [с. 5–21]. Ред. Л.Я. Розовский. Москва: Изд-во иностр. лит., 1959. 543 с.

Прохоров А., Коник Л. Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт. Издание второе, исправленное и дополненное. Москва: ООО «КомНьюс Групп», 2019. 368 с., ил.

Развитие онлайн-торговли в России. 2022. 10 февраля 2023. По данным Яндекс Маркета и GfK Rus. URL: <https://yandex.ru/company/researches/2022/ecomdash> (дата обращения: 1.07.2023).

Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе. Москва: Прогресс. 1986. 394 с.

Тоффлер Э. Третья волна. Москва: АСТ, 2004. 781 с.

Тоффлер Э. Шок будущего. Москва: АСТ, 2001. 560 с.

Уэбстер Ф. Теория информационного общества / Пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной; под ред. Е.Л. Вартановой. Москва: Аспект Пресс, 2004. 400 с.

Фомина А.Н. Концептуализация понятия «медиаиндустрия» // Креативная экономика. 2023. Том 17. № 1. С. 71–90. DOI: <http://doi.org/10.18334/ce.17.1.116957>. URL: <https://creativeconomy.ru/lib/116957> (дата обращения: 15.02.2023).

References

McQuail, D. (2010), *Mcquail's Mass Communication Theory*, SAGE Publications, London, UK.

Bell, D. (2004), *The coming post-industrial society. Experience in social forecasting*, Academia Press, Moscow, Russia.

Bell, D. (1986), Social framework of the information society, *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade [New technocratic wave in the West]*, Progress Press, Moscow, pp. 330–342.

Biryukov, V.A. and Borisova, S.G. (2014), Transformation of the media industry in the conditions of the information-network economy, *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij: Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela [News of higher educational institutions: Problems of printing and publishing]*, MSUPA Press, Moscow, pp. 122–130.

Buryak, M.A. (2014), Media sphere: conceptualization of the concept, *Vestnik SPbGU [Bulletin of St. Petersburg State University]*, SPbGU Press, Saint Petersburg, vol. 9, issue 2, pp. 200–212.

Vartanova, E.L. (2019), *Media theory: domestic discourse*, Moscow University Press, Moscow, Russia.

Vartanova, E.L., Vyrkovskij, A.V., Makeenko, M.I., Smirnov, S.S. (2017), *Russian media industry: digital future*, MediaMir LLC, Moscow, Russia.

Gimadeeva, D.R. (2011), Popularity and social mobility in the era of the information society, *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii [Bulletin of Economics, Law and Sociology]*, “Ekspert 16” LLC, Kazan, issue 4, Sociology Edition, pp. 227–229.

Grinin, L.E. (2004), The phenomenon of the information society: “people of fame”, *Filo-sofiya i obshchestvo [Philosophy and Society]*, Uchitel Publishing House, Volgograd, issue 2, pp. 5–23.

Dzyaloshinskij, I.M., Lobodenko, L.K., Pil'gun, M.A. (2020), *Social communities and communication services in the era of digital civilization*, Monograph, South Ural State University Press, Chelyabinsk, Russia.

Mills, C.W. (1959), *Vlastvuyushchaya elita [The power elite]*, Translated from English by E.I. Rozental with Introduction by V.E. Motyleva, [pp. 5–21], Edited by L.Ya. Rozovskij, Foreign Languages Publishing House, Moscow, Russia.

Prohorov, A. and Konik, L. (2019), *Digital transformation. Analysis, trends, world experience*, Second Edition. “ComNews Group” LLC, Moscow, Russia.

Development of online trading in Russia [Razvitiye onlajn-torgovli v Rossii] (2022) [Online], available at: <https://yandex.ru/company/researches/2022/ecomdash> (Accessed 10 February 2023).

Stonier, T. (1986), Informacionnoe bogatstvo: profil' postindustrial'noj ekonomiki [The wealth of information: A profile of the post-industrial economy], *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade [New*

technocratic wave in the West], Progress Press, Moscow, Russia.

Toffler, E. (2004), *The third wave*, AST Publishing House, Moscow, Russia.

Toffler, E. (2001), *Future shock*, AST Publishing House, Moscow, Russia.

Webster, F. (2004), *Teorii informacionnogo obshchestva [Theories of the information society]*, Translated from English by M.V. Arapova, N.V. Malyhinoj; Edited by E.L. Vartanovoj, Aspekt Press Publishing House, Moscow, Russia.

Fomina, A.N. (2023), Conceptualization of the concept of “media industry”, *Kreativnaya ekonomika [Creative Economics]*, vol. 17, issue 1, pp. 71–90, DOI: <http://doi.org/10.18334/ce.17.1.116957>, [Online], available at: <https://creativeconomy.ru/lib/116957> (Accessed 15 February 2023).

Submitted: 08.07.2023

Revised: 01.09.2023

Accepted: 01.10.2023

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ
УДК 82

Дата поступления: 09.07.2023
принятия: 01.10.2023

Ю.Р. Гарбузинская

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: garbuzinskaya.yur@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0313-5848>

В.Н. Иванова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: tigrel@ya.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6463-1763>

Н.Т. Рымарь

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: rimar.nt@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1559-4641>

**Региональный методологический теоретический семинар
«Theoretical studies»: «Формальный метод в литературоведении
и его критика»**

Аннотация: статья посвящена научному мероприятию – IV Региональному методологическому теоретическому семинару «Theoretical studies». В статье цитируются выдержки из вступительной лекции к семинару профессора Н.Т. Рымаря и проводится обзор поднятых в ходе работы семинара тем.

Ключевые слова: теоретический семинар; формальный метод в литературоведении; анализ художественного текста методом формальной школы; критика формального метода; формальный метод и работы Бахтина.

Цитирование: Гарбузинская Ю.Р., Иванова В.Н., Рымарь Н.Т. Региональный методологический теоретический семинар «Theoretical studies»: «Формальный метод в литературоведении и его критика» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 3. С. 123–130.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Гарбузинская Ю.Р., 2023** – доцент кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© **Иванова В.Н., 2023** – ассистент кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© **Рымарь Н.Т., 2023** – профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

EDITORIAL ARTICLE

Yu.R. Garbuzinskaya

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: garbuzinskaya.yur@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0313-5848>

V.N. Ivanova

Samara National Research University,

Samara, Russian Federation

E-mail: tigrel@ya.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6463-1763>**N.T. Rymar**

Samara National Research University,

Samara, Russian Federation

E-mail: rimar.nt@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1559-4641>

Regional methodological theoretical seminar "Theoretical studies": "Formal method in literature studies and its criticism"

Abstract: the article is devoted to a scientific event - the IV Regional methodological theoretical seminar "Theoretical studies". The article quotes excerpts from Professor N.T. Rymar's seminar introductory lecture and reviews the topics raised during the seminar.

Key words: theoretical seminar; formal method in literature studies; analysis of a literary text by the formal school method; criticism of the formal method; formal method and Bakhtin's works.

Citation: Garbuzinskaya, Yu.R., Ivanova, V.N., Rymar, N.T. (2023), Regional methodological theoretical seminar "Theoretical studies": "Formal method in literature studies and its criticism", *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 3, pp. 123–130.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Garbuzinskaya Yu.R., 2023** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Ivanova V.N., 2023** – Assistant of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Rymar N.T., 2023** – Doctor of sciences in Philology, Professor, Professor of Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Региональный методологический теоретический семинар «Theoretical studies»: «Формальный метод в литературоведении и его критика» стал четвертым семинаром в рамках задуманной серии мероприятий, начатых в 2019 году по инициативе коллег из Самарского государственного социально-педагогического университета. Начиная с 2019 года этот семинар проводится ежегодно и попеременно двумя кафедрами: кафедрой литературы, журналистики и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета и кафедрой русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского университета. К работе семинара руководители команд двух вузов предлагают для обсуждения разные теоретические школы литературоведения и художественные тексты для их анализа изученными методами. В 2023 году темой семинара стал «Формальный метод в литературоведении и его критика».

История семинара и особенности мероприятия в 2023 году

Первый семинар в 2019 году по теме «Теория автора» организовывали коллеги из Самарского социально-педагогического университета, а в 2020 году семинар проводила кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского университета на тему «Историческая поэтика». Третий семинар снова был организован коллегами кафедры литературы, журналистики и методики обучения по теме «Мыслящие миры Ю.М. Лотмана; структуральный метод литературоведения».

В 2023 году было решено провести семинар в два этапа. Первый (подготовительный) этап прошел с 30 января 2023 до 14 февраля 2023 с участием научных руководителей команд: д.ф.н., проф. Абрамовских Е.В., к.ф.н., доц. Гарбузинской Ю.Р. За это время необходимо было собрать заявки участников (студентов, магистрантов, аспирантов), изучить научную литературу по теме семинара, выбрать материал для анализа художественного текста и провести несколько встреч со

студентами, подготовив проекты для итогового этапа.

Второй этап (итоговый) прошел с 28 февраля по 11 марта и включал в себя три встречи организаторов семинара, преподавателей и представителей команд участниц, во время которых прошло слушание и обсуждение открытой лекции профессора Николая Тимофеевича Рымаря «Критика формального метода: М.М. Бахтин» и были представлены проекты участников по обобщению и критике основных положений формальной школы и анализу художественного текста в рамках изучаемого литературоведческого метода.

Для подготовки проекта и анализа текста участникам семинара предлагались следующие оригинальные исследования представителей формальной школы и ряд исторических и методологических работ по осмыслению русского формализма. С полным перечнем можно ознакомиться в библиографическом списке.

Среди художественных текстов, предложенных для анализа: Бродский И. «Цветы», «Каждый перед богом наг...», «Одиночество», «Я не то что схожу с ума, но устал за лето»; Набоков В. «Рождество», «Музыка», «Посещение музея»; Седакова О. «Стансы на смерть котенка»; Темников А. «Наблюдение»; Шварц Е. «До сердцевины спелого граната...»

Формализм и бахтинизм

Российское литературоведение в XX веке породило два значительных научных направления мировой науки, формирование и развитие которых происходило почти одновременно – в декабре 1914 года студент первого курса Петроградского университета Виктор Шкловский выступил с докладом «Воскрешение слова», положившим начало Русской формальной школе в литературоведении. Не позже 1918–1920 годов начинается формирование бахтинского учения – в работе над рукописями «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности» и затем в трудах «бахтинского круга» – его друзей-соратников. Эти два учения получили у нас широкую известность только начиная с 60-х годов и стали, преодолевая ожесточенное сопротивление традиционной советской школы, мощным стимулом развития литературоведческой мысли и у нас и на Западе, где своего рода плодом формализма стали структурализм и постструктурализм.

Почвой для появления этих направлений в начале XX века был серьезнейший кризис языков культуры – на Западе это был первый кризис культуры модерна, а у нас – зрелый кризис культуры традиционалистского общества. Шкловский преодолевал его с поэтами-футуристами, Бахтин – опираясь на философию Серебряного века и учения академической – немецкой «науки о духе»

(Geistwissenschaften). Бахтина интересовали ценностные отношения. Тогда между русским футуризмом и немецким идеализмом не могло быть никакого взаимопонимания: Бахтин с уважением и интересом относился к формалистам, но жестко их критиковал, формалисты же Бахтина совсем не знали, да и в принципе не интересовались философиями, дистанцировались от всякой идеологии. Для них главным было переживание кризиса языка, утрата им непосредственного контакта с жизнью.

В набросках Шкловского к его докладу читаем: «Слово сковано привычностью, нужно сделать его странным, чтобы оно задевало душу, чтобы оно останавливало». Мы улавливаем поэтические тоны в этой формулировке: надо расковать скованное – сделать странным, чтоб задевало, чтоб останавливало... Футуризм хотел освободить слово от конвенциональных, привычно «заданных» культурой смыслов. Странное – задевает, останавливает – остранивая: в слове «странный» у Шкловского мы уже слышим «остраниние» – слова живут, играют, порождают друг друга. Чтобы увидеть и услышать игру красок творящего слова, способного снова «сделать камень каменным», нужно не знать заранее, не думать, а ощущать, чувственно воспринимать краски и – почувствовать «каменность» камня – как реальность по ту сторону традиционных поэтических слов, а для этого поставить слово в строку так, чтобы заговорило не слово, а реальность камня: «чтобы увидеть краски, нужно перевернуть картину», – пишет Шкловский.

Источником новой концепции был опыт нового открытия сути искусства – речь шла не о филологическом анализе произведения, а о специфике искусства, о том, как из слов творится, делается реальность, а не ее знакомые всем знаки. Опыт кризиса языка требовал: слово должно снова стать чувственно наполненным, жизнь должна в нем заговорить от себя, язык, осознав свое бессилие быть адекватным актуальному чувству жизни поэта – должен пробудить свой опыт переживания чувственного контакта с реальностью и стать адекватным жизни, аутентичным. Авангард был здесь наиболее радикальным, он открыл, что главное здесь форма, вернее ее дееспособность: способность создать активное восприятие мира.

Тем самым почти неожиданно начало русского футуризма сомкнулось с академическим формализмом в немецком искусствоведении, изучавшим творческую активность формы в искусстве. Так, Конрад Фидлер заговорил том, что произведение изобразительного искусства – это, прежде всего, чистая визуальность, а не тематика и не сюжет: искусство – автономная структура. Автор концепции «творческой воли» Алоис Ригль говорит о живописи как об «оптическом феномене, а не ли-

тературном сценарии», а Адольф Гильдебранд занимается проблемами формообразования. Генрих Вельфлин, создавая науку об искусстве, исходит из типологии форм искусства; понятие формы у него ключевое – речь не об образе, не о возвышенном или трогательном, а о линии, плоскости, композиции, его категории – тектоническое/атектоническое, линейное/живописное, плоскость/глубина, ясность/неясность и другие – все на почве академического изучения искусства.

Все это, конечно, носилось в воздухе. «Мир искусства» заговорил о самоценности искусства, а не о его полезных функциях; Андрей Белый пишет об автономности слова как такового – ему важно «не что, а как»: самоценность, самовитость слова и звука в поэзии. Русский футуризм стремится к чистой форме самой по себе – «заумный язык» так и понимается – это язык в оппозиции к «умному языку» – конвенциональному носителю шаблонных представлений и «истин» господствующей культуры. Маяковский, ненавидящий существующий язык, требует «читать права поэтов», то есть поэзии. Так идея беспредметного искусства связывается с отказом, как писал Крученых, «от рабской мысли», от идеологии, нормативности. Теория «зауми», «звуко-зауми» и «звуко-вещи» – это идея реализации в слове органически осязаемого переживания реальности. Борис Эйхенбаум, подытоживая, писал поэтому: «Понятие формы явилось в новом значении – не как оболочка, а как полнота, как нечто конкретно-динамическое, содержательное само по себе, вне всяких соотносительностей».

Здесь мы видим и согласие Бахтина с формалистами, и его несогласие с тем, как они понимали свою работу. Несогласие отчетливо видно в книге Бахтина и Медведева «Формальный метод в литературоведении». Для Бахтина, мыслившего в рамках «наук о духе», принципиально важно содержание, а не форма; содержание – это изображенные ценностные отношения – жизнь, «действительность», права которой отстаивали формалисты, выявлявшие способы, приемы, разрушающие автоматизм восприятия и заставляющие жизнь явиться читателю – вопреки предрассудкам этого читателя. При этом действительность или содержание у Бахтина – это не нечто материальное, а прежде всего ценностные отношения, изображаемые в литературном произведении – жизнь как богатство ценностных, часто идеологически осознаваемых героями отношений, представлений, ожиданий, волеизъявлений, реализующихся как голоса, «разноречие действительности».

При этом позиция Бахтина на самом деле близка формальной школе и в плане проблемы формы. Форма у Бахтина всегда содержательна – она является участником эстетического события, которое есть видение автором целого: «Автор-творец –

конститутивный момент художественной формы». Эстетическое событие – это встреча автора и героя: «в художественном произведении два закона и два миропорядка – автора и героя». Однако жизненной активности героя противостоит «внежизненная» активность автора, который не внутри мира героев, не в одной плоскости с ними: автор есть форма целого – эстетическая активность, формирующая художественный мир и его содержание. Внежизненная активность автора – это деятельность приятия мира, которая реализуется не на уровне этического участия в жизни героев произведения, не в плане авторской оценки героя, его осуждения или сочувствия ему, а в плане объективного понимания, возможного с позиции внеаходимости к целому. У этой мысли об автор-форме есть вариации в работах Бахтина. Бахтин то говорит об авторе, который «один на один с действительностью», то о паре автор и герой, или о «двух законах и двух миропорядках» – автора и героя, то о внежизненной активности автора (автор вне мира героя, не там, где жизнь героя, он внеаходим этому миру) и – жизненной активности героя (который внутри, в мире произведения). Автор внеположен жизни, он дает ей форму, он дает ей возможность проявляться, он дает ей слово. Автор у Бахтина не критикует, не сочувствует, он слово дает! А жизнь без него... не выскажется, ему надо слушать жизнь, понимать ее. Это значит, что содержание для Бахтина – не пустая конвенциональность, а подлинная жизнь, ценностно нагруженные, содержательные, важные для автора переживания отношений людей. Поэтому бунт формалистов против «содержания» для Бахтина – бессмыслица. У Бахтина бунт против идеологии – не отказ от содержания, он его видит то в явной, то в редуцированной стихии карнавальности литературы, в чужом слове, в стилизациях и сказе, в амбивалентности.

Выявить в поэтическом языке голоса (отдельные, разные, разных героев) – значит услышать относительность их позиций, ценностей и в этом увидеть и амбивалентность сказа. Бахтин мог это видеть, а формалисты – нет. Борис Эйхенбаум блестяще представляет поэтику комического сказа в статье «Как сделана "Шинель" Гоголя», а также редуцирует «гуманное место» до «мелодраматической декламации». Редукции подвергается у Эйхенбаума и гоголевская карнавальность. Гротескная комическая стихия почти бессмысленна, а сентиментальная патетика – еще хуже, чем просто «комический сказ». Эйхенбаум говорит о снижении патетики, потому что она для него не настоящая. Но для Бахтина и Гоголя в «Шинели» патетика настоящая, и у Бахтина отношение к ней было бы более диалогическое, чем у Эйхенбаума. Сказ – амбивалентная форма, присутствие точек зрения разных миров, голосов, оценок. И «поте-

рять» тему карнавала Бахтин не мог, пришлось писать книгу о Рабле.

Но для самих формалистов это тоже был бунт не против подлинной реальности, а против власти идеологии на уровне языка – несвободы сознания человека, его глухоты и слепоты. Формальная школа шла своим путем, понимая форму тоже как внежизненную активность – на уровне чистой формы, «сделанности» произведения, на которой нужно сосредоточить все внимание. Обе концепции – формальной школы и Бахтина – разделяют содержание и форму следующим образом: с одной стороны – жизнь с ее практическими или этическими переживаниями, с другой стороны – работа автора-творца, эстетически (а не жизненно-этически, практически) действенная, не допускающая идентификации автора с героем. Авторская внежизненная активность изолирует жизненный факт, отдельное событие из общего потока действительности, освобождая его от власти функциональных его зависимостей, от иллюзий восприятия, обусловленных горизонтом сознания внутри этого потока. У Бахтина есть два понятия – понятие «изображенное событие» жизни и понятие «событие изображения» – эстетически действенная активность автора.

В формальной школе этому соответствует противопоставление двух языков – языка практического и языка поэтического, и это разделение, с которым не могут смириться лингвисты, для формальной школы основополагающее: поэтический язык – это язык внежизненного – эстетически-чувственного созерцания жизни, абстрагирующегося от ее социально-моральных оценок. (В обоих случаях понятие эстетического иное, чем в культуре классического типа, где оно было связано с представлениями о высших духовных ценностях «идеала».)

В случаях как формальной школы, так и Бахтина, предметом науки о литературе является творческая работа поэта, автора-творца – работа с материалом, языком практической действительности, но для ОПОЯЗа противопоставление двух языков было важно, так как говорило о высшей ценности поэтического восприятия. Ранний формализм настаивал на том, что поэтический язык есть язык другого сознания, другого уровня человеческого бытия. Но Роман Jakobson в «Новейшей русской поэзии» писал, что язык поэзии как автономный язык не существует и позднее предложил понятие функции – «язык в эстетической функции». Шкловский прочитал это с возмущением – для него это было чем-то вроде предательства – отказа от исходных принципов формальной школы.

Речь о языке в разных функциях, конечно, уходит в сторону от пафоса ранних работ формального метода. Дело в том, что формалисты спасали искусство от отношения к нему как к идеологии.

Искусство утверждалось как неслужебная форма деятельности, ничему не подчиненная форма жизни. Шкловский недаром настаивал на самостоятельном значении звуков в стихе («О поэзии и заумном языке»). Звуковая игра – уже чистое искусство, чистое творчество звуковой реальности, не зависимой даже от смысла. Таким образом утверждалась самоценность, независимость формы, которая не воспроизводила обычное восприятие, а остраивала его, противостоя обычному автоматическому «узнаванию» знакомого и всем известного. Поэтому форма должна затруднять восприятие, деавтоматизируя его: художественная форма переименовывает (как подчеркивает Ханзен–Леве).

Эта защита искусства от обыденного сознания очень близка идее «дегуманизации искусства» Ореги-и-Гассета и определила понимание формальной школой предмета и границ науки о литературе. Jakobson писал, что литературоведение не должно ходить в соседние области: историю, философию, политику, психологию – литературоведение не должно быть тем полицейским, который арестовывает вместе с преступником и того, кто шел мимо. Так, литературоведение до ОПОЯЗа вместо науки о литературе создавало конгломерат доморощенных дисциплин. Поэтому Jakobson заявлял, что предметом науки о литературе является не литература, а литературность – то, что делает произведение литературным, художественным. Это был свойственный формалистам редуциализм, но эта перспектива толкования предмета литературы обладала и своей продуктивностью, сосредотачивая внимание критика-литературоведа на вопросах формы, художественного языка, которые обладают самоценностью и могут содержать смыслы несравнимо более глубокие, чем анализ изображаемых событий.

Против такой изоляции литературного произведения от единства культуры выступал Бахтин, доказывая, что литературное явление необходимо рассматривать в связи с вопросами общей эстетики. Для него это означало более независимое, объективное и глубокое постижение действительности в ее противоречивости и незавершенности, учет самостоятельного веса различных ее голосов, вариантов социально-нравственного опыта.

Обе концепции позволяли науке о литературе усомниться в ценности самого по себе вполне допустимого понятия «мышления образами», чтобы освободиться от него как готового мыслительного штампа, в котором художественное мышление оказывается по сути идентично бытовому, практическим навыками употребления языка, никак не чуждого образности, как это они прекрасно знали, так как внимательно читали труды Потебни о внутренней форме слова. Формалисты не принимали представлений о гармонии формы и содержания

в литературном произведении, так как оно снимало самостоятельность творческой активности поэтической формы, что угрожало восприятию искусства как творческой деятельности, так как поэтическая форма растворялась в обычных механизмах работы «практического языка», теряла «ошутимость», не воспринималась в ее «сделанности».

Идея творческой активности постоянно была в фокусе сознания «авангардиста» Шкловского как все самое главное в искусстве. Шкловский пишет прежде всего о «конструктивных принципах» построения текста произведения, указывая на их содержательность, но почти не занимаясь ее раскрытием. Отсюда – идеи «торможения», широко понятой «ступенчатости» построения – развертывания произведения (рифма, тавтология, параллелизм, психологический параллелизм, обряды, перипетии, задержания, обрамления и т.д.) текста. Я сам считаю важную для Шкловского идею «сюжетного развертывания» чрезвычайно продуктивной, раскрывающий логику творческого мышления, различных способов углубления в материал, дифференцированного его раскрытия, выявления его содержательных внутренних возможностей и широко использую это понятие в своих работах по теории романа. Шкловский, повторяю, мало интерпретирует смысловое содержание процесса сюжетного развертывания, но показывает различные его конструктивные формы, как это происходит, например, в показе параллелизмов, противопоставлений и сопоставлений персонажей романа «Война и мир».

По сути, он создатель концепции содержательности художественной формы, которую блестяще раскрывали молодые авторы «Теории литературы» Института мировой литературы 1960-х годов.

Теория формальной школы разрабатывала многие аспекты литературного творчества, в том числе и проблемы истории литературы, литературной эволюции, форм социального функционирования литературы, закладывая тем самым новые и очень важные для мирового литературоведения пути теории культуры и искусства, например, структурализм и постструктурализм. Такая же антидогматическая теория литературы и культуры Бахтина несколько позже, начиная с 70-х годов, становится известной на Западе и постепенно входит в ряд важнейших эстетических и поэтологических концепций литературоведения и теории культуры, как это происходило и в нашей стране, когда стали параллельно усваиваться и развиваться структурализм и большой ряд бахтинских идей.

Заключение

Основными целями методологического семинара «Theoretical studies»: «Формальный метод в литературоведении и его критика» были: обсу-

дить предмет, задачи и научный метод русской формальной школы и научиться применять метод формальной школы при анализе художественных текстов.

Цели были достигнуты поэтапно. В ходе открытой онлайн-лекции профессора Н.Т. Рымаря «Критика формального метода: М. М. Бахтин» была представлена его личная исследовательская траектория в использовании и освоении формального метода, дана сравнительная характеристика подхода формалистов и М.М. Бахтина, а также Н.Т. Рымарь ответил на адресованные ему участниками семинара вопросы (список вопросов формировался участниками в течение февраля). К лекции присоединились слушатели из Самары, Москвы и Оша (Киргизия).

В онлайн-формате состоялось представление проектов команд-участниц семинара. Были представлены проекты команды Самарского университета и команды Самарского государственного социально-педагогического университета, участники команды Кыргызско-Узбекского Международного университета им. Б. Сыдыкова присоединились в качестве слушателей.

В очном формате в корпусе факультета филологии и журналистики Самарского университета состоялся круглый стол с обсуждением итоговых исследовательских докладов с анализом художественных текстов. Исследовательский инструментальный формальный метод был применен к ряду поэтических, прозаических и кино-текстов.

Библиографический список

Анкета к 100-летию со дня рождения Ю.Н. Тынянова // Тыняновский сб.: Седьмые Тыняновские чтения. Рига, Москва, 1995-1996. С. 9–86.

Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва: Художественная литература, 1975. С. 6–71.

Бахтин М.М. Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику. Нью-Йорк: Серебряный век, 1982. 237 с.

Винокур Г.О. Поэтика. Лингвистика. Социология (Методологическая справка) // Винокур Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. Москва: Наука, 1990. С. 22–30.

Выготский Л.С. Глава VII. Легкое дыхание // Выготский Л.С. Психология искусства Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 186–207.

Дмитриев А., Левченко Я. Наука как приём: ещё раз о методологическом наследии русского формализма // Новое литературное обозрение. 2001. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2001/4/nauka-kak-priem-eshhe-raz-o-metodologicheskom>

nasledii-russkogo-formalizma.html (дата обращения: 24.12.2022).

Руднев В. Философия языка и семиотика безумия: Избранные работы. Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2007. 528 с. С. 118–119.

Сухих С.И. Технологическая поэтика формальной школы. Из лекций по истории русского литературоведения. Нижний Новгород: Издательство «КиТиздат», 2001. 160 с.

Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. Москва: Наука, 1977. 574 с.

Тынянов Ю.Н. Проблемы стихотворного языка. Ленинград: Academia, 1924. 139 с.

Тюрин И. Как сделана «Шинель» Эйхенбаума. URL: <https://proza.ru/2005/03/14-222> (дата обращения: 24.12.2022).

Хализев В.Е., Холиков А.А. Парадоксы и «плотворные крайности» русского формализма (методология / мировоззрение) // Вестник московского университета. Серия 9. Филология. 2015. № 1. С. 7–33.

Ханзен–Леве Оге А. Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. Москва: Языки русской культуры, 2001. 672 с.

Шкловский В.Б. О поэзии и заумном языке // Шкловский В.Б. Гамбургский счет. Москва: Советский писатель, 1990. С. 45–57.

Шкловский В.Б. Искусство как прием // Шкловский В.Б. Гамбургский счет. Москва: Советский писатель, 1990. С. 58–73.

Шкловский В.Б. Литература и кинематограф. Берлин: Рус. универс. изд-во, 1923. 59 с.

Шкловский В.Б. О теории прозы Москва: Советский писатель, 1983. 385 с.

Эйзенштейн С. Монтаж аттракционов // Эйзенштейн С.О. Избранные произведения в 6 тт, Т.2, Москва: Искусство, 1964. URL: http://az.lib.ru/e/ejzenshtejn_s_m/text_1923_montazh.shtml (дата обращения: 24.12.2022).

Эйзенштейн С. Четвертое измерение в кино // Эйзенштейн С. О строении вещей. СПб: Алетейя, 2016. URL: http://www.kulichki.com/moshkow/CINEMA/kinolit/EJZENSHTJEJN/s_chetvertoe_izmerenie_v_kino.txt (дата обращения: 24.12.2022).

Эйхенбаум Б.М. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б.М. О прозе. Ленинград: Художественная литература. 1969. С. 306–326.

Эйхенбаум Б.М. О художественном слове // Эйхенбаум Б.М. О литературе: Работы разных лет. Москва: Советский писатель, 1987. С. 331–343.

Эйхенбаум Б.М. О. Генри и теория новеллы // Эйхенбаум Б.М. Литература: теория, критика, полемика. Ленинград: Прибой, 1927. С. 166–209.

Эйхенбаум Б.М. Теория «формального метода» // Эйхенбаум Б.М. О литературе: Работы разных лет. Москва: Советский писатель, 1987. С. 375–408.

Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание: материалы московского конгресса к 100-летию русского формализма (август 2013, РГГУ-НИУ ВШЭ). Москва: Новое литературное обозрение, 2017. 672 с.

Эрлих В. Русский формализм: история и теория. Санкт-Петербург: Гуманитар. агентство «Акад. проект», 1996. 350 с.

Якобсон Р.О. Работы по поэтике Москва: Прогресс, 1987. 478 с.

Якобсон Р.О. Формальная школа и современное русское литературоведение. Москва: Языки славянских культур, 2011. 280 с. С. 11–84.

References

Bakhtin, M.M. (1975), The problem of content, material and form in verbal artistic creativity, *Questions of literature and aesthetics. Researches of different years*, Fiction, Moscow, Russia, pp. 6–71, (In Russ.).

Bakhtin, M.M. (1982), *The formal method in literary studies: A critical introduction to sociological poetics*, Silver Age, New York, USA, (In Russ.).

Dmitriev, A. and Levchenko, Ya. (2001), Science as a technique: once again about the methodological heritage of Russian formalism, *New Literary Review*, vol. 4, [Online], available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2001/4/nauka-kak-priem-eshhe-raz-o-metodologicheskom-nasledii-russkogo-formalizma.html> (Accessed: 12 Dec 2022), (In Russ.).

Eikhnenbaum, B.M. (1927), O. Henry and the theory of the short story, *Literature: theory, criticism, controversy*, Leningrad, Russia, pp. 166–209, (In Russ.).

Eikhnenbaum, B.M. (1969), How Gogol's "Overcoat" was made, *About prose*, Leningrad, Russia, pp. 306–326, (In Russ.).

Eikhnenbaum, B.M. (1987), On the artistic word, *About Literature: Works of different years*, Soviet writer, Moscow, Russia, pp. 331–343, (In Russ.).

Eikhnenbaum, B.M. (1987), The theory of "formal method", *About Literature: Works of different years*, Soviet writer, Moscow, Russia, pp. 375–408, (In Russ.).

Eisenstein, S. (1964), Montage of attractions, *Selected works in 6 vols*, vol. 2, Art, Moscow, [Online], available at: http://az.lib.ru/e/ejzenshtejn_s_m/text_1923_montazh.shtml (Accessed: 12 Dec 2022), (In Russ.).

Eisenstein, S. (2016), The fourth dimension in cinema, *On the structure of things*. Aleteyya, St. Petersburg, Russia, [Online], available at: http://www.kulichki.com/moshkow/CINEMA/kinolit/EJZENSHTJEJN/s_chetvertoe_izmerenie_v_kino.txt (Accessed: 12 Dec 2022), (In Russ.).

Erlikh, V. (1996), *Russian formalism: history and theory*, Humanist. agency "Academic project", Saint Petersburg, Russia, (In Russ.).

- Hanzen-Lewe, Oge, A. (2001), *Russian formalism: Methodological reconstruction of development based on the principle of estrangement*, Languages of Russian culture, Moscow, Russia (In Russ.).
- Jacobson, R.O. (1987), *Works on poetics*, Progress, Moscow, Russia, (In Russ.).
- Jacobson, R.O. (2011), *Formal school and modern Russian literary criticism*, Languages of Slavic cultures, Moscow, Russia, pp.11-84, (In Russ.).
- Khalizev, V.E., Kholikov, A.A. (2015), Paradoxes and "fruitful extremes" of the Russian formalism (methodology / worldview), *Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 7–33, (In Russ.).
- Questionnaire for the 100th anniversary of the birth of Yu.N. Tynyanova (1995–1996), *Tynyanovsky collection: Seventh Tynyanovsky readings*, Riga, Moscow, (In Russ.).
- Rudnev, V. (2007), *Philosophy of language and semiotics of madness: Selected works*, Publishing House "Territory of the Future, Moscow, Russia, pp. 118–119, (In Russ.).
- Shklovsky, V.B. (1990), Art as a technique, *Hamburg account*, Soviet writer, Moscow, Russia, pp. 58–73, (In Russ.).
- Shklovsky, V.B. (1923), *Literature and cinema*, Rus. universal publishing house, Berlin, Germany, (In Russ.).
- Shklovsky, V.B. (1983), *On the theory of prose*, Soviet writer, Moscow, Russia, (In Russ.).
- Shklovsky, V.B. (1990), About poetry and abstruse language, *Hamburg account*, Soviet writer, Moscow, Russia, pp. 45–57, (In Russ.).
- Sukhikh, S.I. (2001), *Technological Poetics of the Formal School. From lectures on the history of Russian literary criticism*, KiTizdat Publishing House, Nizhny Novgorod, Russia, (In Russ.).
- The Age of Removal (2017), *Russian Formalism and Contemporary Humanitarian Knowledge: Proceedings of the Moscow Congress for the 100th Anniversary of Russian Formalism (August 2013, Russian State University for the Humanities - Higher School of Economics)*, New Literary Review, Moscow, Russia, (In Russ.).
- Tynyanov, Yu.N. (1924), *Problems of poetic language*, Academia, Leningrad, Russia, (In Russ.).
- Tynyanov, Yu.N. (1977), *Poetics. History of literature*, Movie, Nauka, Moscow, Russia, (In Russ.).
- Tyurin, I. (1995), *How Eichenbaum's "Overcoat" was made*, [Online], available at: <https://proza.ru/2005/03/14-222> (Accessed: 12 Dec 2022), (In Russ.).
- Vinokur, G.O. (1990), Poetics. Linguistics. Sociology (Methodological reference), *Philological Studies: Linguistics and Poetics*, Nauka, Moscow, Russia, pp. 22–30, (In Russ.).
- Vygotsky, L.S. (1998), Chapter VII Light breathing, *Psychology of art*, Phoenix, Rostov-on-Don, Russia, pp. 186–207, (In Russ.).

Submitted: 09.07.2023

Accepted: 01.10.2023

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Для публикации научных работ в журнале «Семиотические исследования» принимаются статьи, раскрывающие вопросы общей семиотики и смежных дисциплин, ориентированные на междисциплинарный синтез знания в рамках философии, литературоведения и социологии.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое рецензирование. Срок рецензирования – 1–2 месяца. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность: 4 выпуска в год.

Подготовка статьи

Статья может быть предоставлена на русском, английском, немецком, французском, польском, китайском языках в электронном виде в формате .doc (semiotic@ssau.ru).

В статье должны содержаться следующие сведения:

1. УДК (<http://teacode.com/online/udc/>).
2. Сведения об авторе (авторах) (на русском и английском языках): ФИО, место работы, страна, электронная почта, ORCID (регистрация <https://orcid.org/>), по желанию другие идентификаторы в Scopus, WoS и т.д.).
3. Название статьи (на русском и английском языках, не более трех строк).
4. Аннотация (на русском и английском языках). Объем – 150–200 слов (на русском языке), 200–250 (на английском языке). Аннотация должна включать характеристику основной темы, проблемы (задачи) научной статьи, цели работы, методологию (методы исследования), эмпирический материал (источники), научные результаты и их новизну по сравнению с результатами, уже имеющимися в науке, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации.
5. Ключевые слова (на русском и английском языках 7–10 слов).
6. Цитирование (см. приложение «Образец оформления статьи»).
7. Благодарности (см. приложение «Образец оформления статьи»).
8. Информация о конфликте интересов (авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов).
9. Информация об авторах (ФИО полностью, ученая степень, звание, должность, место работы (кафедра, вуз, организация, предприятие), почтовый адрес места работы с указанием страны и почтового индекса).
10. Библиографический список на русском языке, на английском языке References.

Структура основного текста статьи зависит от поставленных целей, задач и исследуемых проблем, но обязательно выделять в ее композиции: введение, постановку задач (проблем), методологию, ход исследования, полученные результаты и выводы.

Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Объем статьи – 20000–40000 печатных знаков с пробелами. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1. При использовании в тексте статьи дополнительных шрифтов они должны быть предоставлены отдельно. Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т. п.) дополнительно представляются в отдельных файлах в форматах .jrg или .png.

Правила оформления ссылок

В журнале «Семиотические исследования» для оформления ссылок в тексте принят гарвардский стиль (Harvard style).

Пример оформления ссылок в тексте публикации в соответствии с гарвардским стилем:

1 автор: Текст ... (Богатова 2015), (Richardson 2015).

2 автора: Текст ... (Смирнова, Федорова 2013), (Cengel and Boles 2015).

3 автора: (Смирнова, Федорова, Иванов 2013), (Cengel, Rogers and Boles 2015).

Больше 3 авторов: (Смирнова и др. 2013), (Cengel et al. 2015).

Если в списке присутствуют однофамильцы, ставятся инициалы: (Иванов И.И. 2013).

Если нет авторов: (Название год).

Несколько работ одного автора: (Петров 2014, 2016), (Richardson 2015, 2018).

Несколько работ одного автора, опубликованных в один год: (Петров 2014a, 2014b), (Richardson 2015a, 2015b).

Если используется прямое цитирование: (Петров 2014, с. 25), (Richardson 2015, p. 98).

Если цитируемая статья написана на латинице (на английском, немецком, испанском, итальянском, финском, датском и других языках, использующих романский алфавит), ссылку на неё следует привести на оригинальном языке опубликования.

Правила оформления библиографического списка и References

Библиографический список должен содержать 15–30 источников.

У всех источников в библиографическом списке необходимо проверить присвоение DOI или URL (электронная ссылка на размещение статьи в РИНЦ, например) и указать его в библиографическом описании при наличии. Иностраные источники даются на языке оригинала.

Библиографический список

Библиографический список оформляется по ГОСТ Р 7.05–2008 в алфавитном порядке, не нумеруется.

Примеры оформления библиографического списка*Законодательные материалы*

Закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Российская газета. 2012 г. № Федеральный выпуск № 5976.

Стандарты

ГОСТ Р 7.0.100-2018 СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления // Электронный фонд: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200161674> (дата обращения: 27.01.2021).

Архивные документы

Материалы об организации Техникума печати при НИИ книговедения // ЦГАЛИ. СПб. Ф. 306. Оп. 1. Ед. хр. 381. Розанов И.Н. Как создавалась библиотека Исторического музея: докл. на заседании Ученого совета Гос. публ. ист. б-ки ФСР 30 июня 1939 г. // ГАРФ. Ф. А-513. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.

Книга одного автора

Рубальская Л.А. Такая карта мне легла: стихи, проза. Москва: Эксмо, 2008. 445 с. : ил.
Улицкая Л.Е. Люди нашего царя: сборник. Москва: Эксмо, 2008. 365 с.

Книга двух–трех авторов

Чиркова Ю.В., Колосова Т.А. Проективные методы в диагностике нарушений развития личности в детском возрасте : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. направлениям. Москва: Юрайт, 2019. 216 с.

Чернышев А.С., Сарычев С.В., Гребеньков Н.Н. Методика преподавания психологии. Современные технологии: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 222 с.

Книга четырех авторов

При наличии четырех авторов, книга описывается под заглавием, все четыре автора указываются за косой чертой.

Разнообразие микроорганизмов источников Байкальского региона: учебное пособие / Е.В. Лаврентьева, Д.Д. Бархутова, Б.Б. Буянтуева, Б.Б. Намсараев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2009. 148 с.

Книга пяти авторов

При наличии пяти авторов и более, книга описывается под заглавием. За косой чертой (сведения об ответственности) перечислить первых 3-х авторов с обозначением [и др.].

Рекреационный потенциал Баргузинского Прибайкалья и Селенгинской Даурии: проблемы освоения / К.Ш. Шагжиев, В.А. Бабиков, А.В. Мантатова [и др.]; Федер. агентство по образованию, Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та.

Многотомные издания

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений с приложениями. В 11 т. Т. 7. Письма, 1905–1926. Москва: Слово, 2005. 823 с.

Гиппиус З.Н. Соч.: в 2 т. / вступит. ст., подгот. текста и коммент. Т.Г. Юрченко. Т. 1. Без талисмана; Победители; Сумерки духа. Москва: Лаком-книга: Габестро, 2001. 367 с.

Статья из журнала

Никольская А.В. Влияние цифровизации на психологическое состояние студентов с ограниченными возможностями здоровья // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 107–118.

Епифанцев Т.Н., Крюков А.В. Трансформация культурных кодов // Вопросы лексикографии. 2017. № 1. С. 80–86.

Статья из книги или другого разового издания

Коломак Е.А., Трубахина И.Е. Анализ пространственной концентрации экономической активности в Новосибирской области // Экономико-математические исследования: математические модели и информационные технологии. Отв. ред. Л.А. Руховец. Санкт-Петербург: Нестор-История. С. 132–150.

Электронные ресурсы

РУКОНТ: национальный цифровой ресурс: межотраслевая электронная библиотека. URL: <https://rucont.ru> (дата обращения: 14.10.2019).

Конституция Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875> (дата обращения: 27.01.2021).

Электронный Архив В.И. Вернадского. URL: <http://vernadsky.lib.ru> (дата обращения: 27.01.2021).

Статьи с сайтов журналов и газет

Журавлева И. В. Социальная обусловленность здоровья подростков во временном аспекте // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 2. С. 132–152. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=6414&l=&j=4 (дата обращения: 27.01.2021).

References

Библиографический список на латинице (References) оформляется по стандарту Harvard.

- Библиографические источники не нумеруются и располагаются в порядке, указанном в библиографическом списке.
- Для разделения элементов записи используют запятые.
- Запись всегда начинается с фамилии автора, затем инициалы, за которыми следует дата в скобках. Фамилии и инициалы авторов приводят в транслитерации (иностранных авторов – в оригинале).
- Если более чем одна запись одного и того же автора, сортировать по датам.
- Название книги и периодического издания всегда выделяется курсивом.
- Имя издателя показывается перед местом издания (как это было бы в адресе). Место издания – город, страна. Сокращения для штатов США должны быть с большой буквы и добавлены по мере необходимости.
- Ссылки на электронные ресурсы следуют тем же правилам, а затем «по адресу:» и URL-адрес.

Правила для русскоязычной литературы:

- ФИО автора (авторов) приводится в транслитерации.
- Название статьи переводят на английский язык.
- Название книги переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных книг приводят оригинальное английское название.
- Название периодического издания приводят в транслитерации. Если издательство (предприятие, учреждение, организация и т.п.) имеет официальное англоязычное название, то нужно приводить это название.
- Название издательств и организаций СНГ приводят в транслитерации.
- Название города, названия конференций, пояснительные слова, словосочетания переводят на английский язык. Для международных конференций, имеющих второе англоязычное название, приводят это название.
- Сокращения заменяют англоязычными аналогами:

part 2; volume 3; Vol. 3; pp. 10-19; 323 p.; no. 1; issue; Abstract of the dissertation; International conference proceedings (Int. Conf. Proc.); Scientific-and-technical (Sci.-Tech.) collected articles; dated 19 December 2013; monograph; Annals – Ann.; Annual – Annu.; Colloquium – Colloq.; Conference – Conf.; Congress – Congr.; Technical Paper – Tech. Paper; First; Second; Third; Fourth/nth... – 1st; 2nd; 3rd; 4th/nth...; Convention – Conv.; Digest – Dig.; Exposition – Expo.; International – Int.; National – Nat.; Proceedings – Proc.; Record – Rec.; Symposium – Symp.; Technical Digest – Tech. Dig.

Базовая структура

Фамилия, инициалы (год издания), название, издатель, место издания, журнал и т.д., точные ссылки.

Пунктуация должна быть следующей: для двух авторов отделяются «and» и без запятой; для нескольких авторов разделяются запятыми, но последняя фамилия должна быть связана с предыдущей «and» без запятой.

Книги

Англоязычные книги

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название курсив*, № издания, издательство, город, страна.

Русскоязычные книги

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название in English курсив*, № издания, издательство, город, страна.

Примеры оформления в References

Книги с одним автором

Adair, J. (2018), *Effective management: How to save time and spend it wisely*, Pan Books, London, UK.

Книги с двумя и более авторами

Turchaninov, I.A., Joseph, M.A. and Kasparyan, E.V. (1989), *Fundamentals of Rock Mechanics*, Nedra, St. Petersburg, Russia.

Книги того же автора в том же году

Napier, A. (1993a), *Fatal storm*, Allen and Unwin, Sydney, NSW.

Napier, A. (1993b), *Survival at sea*, Allen and Unwin, Sydney, NSW.

Книги с анонимными или неизвестными авторами

The University Encyclopedia (1985), Roydon, London, UK.

Книги под редакцией

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Оригинальное название книги курсив*, № издания, in Фамилии, И.О. редакторов (ed.), издательство, город, страна.

Примеры оформления в References

Sjostrand, S. (1993), *Institutional change: theory and empirical findings*, M.E. Sharpe (ed.), Armonk, N.Y.

Статьи в журналах и периодических изданиях

Англоязычные статьи

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), Название статьи, *Название издания курсив*, vol. номер тома, no. номер выпуска (если он существует), pp. номера страниц статьи.

Русскоязычные статьи

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), Перевод названия статьи на английский язык, *Название издания транслитерация или английское зарегистрированное курсив*, vol. номер тома, no. номер выпуска (если он существует), pp. номера страниц статьи.

Примеры оформления в References

журнальная статья

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Khomenko, O.Ye. (2010), Control of the energy of rocks in underground ore mining, *Mining Journal. Ferrous metals*, Special Issue, pp. 41–43.

Huffman, L.M. (1996), Processing whey protein for use as a food ingredient, *Food Technology*, vol. 50, no. 2, pp. 49–52.

журнальная статья с номером тома и/или выпуском

Bessant, J. and Webber, R. (2001), Policy and the youth sector: youth peaks and why we need them, *Youth Studies Australia*, vol. 20, no. 1, pp. 43–47.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Daniel, T. (2009), Learning from simpler times, *Risk Management*, no. 1, pp. 40–44.

Karas T.H., Moore J.H. and Parrott L.K. (2008), Metaphors for cyber security, *SANDIA report*, vol. SAND 2008–5381, pp. 3–42, DOI: <http://doi.org/10.2172/947345>.

Электронные ресурсы

Необходимо следовать той же конвенции ссылок, как для печатных источников, но включать элементы, уникальные для Web:

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название курсив*, available at: полный URL, (Accessed дата обращения).

Пример оформления в References

Young, C. (2001), English Heritage position statement on the Valletta Convention, [Online], available at: <http://www.archaeol.freeuk.com/EHPositionStatement.htm> (Accessed 4 Aug 2011).

Стандарт транслитерации

При транслитерации рекомендуется использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Для транслитерации текста в соответствии со стандартом BSI можно воспользоваться ссылкой <http://translit.ru/?account=bsi>

Рукопись может быть возвращена авторам, если она не соответствует вышеприведённым требованиям.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 330

Дата: поступления статьи:
после рецензирования:
принятия статьи:

П.С. Петров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

И.В. Иванов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере**Аннотация:****Ключевые слова:**

Цитирование: Петров П.С., Иванов И.В. Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2021. Т. 1, № 1. С. 15–25. DOI

Благодарности: авторы выражают благодарность (...) за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Петров П.С., 2021** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории журналистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Иванов И.В., 2021** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

P.S. Petrov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

I.V. Ivanov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanities**Abstract:****Key words:**

Citation: Petrov, P.S. and Ivanov, I.V. (2021), Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanities, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 15–25, DOI

Acknowledgments: the authors express their gratitude (...) for the assistance provided in the study.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Petrov P.C., 2021** – doctor of philology, assistant professor, professor of the Department of Theory and History of Journalism, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Ivanov I.V., 2021** – doctor of philosophical science, professor, professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Ход исследования

Полученные результаты и выводы (Заключение)

Источники фактического материала

Чернышев А.С., Сарычев С.В., Гребеньков Н.Н. Методика преподавания психологии. Современные технологии: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 222 с.

Библиографический список

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Епифанцев Т.Н., Крюков А.В. Трансформация культурных кодов // Вопросы лексикографии. 2017. № 1. С. 80–86.

Журавлёва И.В., Лакомова Н.В. Региональные особенности отношения подростков к здоровью и окружающей среде // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8 № 4. С. 88–104. DOI: <http://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7658>.

References

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Epifancev, T.N. and Krjukov, A.V. (2017), Transformation of cultural codes, *Russian Journal of Lexicography*, no. 5, pp. 80–86.

Zhuravleva, I.V. and Lakomova, N.V. (2020), Regional Features of the Attitude of Adolescents to Health and the Environment, *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika = Sociological Science and Social Practice*, vol. 8, no 4, pp. 88–104, DOI: <http://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7658>.

Submitted: _____

Revised: _____

Accepted: _____